

Лариса Петровичева

Коллекционер чудес

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Если вы открыли в себе способности к некромантии и родители выгнали вас из дома, ни в коем случае не отправляйтесь в столицу. Если таинственный джентльмен предложит вам отгонять его кошмары — не соглашайтесь. И уж тем более не надо ехать с ним в далекий город, где вампиры, поднятые из могил местным чародеем, убивают невинных девушек. В противном случае вам повезет найти свою любовь, сокровища и... кое-что похуже.

- [Лариса Петровичева](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
-

Лариса Петровичева
КОЛЛЕКЦИОНЕР ЧУДЕС

Глава 1

ДЕВУШКА БЛАГОРОДНЫХ КРОВЕЙ

«Счастье ждет тебя там, где не ожидаешь». Надпись на древнехаомийском вислась над тяжелой дубовой дверью, и Аурика, вчитавшись в аккуратные буквы, подумала: хоть бы ей повезло. За последнюю неделю она уже успела забыть о том, что счастье возможно.

Дом, перед которым она стояла, был большим и изящным, с высокими окнами и стройными колоннами возле входа. Должно быть, комнаты всегда наполняло солнце, и даже в хмурые зимние дни в них было светло. Отведя взгляд от надписи, Аурика несколько минут просто любовалась строением и заснеженным садом с заметными снегом статуями, но потом морозец напомнил о себе, снова принялся ощутимо покалывать ноги в тонких осенних сапожках, и девушка поднялась на крыльцо и решительно постучала в дверь.

Зачем топтаться на пороге? Надо получить ответ и либо оставаться, либо идти дальше. Продолжать поиски и надеяться, что все получится, она найдет работу и покинет свою комнатку на чердаке. Надежда была слабой. Очень слабой.

Аурике долго не открывали, и она успела отчаяться. Ну что за невезение? Ей позарез нужна работа, только, похоже, здесь тоже ее не найти. Но дверь неожиданно открыли, и Аурика увидела высокого молодого человека в темно-сером камзоле. На привратника или дворецкого не похож, смотрит равнодушно и без улыбки. Почему-то Аурике стало не по себе от этого испытующего взгляда — он словно бы проникал в те глубины ее души, куда сама она избегала заглядывать.

— Я по объявлению, — промолвила она и протянула газету, сложенную нужной страницей вверх. — Вот... Добрый день.

Молодой человек холодно кивнул и отступил внутрь, давая Аурике возможность войти. В доме было тепло, и на какое-то мгновение она замерла, блаженно щурясь и осознавая, насколько же замерзла, пока добралась сюда. Все-таки хаомийские зимы суровы, особенно если проводишь их в месте, намного неприятнее этого...

— Вам прямо и направо, миледи, — перебил ее размышления молодой человек, который всем своим видом показывал, что у него есть дела гораздо интереснее и важнее гости. — Господин Тобби в библиотеке.

— Благодарю вас, — кивнула Аурика и уверенным шагом направилась туда, куда было указано.

Ее даже не удосужились проводить. Что за порядки в этом доме? Впрочем, увидев еще двоих парней в таких же серых одеяниях, которые, пыхтя и отдуваясь, тащили огромные металлические ящики по лестнице со второго этажа, Аурика поняла, что здешним обитателям не до нее. Переезжают, что ли?

Возле библиотеки Аурика остановилась, поправила шарфик и, внутренне досадуя на отсутствие зеркала, решительно выдохнула и постучала. Вновь пришлось ждать, но в конце концов она услышала:

— Да, заходите, — и, толкнув дверь, вошла в библиотеку.

Ее потенциальный наниматель сидел в кресле возле окна и рассматривал на свет какую-то стекляшку, рассыпавшую во все стороны разноцветные брызги солнечных зайчиков. Это было настолько красиво, что Аурика растерянно замерла и опомнилась только тогда, когда услышала насмешливое:

— Ну что? Продрогли?

Джентльмену не полагается так разговаривать с леди, но этот джентльмен, похоже, мог себе позволить любые вольности. Он держался как особа, облеченная властью, и ему не требовалось ни мундира, ни орденов, чтоб показать свой статус. Глядя на него, Аурика затруднялась сказать, сколько ему лет. Стройная фигура, светлые волосы, красивое, полное легкомысленного обаяния лицо, как у коллекционной куклы, говорили о том, что хозяину дома вряд ли больше тридцати пяти, но тяжелый взгляд и проблески седины в волосах делали его старше.

Чем дольше Аурика смотрела на него, тем более мрачным и опасным казался он ей. Ему многое пришлось пережить. Его путь был велик и страшен.

— Да, на улице холодно, — проговорила она, окончательно стушевавшись под этим пристальным взглядом, но почти сразу же овладела собой и со словами: — Добрый день, я по объявлению, — снова протянула газету нужной стороной вверх.

Объявление, попавшееся на глаза час назад в свежем выпуске «Хаомийского времени», было ее единственной надеждой на возможность хоть как-то устроиться в жизни — слабой, очень слабой надеждой. «Требуется ассистентка, S. T. N. H.» Прочтя эти скупые строки, Аурика внутренне возликовала. Это был шанс. S. T. N. H, *salva tantom nittima hole*, благовоспитанная девушка достойных кровей. Их набирали в секретари, библиотекари, гувернантки, и Аурика была именно такой.

— Как вас зовут? — осведомился хозяин дома, убирая стекляшку в черную коробку.

Разноцветные брызги напоследок пробежали по комнате и погасли. Сразу стало темнее, несмотря на то что помещение заливал солнечный свет. Аурике показалось, что воздух стал прохладным и в нем проплыла тонкая струйка запаха яблок.

— Аурика вин Селлан, — представилась Аурика. — Я из Запольских земель. Юберфорт, есть там такой город.

На правом ухе джентльмена недоставало мочки. Аурика заметила это только теперь. Изуродованное ухо было изящно прикрыто светлым локоном, словно джентльмен стеснялся своего увечья.

— Далеко отсюда, — произнес хозяин и добавил: — Дерек Тобби, к вашим услугам.

Он сделал паузу, будто оценивал реакцию Аурики, и, похоже, увидел именно то, что хотел, потому что доброжелательно улыбнулся и сказал:

— Давно вы в столице, Аурика?

— Четыре дня, — ответила Аурика, стараясь не думать о том, сколько было пережито за эти долгие холодные дни, наполненные отчаянием и одиночеством.

— А, простите, в этом «узелочке», — господин Тобби бесцеремонно указал пальцем на маленькую сумку, которую Аурика опустила на пол, — ваши вещи? Все?

Аурика почувствовала, как к щекам приливает краска, а глаза начинает жечь. Все ее нехитрые пожитки действительно помещались в дамскую сумку, и Аурика была вынуждена носить ее с собой, чтоб соседи не украли последнего. В доме обитали те еще охотники до чужого добра. Господин Тобби с невероятной легкостью пробил дыру в той броне, которую она так старательно выстраивала с того момента, как села в вагон третьего класса и отправилась в столицу, — в ее родном городе магов считали отверженными.

Теперь брони не стало. А она-то надеялась, что сможет быть сильной, что сумеет принимать удары судьбы с тем спокойствием, которое полагается леди. Не получилось. Вопрос Дерек Тобби сделал Аурику маленькой, жалкой и слабой, куклой, которую сломали и выбросили.

— Да, — кивнула Аурика. — Это все мои вещи.

Голос все-таки дрогнул. Потенциальный наниматель ободряюще улыбнулся, хотя тепла в этой улыбке было примерно столько же, сколько в снеге за окном, и указал на кресло возле камина.

— Присаживайтесь, Аурика, в ногах правды нет.

Аурика послушно опустилась в кресло и вздохнула с облегчением, вытянув к весело трещавшему огню замерзшие ноги.

Дерек Тобби сделал глоток из стоящего перед ним на столе пузатого бокала и произнес:

— Итак, за что же родители выгнали вас из дома в такую погоду? Я вас слушаю очень внимательно.

Аурика едва не перестала дышать. Откуда он знает? Господин Тобби по-прежнему смотрел на нее с дружелюбным видом, чуть склонив голову к плечу, и чувство стыда и обиды все больше и больше охватывало ее.

— Откуда вы знаете? — испуганно спросила Аурика.

Дерек Тобби снова улыбнулся, провел пальцем по краю бокала и ответил:

— Обручального кольца нет, значит, вы не замужем. Одежда хорошая, но не по погоде. Зимы в наших краях суровые, а вы, можно сказать, налегке. В Запольских землях очень крепкие семьи, так что, отправляя вас в чужие края, родители непременно одели бы вас потеплее и дали бы гораздо больше вещей. Значит, они вас выгнали. Прежде чем нанимать вас на работу, я хотел бы узнать, почему это случилось.

Аурика шмыгнула носом, понимая, что не имеет права расплакаться перед этой злой куколкой. Ни в коем случае. Ей на мгновение захотелось улететь далеко-далеко, туда, где тепло и нет этого человека с пронзительным взглядом.

— У меня проявились *способности*, — прошептала она. Честность — лучшее, что есть у леди, и Аурика решила быть честной. — Недавно проявились. И родители сказали, что я могу проваливать к дьяволу. Потому что теперь я позор для семьи и дома. И никто и никогда не возьмет меня замуж даже с большим приданым...

Это было хуже всего, даже хуже того, что в ней проснулось. Старая дева — позор для всей семьи. Максимум, на что она может рассчитывать, — брезгливое сочувствие. В худшем случае сочли бы проклятой и стали чураться ее, а то посмотрит дурным глазом и расстроит чужое семейное счастье.

Господин Тобби понимающе кивнул, словно сразу разобрался, о каких способностях говорит Аурика, и ей почему-то стало легче. Она почувствовала, что угрозы нет, и то, что в ней зародилось, не делает ее прокаженной. По крайней мере, в глазах этого человека.

— Какие именно способности? — уточнил Дерек Тобби.

Аурика замялась, не желая открывать неприятную правду, но затем подумала, что от этого человека лучше ничего не скрывать. Ей казалось,

что он видит ее насквозь. И этому не мешает даже запах спиртного.

— Я могу общаться с мертвыми, — проговорила Аурика. — В нашем имении умер управляющий... И я смогла услышать его голос, когда подошла к гробу. Он просил, чтоб его похоронили в новых сапогах, в Царствии Небесном стыдно ходить в стоптанных...

— Способности к некромантии в столь юном возрасте — это бывает. И быстро проходит, если дар не развивать, — ободряюще произнес Дерек Тобби, и теперь его улыбка была более искренней и мягкой, словно он узнал об Аурике все, что хотел, и это ему понравилось. — Что ж, Аурика, с вами мы все выяснили, давайте теперь обо мне. Я министр инквизиции в отставке. Ее величество сочла мои методы работы слишком грубыми, так что послезавтра я уезжаю из столицы в деревню. В почетную ссылку, так сказать.

Значит, действительно переезд. Аурика изо всех сил старалась взять себя в руки и сохранять невозмутимое выражение лица, но внутри нее все трепетало от нарастающего ужаса.

Она всегда умудрялась вляпаться в какую-нибудь неприятную историю. Вот и сейчас... Только Аурика могла попасть в дом инквизитора, человека, который призван обуздывать таких, как она. Только ей могло так не повезти.

— Мне нужна помощница, — продолжал Дерек Тобби. — Работа может показаться в определенном смысле предосудительной, но даю вам слово офицера и джентльмена, что ваша честь и доброе имя не пострадают. Ваша задача будет состоять в том, чтобы спать со мной.

Аурика не сдержалась и ахнула. Мало того что она умудрилась угодить к инквизитору, так ей еще и предлагают нечто совершенно невероятное и возмутительное! Только вот у нее нет другого выхода. Несмотря на то что слова потрясли ее, Аурика уже понимала, что согласится. Для нее это действительно последний шанс.

— Я уже шесть лет страдаю от ночных кошмаров, — с прежним спокойствием пояснил Дерек Тобби, — которые отступают, если ночью рядом со мной кто-то есть. Вот в чем будет состоять ваша работа: бодрствовать до утра, а когда я начну ворочаться и разговаривать во сне, просто легонько толкните меня в плечо. За это вы будете получать тысячу карун. — Он пристально посмотрел на совсем растерявшуюся Аурику и с нажимом добавил: — Повторюсь: ваша честь останется неприкосновенной. Наши отношения будут исключительно рабочими.

— Я согласна, — прошептала Аурика.

Она и сама не ожидала, что согласится настолько быстро, — за нее

говорили усталость, голод и холод. Ведь тех ассигнаций, что сунула на прощанье мать, не хватит и на месяц, а потом она закончит чем-то намного хуже той работы, которую предлагал господин Тобби.

Аурика прекрасно понимала, что тысячу карун не будут платить просто за похлопывание спящего по плечу. Понимала и все-таки отвечала согласием на это щедрое предложение.

— Вот и хорошо. — Улыбка бывшего министра была невероятно обаятельной.

Он, в общем-то, производил приятное впечатление: Аурика невольно почувствовала расположение.

Дерек Тобби смерил гостью еще одним оценивающим взглядом, будто мысленно снимал мерки, и потянулся к тяжелому кожаному бумажнику, лежавшему на краю стола. Зашуршали рыжие ассигнации (Аурика никогда не видела настолько крупных купюр), звякнуло золото.

Бывший министр подвинул деньги в сторону Аурики.

— Читайте это авансом, — сказал он. — Тут чуть дальше по улице есть магазин Абругто, этого вам хватит, чтобы обновить гардероб. Купите нормальную обувь и шубку, обещают суровую зиму. Вряд ли простуда поможет вам работать.

Аурика поднялась из кресла и, не чувствуя ног, подошла к столу и взяла деньги. Ей на мгновение вспомнилось мрачное напутствие матери. Когда Аурика уже выходила из дому с тем узелком, о котором так небрежно отозвался господин Тобби, услышала в спину: «Да быть тебе шлюхой, поганая магичка». Слова звучали как плевки. И вот она берет деньги от того, кто купил ее. Все сбылось.

Похоже, Дерек Тобби верно оценил состояние Аурики, потому что снова улыбнулся и ободряюще произнес:

— Я ничем вас не обижу, Аурика. Не сомневайтесь.

Если бы только это было правдой!

Магазин, в который господин Тобби направил Аурику, напоминал те роскошные сокровищницы желанных товаров, которые она изредка видела в журналах. Хрустальные люстры, множество зеркал в золотых рамах и манекены, похожие на античные статуи и разодетые по последней моде, — словом, все для настоящих леди, которые не откажут себе в удовольствии купить при случае готовое платье.

Швейцар открыл дверь перед Аурикой, поклонился ей, и она неожиданно остро почувствовала свою бедность. Никакой леди она не казалась — так, девчонка с чердака в стоптанных сапожках, которой не

положено находиться в этом царстве мрамора, пушистых восточных ковров и красивой одежды. Смущение было настолько велико, что Аурика приготовилась развернуться и уйти. Но к ней уже спешил администратор зала — высокий элегантный мужчина во фраке, с подкрученными усиками и идеальным пробором в черных волосах. Поклонившись и одарив Аурику очаровательной улыбкой, он доброжелательно проговорил:

— Я Аттула, администратор магазина. К вашим услугам. Что угодно, леди?

Аурика решительно выдохнула и, запустив руку в карман пальто, выгребла золото и ассигнации бывшего министра. Аттула едва заметно дернул бровью и больше ничем не выразил удивления. Аурике пришло в голову, что она похожа на воровку, которая вытаскила кошелек у какого-нибудь богатея.

— Я уезжаю на север, — сказала она и высыпала золото в расторопно подставленную ладонь администратора. — Мне нужно полностью одеться по погоде.

Аттула понимающе кивнул, и Аурика увидела, что денег уже нет, исчезли, будто их и не было. Похоже, его вовсе не интересовало, откуда у девушки деньги. Аурике вдруг подумалось, что все люди в мире думают только о себе и им не важно, что происходит в ее жизни, — от этой мысли ей стало немного легче.

— И по погоде, и по моде, — теперь администратор улыбался, как сытый хищник. — Нам буквально два дня назад прислали новую коллекцию платьев Буккерини и Леопольда, а у вас просто идеальный размер.

Повинуясь незаметному знаку, откуда-то из-за манекенов появилась продавщица с целой горой одежды, и Аттула приглашающим жестом указал на золотые дверцы, которые гостеприимно распахнулись перед покупательницей.

— Прошу в примерочную, — прощепетала продавщица.

«Неужели жизнь налаживается?» — подумала Аурика.

Денег, столь любезно врученных ей новоявленным работодателем, хватило на два теплых платья, несколько комплектов хорошего белья и чулок, а еще на сапожки, отороченные мехом, на шапку, рукавички и самое главное — на шубу. Девушка, отражавшаяся в зеркале, ничем не напоминала ту испуганную провинциалку, которая всего лишь час назад постучала в двери дома бывшего министра. Аурика видела не привычную себя, а изящную красавицу, под каблучками которой лежит весь мир. Такой и должна быть леди. Такими и были леди в журналах, которые выписывала

мать, изредка качая головой и сокрушенно приговаривая, глядя на Аурику: «Нет, такой тебе никогда не быть».

А она все-таки стала.

Но когда Аурика вышла из магазина в ранние зимние сумерки и вдохнула морозный воздух, пахнувший металлом и гарью большого города, ее решимость практически растаяла. Она села на скамейку и, глядя, как по тротуару спешат пешеходы, а по дороге едут omnibusы и диковинные самоходные экипажи, подумала, что ничего хорошего ее не ждет.

Ну как она вообще могла согласиться на такое постыдное предложение! Мама была права, когда говорила, захлебываясь слезами и глотая пилюли от нервов: «В тебе всегда была какая-то червоточина! Всегда! Посмотри на соседок — все вышивают, учатся домашнему хозяйству, готовятся выйти замуж, а ты? Только книги и ученость, и к чему все привело? К разговорам с покойниками! Ты изначально порочная, дрянная девка — вот и вылезла твоя дрянь! Гниль не скроешь!» Пожалуй, родители не удивились бы, узнав, какую именно работу нашла их дочь. Мама покачала бы головой, а отец произнес бы что-то вроде: «Я в этом и не сомневался».

Но что ей оставалось делать? За эти несколько дней, проведенных в столице, полуголодных и полных отчаяния, Аурика пробовала устроиться секретарем, машинисткой, библиотекарем, даже судомойкой в ресторан, и ничего не вышло. В ресторане вообще решили, что барышня шутит или с жиру бесится. Деньги утекали как вода, хотя Аурика не тратила их на ерунду: сняла комнатку на чердаке, а питалась только завтраками.

И она никогда не купила бы себе шубу. Никогда. И умерла бы от чохотки к Новому году — где-нибудь на улице, потому что за комнатку на чердаке нечем стало бы платить.

Всхлипнув, Аурика подумала, что надо брать себя в руки и приступать к работе, не оглядываясь назад. Крыша над головой, уют, еда... И, в конце концов, бывший министр Тобби — это всего один мужчина. Аурика прекрасно понимала, как и чем зарабатывают на жизнь проститутки, и не хотела такой участи.

Фривольный роман о жизни дам из веселого дома она однажды нашла в отцовской библиотеке старательно спрятым за темно-синими корешками энциклопедий и получила за это первую в жизни порку. Барышням не положено читать таких книг, мама едва в обморок не упала, когда увидела, что именно лежит на прикроватном столике ее дочери. Эту книгу ей тоже припомнили во время семейного скандала, мол, порок всегда тянется к пороку, как свинья к грязи. Но ведь это не Аурика зачитала роман

до дыр.

Она вздохнула и поднялась со скамьи. Что сидеть и мучиться от горьких дум, когда решение уже принято и ее ждут? При мысли о том, что она, девушка из приличной семьи, которая, разумеется, еще и не целовалась-то ни с кем, сегодня ляжет в одну постель с мужчиной, Аурика начинала чувствовать внутреннюю дрожь и подступающую тошноту. А когда представила, как бывший министр вдруг начнет развязывать шнурочки на ее ночной рубашке, то у нее перед глазами потемнело от ужаса и отвращения. Но, может быть, все окажется не так страшно, как она представляет?

В доме продолжалась прежняя суэта: теперь из библиотеки выносили коробки с книгами. Бывший министр сидел на диване в гостиной и просматривал бумаги, откладывая одни документы в сторону, а другие бросая в камин. Рядом на столике стоял уже знакомый бокал, а на щеках работодателя Аурика заметила пятна хмельного румянца. Увидев Аурику, господин Тобби улыбнулся и, уже привычно смерив ее оценивающим взглядом, довольно сказал:

— Отличный выбор. Я, честно говоря, думал, что вы сбежите.

Аурика сняла шубку, которую тотчас же подхватил кто-то из молодых людей в сером, опустилась в ближайшее кресло и призналась:

— Мне это и в голову не пришло.

— Ну вот и замечательно. — Дерек Тобби порвал какой-то документ, отправил клочки в огонь и задумчиво посмотрел на оставшуюся стопку. — Аурика, простите меня, но я даже не спросил, хотите ли вы есть.

Аурика усмехнулась. Сегодня она позавтракала овсяной кашей на воде, и было это, когда еще не рассвело, а сейчас почти вечер. Она всеми силами старалась не обращать внимания на голод, но это уже плохо получалось.

— Хочу. Даже очень хочу, — призналась она и отважилась задать вопрос, тень которого преследовала ее с того момента, как она вошла в этот дом: — А что случилось с девушкой, которая была на моем месте?

— Я женился и дал ей отставку, — произнес Дерек Тобби. Очередной документ полетел в камин.

Бывший министр старался говорить со спокойным равнодушием, но Аурика почувствовала, что он тщательно скрывает внутреннее волнение.

— Но мой брак признан недействительным два месяца назад, и я за это время по-настоящему извелся.

Он со вздохом поднялся, переложил стопку бумаг в коробку, которую сразу же унес один из помощников, и, подхватив бокал, указал на одну из

дверей.

— Идемте, Аурика. У вас будет поздний обед, а у меня — ранний ужин.

Когда служанка поставила перед Аурикой тарелку ароматного куриного супа, то на мгновение девушка почувствовала себя дома, будто она садится ужинать с родителями, а добрая Эвельда, их старая кухарка, накрывает на стол, приговаривая: «Кушайте, дорогие мои, кушайте на здоровье». Аромат прозрачного золотистого бульона был просто умопомрачительным, и Аурика, изголодавшаяся за эти дни, сама не поняла, как тарелка опустела. Воспитанная леди не должна набрасываться на еду, как крестьянин, который только что вернулся с поля, тем более в присутствии джентльмена, но Аурика ничего не могла с собой поделать.

В столовую заглянул молодой человек в сером и, заметив, что господин Тобби в очередной раз наполняет бокал, смело забрал графинчик с коньяком, сказав:

— Довольно, ваша светлость.

Бывший министр посмотрел на него с таким видом, словно перед ним — заговоривший предмет интерьера, который вдруг решил покомандовать хозяином дома. Молодой человек улыбнулся, но глаза его остались серьезными.

— Завтра три встречи, ваша светлость, — напомнил он.

Дерек Тобби фыркнул.

— Хвала Господу, послезавтра я уеду! — воскликнул он.

Молодой человек выразительно возвел глаза к потолку.

— До послезавтра я еще работаю на вас. И за всем прослежу, как и полагается, можете не сомневаться.

Дерек Тобби вздохнул и устало махнул рукой: мол, иди уже.

На второе принесли огромную свиную отбивную с ломтиками жареной картошки, мелкими солеными огурчиками и квашеной капустой. Аурика, утолившая первый голод, теперь ела так, как и полагается благовоспитанной девушке из приличной семьи, сопровождая еду беседой. Тем более вопросы так и прыгали с языка.

— А разве можно признать брак недействительным? — спросила она.

Не покидало чувство, что наниматель что-то недоговаривает.

Бывший министр кивнул и спокойно ответил:

— При желании можно подобрать варианты. Я подобрал тот, который устроил и закон, и меня, и мою жену.

— А вы... вы любили ее? Вашу супругу?

Почему-то это казалось Аурике очень важным. Дерек Тобби грустно

улыбнулся, и Аурика поняла, что коснулась темы, которую не имела права затрагивать.

— Да, — кивнул он, ловко нарезая свою порцию стейка на идеально ровные кусочки как профессионал, который умеет обращаться с ножом. — Я и сейчас ее люблю. Но нельзя посадить птицу в клетку и отнести в подвал. Птица тогда умрет, а я не хочу, чтоб она умирала.

На мгновение Аурике стало жаль его чуть ли не до слез. Она почувствовала, что Дерек Тобби говорит искренне, а это дорогого стоит. Вряд ли он будет открывать душу перед первым встречным.

— Простите, — волнуясь, промолвила она, запоздало поняв, что все-таки влезла не в свое дело. — Я не должна была спрашивать об этом.

Во взгляде бывшего министра мелькнули хитрые золотые огоньки.

— Вы очень хорошо воспитаны, Аурика, — одобрительно заметил он. — Хотя ваше любопытство перевешивает воспитание, и это тоже хорошо. Мне это нравится.

— Вежливость — главное оружие леди. — Аурика уставилась в опустевшую тарелку, чувствуя какой-то подвох.

Ее будто бы осторожно и уверенно вели в тщательно спрятанную ловушку, а она покорно шла просто потому, что бежать было некуда.

Принесли десерт — кофе в крошечных фарфоровых чашках и профитроли с шоколадным кремом. Это выглядело восхитительно и, конечно, было безумно дорого, но Аурика, растерянная и испуганная надвигающейся ночью, уже не чувствовала вкуса.

— Со мной все ясно, — сказал наниматель, одним глотком выпив кофе. — А вы?

— Что — я? — не поняла Аурика.

— Расскажите о себе еще. — Хмельной блеск в глазах Дерек Тобби померк, теперь бывший министр смотрел спокойно и немного грустно. Даже привычная улыбка исчезла. — Что вы любите, например?

Аурика пожала плечами. Девушкам полагается любить танцы, вышивание и музыку, то есть те простые и милые вещи, которые сделают юную леди радостью мужа и семьи. Аурика и тут не была такой, как полагается. Иголлка так и норовила сбежать из ее неловких пальцев, и гувернантка, которой приходилось учить свою подопечную вышивать цветы по канве, хмурилась, вздыхала и откладывала пяльцы. Потом она шла к матери и рассказывала, что Аурика не желает стараться, она слишком упряма и ленива... Кажется, это было в какой-то другой жизни. Не с ней. С другой девушкой, которая никогда не стала бы разговаривать с мертвецами.

— Я читать люблю, — ответила Аурика.

Дерек Тобби вопросительно поднял левую бровь.

— Удивительно, — сказал он. — Жаль, среди моих книг нет любовных романов, вам будет скучно.

Аурика наморщила нос.

— Мне не нравятся любовные романы, — призналась она. — Я люблю... Энциклопедии люблю. И книги по истории. И... и физику, — выдохнула Аурика шепотом.

Ей стало стыдно, она не знала почему.

Дерек вновь улыбнулся и поднялся из-за стола, оставив недоеденный десерт.

— Таких книг здесь в избытке, — произнес он. — Моя комната — на втором этаже.

Несмотря на то что в доме было сильно натоплено, Аурика почувствовала озноб с той минуты, как вышла из-за стола.

Она провела вечер за книгой в спальне и, когда часы пробили девять, решила, что пора готовиться к работе. Новая сорочка и белье, которые она взяла без примерки, понадеявшись на опыт продавщицы, подошли просто идеально. Посмотрев в зеркало, Аурика увидела бледную испуганную девушку, похожую на привидение. Включив маленькие лампы по обе стороны широченной кровати, Аурика нырнула под одеяло и снова раскрыла книгу, держа ее перед собой, словно щит.

Аурика была уверена, что сегодня произойдет то, о чем она читала в старой отцовской книге. Конечно, Дерек Тобби заверил, что не собирается покушаться на ее честь, но теперь, когда за окнами была тьма, а в углах просторной комнаты возились тени, Аурика не верила обещаниям, данным при свете дня.

Зачем ему девушка в постели? Посадил бы рядом с кроватью того заботливого парня, он бы справился не хуже. Так нет же, именно девушка нужна.

Аурика понятия не имела, как все будет. Одно дело — по секрету, с затаенной дрожью сердца и торопливым любопытством читать о плотской стороне любви и совсем другое — сидеть на кровати и ждать неминуемого. Лишь бы это не было больно — Аурика плохо переносила боль и едва не падала в обморок даже от пустячного пореза.

Когда наниматель вошел в комнату, Аурика готова была расплакаться от стыда и страха.

— Что за книга? — поинтересовался он, пройдя к шкафу.

Аурика зажмурилась и уткнулась лицом в колени.

Послышался шелест одежды. Что-то стукнуло — должно быть, хозяин повесил на вешалку в шкафу сюртук и рубашку.

— Это «Жизнь животных», — глухо откликнулась Аурика.

Молчать было невежливо, а вежливость — оружие леди, единственное оружие, которое у нее осталось. Она услышала шаги, и кровать дрогнула под весом человека, который подошел и опустился на ее край.

— Аурика, посмотрите на меня, — мягко попросил бывший министр. — Пожалуйста, посмотрите на меня.

Аурика шмыгнула носом и подняла голову. Дерек Тобби, уже успевший переодеться в светло-серую пижаму из тонкого хлопка, сидел на своей стороне кровати и смотрел на нее настолько открытым и честным взглядом, что Аурика едва не разревелась в голос.

— Еще раз клянусь вам, — произнес бывший министр с такой подкупающей откровенностью, что Аурика почти поверила ему, — что ваша честь останется неприкосновенной. Пожалуйста, поверьте мне. Я не собираюсь использовать вашу беду в грязных целях.

Аурика всхлипнула и кивнула. Он улыбнулся и с усталым вздохом опустился на кровать. Лампа с его стороны кровати погасла, и в комнате сразу стало темнее и как-то уютнее, что ли. Все страхи осторожно сделали шаг назад — не ушли, нет, но отступили.

— Доброй ночи, — проговорила Аурика.

Твердый уголок книги впился в ее ладонь чуть ли не до крови, но она не замечала этого. В конце концов, ее работодатель — мужчина с деньгами и связями. Наверняка у него нет недостатка в женском внимании. Зачем ему такая, как Аурика? Совершенно незачем.

— Доброй ночи, — откликнулся господин Тобби. — Начну ворочаться — просто потрясите меня за плечо.

— Хорошо, — кивнула Аурика и открыла книгу на рассказе о том, как полярные медведицы выкармливают детенышей.

Ей все еще казалось, что ее загоняют в ловушку, но ловушки, похоже, не было. Либо она была спрятана так, что пока Аурика не видела капкана.

Он заснул почти сразу и до полуночи не шевелился — Аурика успела дочитать «Жизнь животных» и взяла еще одну заранее приготовленную книгу — «Возникновение мира и человечества». Когда-то она просила родителей подарить ей эту книгу на день рождения, но мать купила очередное платье и набор для вышивания... У бывшего министра была большая библиотека — это оказалось тем немногим, что смогло обрадовать Аурику.

В доме царила сонная тишина, и, изредка бросая взгляд в окно, Аурика

видела, как вокруг рыжего пламени фонаря ленивыми мушками вьются снежинки, — начиналась метель. Сейчас она могла бы лежать на продавленной койке в своей съемной комнате и слушать завывание ветра, напрасно пытаясь согреться под дырявым одеялом. Но комнатуха на чердаке осталась в прошлом — Аурика надеялась, что навсегда. Вернуться туда — все равно что умереть.

Часы в гостиной пробили двенадцать. Аурика подумала, что надо бы навестить уборную, и в этот момент бывший министр резко ударил кулаком по кровати и отчетливо произнес:

— Дьявольщина.

Аурика вздрогнула — вот, кажется, и работа началась. Склонившись над спальником и заглянув в красивое бледное лицо, искаженное страданием, она слегка потрясла нанимателя за плечо и ласково промолвила:

— Господин Тобби, вы спите. Это сон. Это просто сон.

Он глубоко вздохнул, перевернулся на бок, и Аурика поняла, что сделала свою работу так, как и полагалось. Выждав несколько минут и убедившись, что кошмар прошел и Дерек спит спокойно, Аурика выскользнула из-под одеяла и пошла в уборную, примыкавшую к спальне.

Зеркало над маленькой раковиной отразило красивую молодую женщину, но измученную и с темными тенями под глазами. Сполоснув руки, Аурика подумала, что все наладится. Должно быть, ловушки действительно не было. А отсыпаться она сможет и днем.

— Сдохни, — произнес господин Тобби в спальне тихо, но отчетливо. — Сдохни, тварь!

Аурика бросилась назад и, забравшись на кровать, снова погладила Дерекка по плечу.

— Это сон, сон, — промолвила она так, словно говорила с ребенком. — Я тут, я с вами. Это сон.

Лицо бывшего министра дрогнуло, и на нем появилось спокойное, почти умиротворенное выражение. Страшные тени, терзавшие его, отступили. Аурика вздохнула с облегчением и вновь взялась за книгу.

Метель за окном постепенно становилась все сильнее, снежинки из мушек стали растрепанными птицами, а воздух в спальне медленно, но верно остывал. Когда часы пробили три, Аурика уже чувствовала, что замерзает.

Куда истопник-то смотрит? Или с учетом послезавтрашнего переезда он решил облегчить себе работу? В конце концов, она не собирается спать. Она просто ляжет под одеяло, укутается как следует. Никакого сна, ни в коем случае. Ей платят не за сон. Аурика опустила голову на подушку,

укрылась одеялом и подумала, что в комнатухе на чердаке сейчас наверняка гуляет стылый ветер, а в щели залетают снежинки. Интересно, кто будет там жить после Аурики? Какая неприкаянная душа?

Следующим, что она почувствовала, было прикосновение — кто-то легонько щелкнул ее по носу. Она встрепенулась и увидела, что за окном разливается серый утренний свет. Господин Тобби уже не спал — он лежал, приподнявшись на локте, и с лукавым интересом смотрел на Аурику.

— Боже мой, я заснула... — испуганно прошептала она и сразу же села. Надо же было так опростоволоситься, ей ведь платят за то, что она бодрствует, а не сопит до утра. — Дерек, простите. Простите, пожалуйста, я не должна была...

— Все в порядке, — ободряюще произнес наниматель. — Спасибо вам, вы все сделали правильно. Удалось отдохнуть?

— Удалось, — промолвила Аурика. То, что ее не будут ругать, не могло не радовать.

— Ну так что, вы согласны работать на меня и дальше?

— Согласна. — Она кивнула и подумала, что ей, возможно, очень сильно повезло.

Дерек улыбнулся, и его правая рука дрогнула, словно он хотел дотронуться до Аурики, но передумал.

— Тогда можете еще вздремнуть, если хотите, — сказал он. — А у меня свои заботы.

Главной заботой Дерека Тобби, похоже, была наполненность графина с коньяком. Когда спустя несколько часов Аурика умылась, переоделась и спустилась в гостиную, то увидела, что хозяин дома с угрюмым видом сидит в кресле, давешний паренек в сером суетится рядом, раскладывая на столе серебряные пластинки артефактов, и мрачно приговаривает:

— Вы же знаете, что лучше не пить, когда убираем все, что выпито вчера.

Господин Тобби кивнул. Покачал в ладони бокал. Приложился к нему так, словно там была ключевая вода. Аурика подумала, что ей, пожалуй, стоило остаться в комнате.

— Знаю, — вздохнул наниматель. — Дал зарок Пресвятой Деве, что брошу пить, когда уеду. Но я еще не уехал.

— Наверное, решили оторваться за все годы, — проворчал паренек.

Белобрысые вихры на его макушке торчали дыбом — видно, от забот.

— Помолчи, Игорь, — посоветовал Дерек Тобби, покосился в сторону, увидел Аурику и сказал: — Вам лучше пройти сюда, отдача будет

направлена в вашу сторону.

Аурика послушно прошла по гостиной и села на краешек кресла. Вихрастый Игорь бросил на нее пристальный взгляд.

— Вы правильно дали зарок, ваша светлость. Незачем барышне смотреть на всякую пьянь. — Он выложил последний артефакт и пробурчал: — На счет три... Три!

Над артефактами закурился голубой дымок, и бывший министр, поморщившись, прижал пальцы к вискам, словно у него заболела голова. Он сидел так несколько минут, а потом артефакты угасли, и Дерек твердо произнес:

— Неси, — и, взявшись за бокал, показал, что именно нужно принести. Игорь снова демонстративно закатил глаза.

— Не за тем вытрезвляли, — сказал он и принялся собирать серебряные пластинки. В гостиной пахло горелым. — К вам через час господин Штольц придет, то-то он обрадуется, что вы с утра на бровях. Это ему прямо именины сердца. Давайте порадуйте его напоследок.

Похоже, этому Игорю позволялось очень многое. Например, говорить неприятные вещи. Аурика испуганно ждала, что белобрысому устроят выволочку, но господин Тобби понимающе кивнул.

— Штольц — та еще тварь. А ведь тебе с ним работать.

Игорь только рукой махнул:

— С вами-то я сработался. И с ним справлюсь.

Аурика догадалась, что этот Штольц — новый министр инквизиции, который сейчас устраивается в кресле Дерека Тобби. Почему-то ей снова стало жаль своего работодателя. Кто-то делает карьеру, а кто-то все теряет и пьет по-черному. Это только в книгах джентльмены выпивают один бокал шипучего за всю жизнь. На самом деле все было иначе — на примере собственного отца Аурика успела в этом убедиться.

— Вы бледны, — проговорила она, когда Игорь вышел, унося ларец с артефактами.

Дерек кивнул и разочарованно заглянул в пустой бокал, словно все-таки надеялся обнаружить там спиртное.

— Вы тоже, — сказал он и, чуть ли не извиняясь, объяснился: — Не обращайтесь внимания, Аурика, это скоро кончится и больше не повторится. Я очень редко пью и не напиваюсь до безобразного состояния.

Должно быть, ему хотелось все забыть. И жену, которую он до сих пор любил, и рухнувшую карьеру, и врагов, что радовались его поражению. Как говорил управляющий их дома, в вине лучше не топить проблемы — они, твари, хорошо плавают. Но Аурика не была уверена, что эту народную

мудрость стоит сейчас доносить до Дерека.

— Вы ведь взрослый человек, — сказала она. — Опытный, бывалый. Вы сами знаете, что и как надо делать.

Бывший министр пристально посмотрел на Аурику, и на его лице появилось отдаленное любопытство, словно девушка заинтересовала его больше, чем следовало.

— Вы не собираетесь меня жалеть, — твердо сказал он. — И это правильно. Бывает такая жалость, которая убивает.

В гостиную заглянула служанка. Дерек мрачно посмотрел на нее, и та, ойкнув, скрылась.

— Вас часто жалеют? — спросила Аурика.

Все это было неправильным. Вся ситуация была, как в романе. Ну не могут едва знакомые люди говорить друг с другом настолько откровенно... Впрочем, отчего бы и нет? Тем более они провели ночь под одним одеялом.

Аурика признала, что Дерек невольно располагает к себе. Улыбчивый, несмотря на сердечную боль, доброжелательный и понимающий — с ним хотелось быть искренней и говорить, ничего не скрывая. Возможно, у него тоже были особенные способности.

— Иногда случается, — с нарочитым равнодушием ответил бывший министр. — Но я всегда был уверен, что жалеть стоит тех, кто стал жертвой обстоятельств и ничего не мог изменить, даже если очень хотел и старался. А я не жертва. В том, что со мной произошло, никто, кроме меня, не виноват. Я сам разрушил все, что было мне дорого.

Некоторое время они смотрели друг на друга, и Аурика поняла, что лучше ей сейчас улыбнуться, извиниться и уйти в библиотеку на весь день или лечь спать перед новым ночным дежурством, чтоб лишний раз не попадаться на глаза Дереку. Он был с ней слишком откровенен и, похоже, теперь начинал стыдиться этой откровенности.

— Я полагаю, что вы сможете все исправить, — миролюбиво промолвила Аурика.

Дерек натянуто улыбнулся.

— Не сомневаюсь, — ответил он и вдруг добавил: — Спасибо.

Аурика решила не уточнять, за что именно ее благодарят.

Вторая ночь прошла так же, как и первая, но Аурика боялась уже namного меньше.

Дерек добрался до спальни поздним вечером, и Аурика с облегчением заметила, что он трезв, пусть и с трудом скрывает раздражение. Когда он шел в комнату, то что-то пнул по пути: Аурика услышала грохот, звон

разбитого стекла и досадливый возглас ассистента. Должно быть, верный Игорь спрятал все спиртное в доме. Видимо, что-то такое отразилось на лице Аурики, потому что Дерек хмуро поинтересовался:

— Что-то не так?

— Все так, — быстро ответила Аурика. Чутье подсказывало, что бывший министр может быть очень скорым на расправу, а вылететь из теплого дома на выстуженный чердак ей хотелось меньше всего. В родительском доме Аурика в совершенстве овладела искусством быть милой, скромной и тихой, чтоб не вызвать лишнего гнева. — Задумалась над книгой, тут очень интересный раздел о красных лисах.

И она предъявила «Большую энциклопедию млекопитающих Хаомы», над которой провела весь день. Дерек усмехнулся и пошел к шкафу.

— Как мило, — сказал он, открыв дверцу и встав так, чтоб Аурика видела только часть его плеча и руки. — Похоже, вам нравится моя библиотека.

Его голос потеплел, словно Дерек тоже ждал от нее какого-то подвоха и обрадовался, не обнаружив его. А вот Аурика вспомнила, что родители очень скептически относились к ее любви к чтению. Девушка не должна быть слишком начитанной — от этого у нее заводятся странные мысли, которые не способствуют ни скорому выходу замуж, ни особенной любви супруга. Отец прямо говорил: «Не умничай», — а мать добавляла: «Бабий ум — с косу!»

— Очень нравится, — призналась Аурика.

Работодатель переоделся, сел на свою часть кровати, и Аурика увидела в его руках несколько смятых листков, которые могли быть только письмами.

— В Эверфорте у меня тоже много книг, — сказал он. — Вам не будет скучно.

— Это не может не радовать, — улыбнулась Аурика.

Около четверти часа Дерек перечитывал письма, не продолжая разговора. Аурика тоже молчала: как и все благовоспитанные девушки, она в совершенстве владела искусством не привлекать к себе внимания, когда это требовалось. Потом легкий шелест бумаги постепенно стих, и, обернувшись к своему работодателю, Аурика увидела, что он заснул. Письма выпали из его руки на одеяло, и Аурика против воли прочла:

«Дорогая Вера!

Я не знаю, как начать это письмо. Мне слишком много надо тебе сказать, и я — вот незадача! — не знаю, с чего начать. Я

вообще не имею права писать тебе, давно уже чужой. Да и была ли ты моей по-настоящему?»

Аурика смущенно отвернулась. Читать чужие письма — это гадко и непорядочно, и леди никогда так не поступают. Но ведь она и не читала, просто случайно посмотрела и не хотела ничего плохого. Он написал это, должно быть, бывшей жене, кому же еще можно писать с такой сердечной болью и искренней горечью потери...

Несколько минут Аурика внимательно читала о самернийских волках, а потом все-таки не вытерпела и обернулась к разбросанным по одеялу листкам. Она ведь не сует нос в чужое дело, просто смотрит. Смотреть-то ведь можно — а то, что попутно утоляется любопытство, уже детали. В конце концов, она имеет право узнать побольше о человеке, с которым лежит под одним одеялом. Хотя бы ради собственной безопасности.

«Вера, неужели это действительно все? Или я должен был быть жестче? Не позволять тебе уйти к тому человеку, которого ты любишь и любила еще до того, как в твоей жизни появился я, а посадить тебя в клетку и тешить себя надеждами? Да какие надежды, ты просто была бы рядом, и мне хватало бы этого за глаза. А в благородство пусть играют другие, те, кто не любит».

Буквы были острыми и ломкими, словно написаны пьяной рукой. Да Дерек наверняка и был пьян, когда писал это.

«Ты и понятия не имеешь, Вера, во что я превратился без тебя... Да и к счастью, должно быть. Жалеть меня незачем. Но я бы все отдал за еще один день с тобой, за час, за минуту. Но ты давно выбросила меня из головы, и письмо ничего не изменит. Я и не отправлю его. Сложу в стопку к остальным и в очередной раз скажу себе, что довольно валять дурака. Что надо наконец-то взять себя в руки, успокоиться и больше никогда не...»

Дерек шевельнулся, и Аурика едва не отпрыгнула от него. Бывший министр что-то негромко пробормотал — Аурика не разобрала слов. Она осторожно дотронулась до его плеча и промолвила:

— Это сон, Дерек, сон. Вы спите. А я здесь, с вами.

Лицо работодателя дрогнуло, морщина на переносице разгладилась. Аурика вновь открыла книгу и стала вчитываться в очередную статью

энциклопедии. Чужие письма больше не притягивали к себе — она и так заглянула дальше, чем было нужно.

Часы пробили полночь.

Дерек поднялся в половине четвертого утра. Он небрежно сгреб письма, мрачно покосившись на Аурику, которая клевала носом над книгой, и спросил:

— Я сильно кричал, да?

— Вовсе нет. — Аурика улыбнулась, стараясь придать себе максимально спокойный и беззаботный вид. — Всего один раз.

Он пожал плечами, словно ожидал услышать другой ответ.

— Пospите часок, — угрюмо сказал он. — В шесть утра выезжаем.

Аурика отложила книгу на прикроватный столик, послушно опустила голову на подушку и закрыла глаза. Сквозь мгновенно накативший сон она слышала шаги, плеск воды в ванной, а потом Дерек вышел из спальни, и в коридоре раздались негромкие голоса. Аурика села, повела носом: откуда-то отчетливо пахло гарью.

— Не пожар, — услышала она голос бывшего министра. — Это я спалил кое-какие бумаги.

Собеседник что-то пробубнил, и Дерек Тобби ответил:

— Игорь, неужели вы думаете, что я решил поджечь дом напоследок? Мне заняться, что ли, нечем?

Когда шаги и голоса стихли, она поднялась и заглянула в уборную. В металлическом ведерке под раковиной догорали письма. «Что ж, — подумала Аурика, включая воду, — это, пожалуй, хороший знак».

Дорога в Эверфорт заняла весь день. Они выехали ровно в шесть. На крыльце Дерек выпил последний бокал коньяка, обнялся с Игорем, и Аурика отметила, что молодой человек искренне расстроен. Потом за окнами экипажа замелькали темные столичные улицы, еще пустые из-за раннего времени, а потом столица осталась позади, и кругом потянулись тоскливые снежные поля и перелески. Аурика дремала в углу экипажа, укутавшись в шубу. Бывший министр, сидевший напротив, был занят: внимательно читал какие-то документы в темно-красной папке. Аурика из вежливости хотела было спросить, над чем он работает, но в итоге решила промолчать.

Зимнее путешествие — очень скучное занятие. За окном экипажа проплывали унылые заснеженные поля, так похожие друг на друга, что Аурике вскоре стало казаться, что они ездят кругами. Над белым одеялом

полей иногда поднимались таинственные струи прозрачного пара и принимали человеческие очертания. Девушка в разорванном платье мчалась по снегу, простирая руки к экипажу, и от ее хрупкой фигурки веяло такой тоской, что хотелось расплакаться. Стоило Аурике всмотреться, как призрак ударялся о землю и рассыпался пригоршней брызг, чтоб потом, когда она отведет взгляд, снова подняться.

— Марьва, — объяснил Дерек. — Посмертный отпечаток заложной покойницы. Лучше не смотри на нее.

Аурика решила не уточнять почему. Даже на всякий случай задернула занавеску на окошке со своей стороны.

Прогноз погоды, который Аурика прочитала в газете перед отправлением, не обманул, мороз усиливался, и постепенно она начала мечтать лишь об одном: добраться до места назначения и сесть поудобнее.

На одной из станций возле экипажей бегал мальчишка-газетчик, несмотря на мороз, одетый в легкую клетчатую куртку, приметный знак профессии. Паренек размахивал белоснежными газетами и орал во всю глотку:

— Вангейнский убийца возвращается домой! Новый кошмар Эверфорта! Мастер сабель и колдовства снова дома! Вангейнский убийца вводит весь север в ужас!

На товар был спрос — большая часть сумки мальчишки уже опустела. Дерек купил газету, оставил сдачу, и довольный паренек побежал дальше. Когда экипаж вновь двинулся в путь, Аурика поинтересовалась:

— Что там пишут про кошмар Эверфорта?

— Про меня-то? — усмехнулся Дерек и прочел: — «По нашим данным, бывший министр инквизиции Дерек Тобби, известный крутым нравом и беспощадный к преступникам и политическим противникам, возвращается на историческую родину. Он получил известность не только во время недавнего кризиса власти. Дерек Тобби прославился тем, что в дни переворота, организованного Амикусом Мейерном, в одиночку вырезал штаб мятежников в Вангейне, включая самого Мейерна...»

Аурике захотелось стать как можно меньше ростом. Она вжалась в угол экипажа и испуганно подумала: неужели этот рафинированный джентльмен, кошмары которого она отгоняла уже две ночи, способен на массовое убийство? Собственноручно? Да такие тяжелее пера и папки с бумагами не поднимают и наверняка падают в обморок, увидев комара...

Дерек правильно оценил выражение ее лица и спросил:

— Я вас пугаю, да?

Аурика хотела соврать, но все-таки призналась:

— Да. Пугаете.

Сейчас она с трудом сдерживала желание выскочить из экипажа и убежать по сугробам неведомо куда. Работодатель свернул газету и бросил ее рядом с собой, затем откинулся на спинку сиденья и, задумчиво глядя в окно, произнес:

— А вы можете разговаривать с мертвыми. В каком-то смысле меня это тоже пугает. — Он помолчал немного и добавил: — Так что давайте не будем бояться друг друга и тогда поладим. Я бы очень этого хотел.

Должно быть, во взгляде Аурики было что-то, заставившее его добавить:

— Вы очень хорошо справляетесь с моими кошмарами. Даже дышится легче.

«Возможно, это потому, что письма сожжены», — подумала она. Некоторое время они смотрели друг на друга, и Аурика первой не выдержала этого молчаливого поединка. Она вежливо улыбнулась и спросила, словно ставила точку в разговоре:

— А можно мне газету?

Дерек улыбнулся в ответ, кивнул и вновь взял папку с бумагами.

— Не замажьте ручки, — сказал он. — Отвратительная печать, краска пачкает.

Передовица «Эверфортских вестей» была посвящена приезду бывшего министра. С дагеротипного портрета смотрел сдержанный и очень серьезный мужчина, настоящий государственный сановник, но истерический тон статьи говорил о том, что в Эверфорт едет самое страшное чудовище за всю историю города и горожанам лучше спрятаться куда-нибудь подальше.

Содержание второй страницы было похоже на роман ужасов. Аурика некоторое время вчитывалась в статью, а затем сказала:

— В городе происходят убийства девушек.

— Уже полгода, — равнодушно ответил Дерек. — Я слежу за делами на родине. Первый труп, помнится, нашли весной. Единственная дочь местного судьи. Кажется, собиралась выйти замуж.

— Обескровленный труп... — испуганно прошептала Аурика.

Бывший министр понимающе качнул головой:

— Бывает так, что маньяки копируют народные легенды. Что там пишут? Что в городе зверствует вампир?

— Конечно, такие мысли смешны и нелепы в наш просвещенный век, но большинство горожан свято уверены, что в Эверфорте лютует упырь. Именно упыри ведут охоту на невинных дев, чья кровь утоляет их

посмертный голод. Так, по крайней мере, гласит легенда», — прочла Аурика и добавила: — Да, во всем обвиняют вампира.

Дерек неопределенно пожал плечами. В сумраке наступающего раннего вечера он и сам напоминал мифического кровопийцу. С учетом того, что Аурика успела о нем узнать, горожанам следовало бояться не вампира, а вполне реального человека с обликом уважаемого джентльмена.

Они и боялись. Еще как боялись. Еще неизвестно, кто пугал их больше.

— Не тревожьтесь, Аурика, я не дам вас в обиду, — заверил бывший министр таким тоном, что стало понятно: если кровосос решит покуситься на девушку, ему не поздоровится. — В моей компании следует опасаться только меня, и то не каждый день. Вам не о чем беспокоиться.

— Жутко, — призналась Аурика, выглянув в окно.

Экипаж мчался среди заснеженных полей, и на холме впереди уже виднелись красные крыши города. Местность выглядела романтично, словно из старых сказок, и сложно было поверить, что где-то здесь обитает чудовищный убийца. Эверфорт, постепенно вырастающий из снегов и лесов, казался очень спокойным и мирным: разве подумаешь, что тут свирепствует упырь?

— Маньяка интересуют невинные девушки, — произнес Дерек тоном лектора на кафедре. — Он заиклен именно на этом. Невинность имеет для него особое значение. Плюс кровопускание... Возможно, это безумец, который представляет себя вампиром. Полиция, конечно, боится больше обывателей, расследование толком не ведут. Так всегда и бывает в таких краях.

Он вздохнул, с усилием стащил с пальца золотое колечко с крошечным изумрудом и вложил его в ладонь Аурики. Она оторопело посмотрела сперва на кольцо, а затем на бывшего министра, потому как сейчас растерялась окончательно.

— Что это значит? — спросила Аурика, чувствуя, как в животе сгустился ледяной ком.

Работодатель одарил ее очаровательной улыбкой и промолвил:

— Наденьте. Будем делать вид, что вы моя невеста, а не помощница, раз уж вам настолько страшно. Не думаю, что тогда кто-нибудь рискнет на вас покуситься, учитывая мою репутацию.

К щекам Аурики прилила кровь. Отхлынула и снова прилила. Ну, по крайней мере, он не предлагает защитить ее от упыря другим, простейшим способом. Уже хорошо.

— Мне ничуть не страшно, — уверенно сказала Аурика, стараясь не смотреть на раскрытую ладонь с кольцом. — И если вы решили, что я...

— Да ничего я не решил, — усмехнулся Дерек, но его взгляд остался прежним, тяжелым и мрачным.

— Я не трусиха, — нахмурилась Аурика.

Работодатель серьезно кивнул:

— Разумеется, нет. Вы спите в одной кровати с Вангейнским палачом, а это требует значительной силы духа, уж поверьте. А кольцо наденьте, пусть оно подкрепит ваше бесстрашие.

Некоторое время Аурика сидела молча, но потом подумала, что Дерек прав. Раз уж они приехали вместе, живут в одном доме и спят в одной постели, то гораздо лучше считаться невестой, чем шлюхой Вангейнского убийцы. Аурика надела кольцо на средний палец правой руки: среди положенных незамужней девушке серебряных перстеньков оно выглядело властным и чужим.

Что чувствует девушка, когда надевает кольцо, подаренное будущим мужем? Аурика вдруг поняла, что никогда не сможет этого узнать. Кто возьмет ее замуж после того, как она работала у самого Дерека Тобби? Никто. Понимание было ясным, не окрашенным другими чувствами. Аурика вздохнула и сказала:

— Что ж, пожалуй, вы правы. Девушка в доме мужчины выглядит предосудительно.

— Вот именно, — кивнул работодатель. — Не волнуйтесь. Я позабочусь о вашей чести.

Спустя полчаса экипаж въехал в Эверфорт. Глядя на старинные дома, двери, украшенные еловыми венками и новогодними шарами, и изящные фонари вдоль дороги, Аурика подумала, что это очень красивое место, наполненное волшебством, несмотря на все ужасные события последних месяцев. А ведь скоро Новый год, можно будет нарядить елку и пить горячий глинтвейн, купленный у улыбчивого лоточника... Сейчас страшная история о вампире казалась нелепой выдумкой, и, когда экипаж остановился возле двухэтажного дома, выстроенного в духе прошлой империи, Аурика забыла о том, что прочитала в газете. Именно такой дом был нарисован в ее детской книге сказок, и, выйдя вместе с Дерекком из экипажа, Аурика на мгновение поверила, что оказалась внутри истории на желтых книжных страницах.

Дворецкий и прислуга выстроились на крыльце, встречая хозяина. На Дерека и Аурику смотрели с уважением, за которым виднелся вполне узнаваемый страх.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость, — поклонился дворецкий.

Такой чопорный! Если бы Аурика встретила его в родных краях, то наверняка приняла бы за джентльмена, а не за слугу. Одна из служанок, пухлая веселая блондинка, которая с трудом сдерживала улыбку, толкнула под руку свою соседку, словно хотела что-то ей сказать. Аурика решила, что это наверняка по ее поводу. Невеста хозяина дома просто обязана вызывать разговоры и пересуды. Говорить, например, можно о том, как это родители отважились выдать ее за такого человека, как Дерек Тобби. Или о том, какая тьма скрывается за милым девичьим обликом.

Спальня на втором этаже оказалась чуть меньше, чем в столичном доме бывшего министра, но была обставлена с таким же изяществом и роскошью. Аурика устало опустилась в кресло и, стараясь не смотреть в сторону работодателя, который скрипнул дверцей шкафа и принялся расстегивать сюртук, сказала:

— Тут очень мило.

— Тут очень скучно, — усмехнулся Дерек. — Провинциальный городишко, в котором единственное развлечение — вампир. Когда вампиров нет — пиво. Любите пиво, Аурика?

— Терпеть не могу! — призналась она.

Сейчас ей больше всего хотелось избавиться от корсета, но она не могла переодеваться при нанимателе. Это было слишком бессовестным, даже несмотря на то, какой именно была работа Аурики.

— Я его тоже не люблю, но придется потерпеть, — вздохнул бывший министр и продемонстрировал Аурике белоснежную открытку с неровными червячками букв: должно быть, ее передал дворецкий. — Бургомистр приглашает нас на ужин. Без пива там, к сожалению, не обойтись.

Особняк бургомистра Говарда располагался в самом сердце Эверфорта, и Аурика ничуть этому не удивилась. Всякие приезжие могут жить на окраинах, а главе города такое не подходит. Дом был большим, но каким-то приземистым и нелепым, как и его хозяин, обаятельный улыбчивый пузан огромного роста в напудренном по северной моде парике. Парик сидел слегка набекрень, словно бургомистр не очень-то заботился о том, как правильно его надевать.

— Дорогой мой друг! — Говард сразу же сцапал руку Дерека своими лапищами и затряс ее так, что Аурика испугалась: ведь такой медведь вырвет и не заметит! — А я все ждал, когда ты наконец оставишь столицу и

вернешься в наши края!

— Говард, дружище. — Улыбка Дерека была такой сердечной и обаятельной, что Аурика стала сомневаться в причастности бывшего министра к Вангейнской резне. Мало ли какие сплетни сочиняют те, кому нечем заняться? Человек, который так улыбается, не способен убивать. — Ты не представляешь, как я счастлив тебя видеть!

Говард посмотрел на Аурику и лукаво поинтересовался:

— И с супругой?

Дерек Тобби кивнул:

— Поженились неделю назад. Аурика, дорогая, это Говард. Мой старинный товарищ.

«Значит, я уже законная жена», — растерянно подумала Аурика, удивляясь тому, насколько быстро миновала этап невесты. Говард выпустил руку Дерека и с невероятной деликатностью, попросту невозможной для его роста и комплекции, взял правую ладонь Аурики и осторожно поднес к губам.

— Здравствуйте, Аурика, искренне рад вас встретить, — произнес бургомистр, и Аурике показалось, что он действительно рад, настолько чистосердечно это было сказано. Выпустив ее руку, Говард хлопнул Дерека по плечу так, что тот заметно качнулся, и провозгласил: — Ну, дружище, не будем тратить время на политесы, там уже стол накрыт и поросенок стынет! Такого ты в своих столицах точно не попробуешь!

На столе бургомистра был не только поросенок, державший в пасти большое красное яблоко. Тушки куропаток с ягодами, розовые и белые пласты соленой рыбы, икра в хрустальных вазочках, украшенная завитками сливочного масла, овощи всех сортов, золотые ломти сыра — Аурика на мгновение растерялась от такого изобилия. Ее родители были обеспеченными, по меркам Запольских земель, но она никогда не видела настолько щедро накрытого стола.

Самым главным было мясо. Аурика насчитала не менее десятка блюд с говядиной и бараниной, помимо поросят.

Гостей было немного, всего дюжина. И дамы, и джентльмены были в возрасте и чем-то напоминали хозяина дома: то ли тяжелыми, оплывшими фигурами, то ли теми доброжелательно-лукавыми взглядами, которые бросали на Аурику. Из гостей выделялся только один: тощий долговязый мужчина, с виду — ровесник Дерека, одетый в полосатый сюртук. Лицо этого джентльмена, сидевшего напротив Аурики, хранило какое-то странное выражение, словно он страдал от геморроя или чего-то настолько же болезненного. Под его пристальным оценивающим взглядом Аурика

тотчас же стушеввалась, почувствовав себя маленькой и жалкой.

Ей казалось, что долговязый раздевает ее взглядом. Стягивает платье, отбрасывает прочь корсет, словно скорлупку... Это было жутко.

Слуга положил на ее тарелку куропатку и ложку рубиновых, остро пахнущих ягод, а в бокале будто по волшебству появилось вино. Аурика взяла бокал за ножку, как учила мать, и подумала, что в статусе жены господина Тобби есть несомненные плюсы.

— Друзья! — провозгласил Говард, подняв громадный бокал вина. — Выпьем за наших дорогих гостей! Пусть Эверфорт станет для них настоящим гостеприимным домом!

Выпили. Напиток был отличным, но Аурика решила не пить много: ей предстояла бессонная ночь, и она не хотела снова все испортить. Дерек, едва пригубивший вина, склонился к ней и негромко произнес:

— Ешьте без опаски, мы у друзей.

Ужин был похож на те, что устраивали в родительском доме: несколько перемен блюд, разговоры о погоде и политике, тосты. Куропатка в сопровождении ягод буквально таяла во рту. Обещанное пиво лилось рекой, как, впрочем, и отменное вино.

Впервые за долгое время Аурика по-настоящему почувствовала себя в безопасности. Единственным, что ей по-прежнему не нравилось, был пронизывающий взгляд долговязого джентльмена. Он по-прежнему смотрел в ее сторону настолько пристально и цинично, что Аурика окончательно растерялась, не зная, куда себя деть.

Разумеется, речь зашла и об убийствах, и Аурика поняла, что Дерек оказался прав, говоря, что вампир здесь единственное развлечение: о нем говорили с каким-то возбужденным страхом. Среди гостей оказался начальник полицейского управления Эверфорта, угрюмый тип, напоминавший разбуженного среди зимы гризли. Затеяливо крутя столовый ножик в пальцах, поросших темными волосками, он произнес:

— Это, несомненно, проделки слуг дьявола. Никаких улик, никаких подозреваемых, никакого сходства между жертвами, кроме невинности. Всех их находили мертвыми в запертых изнутри комнатах, полностью обескровленными.

— Господь Святой! — воскликнула одна из дам. — Макс, побойтесь Бога! Такие ужасы — и на ночь? Подумайте о наших бедных нервах!

— Ночь кишит ужасами, такова ее природа, — пробурчал полицмейстер, — и к ним надо быть готовым.

Долговязый джентльмен презрительно усмехнулся. С любопытством посмотрел на Аурику, словно хотел понять, как она отреагирует на историю

о вампирах. Дерек положил себе очередную порцию золотистой щучьей икры и небрежно поинтересовался:

— И вы верите в вампиров, господин Макс? Верите в упырей и бабкины сказки в наш век самоходных экипажей и пересадки органов?

Полицмейстер мрачно посмотрел на него и уверенно сказал:

— Да, верю. Я на своем веку насмотрелся на то, что пострашнее любых вампиров. Но нельзя отрицать: конкретно в этих делах замешана нечисть.

— Что ж, — улыбнулся Дерек, — тогда я помогу вам, если вы, разумеется, не против. Я, конечно, уже не министр, но по-прежнему остаюсь старшим советником инквизиции. А это дело, похоже, по нашему профилю.

За столом раздались громкие возгласы радости и облегчения. Дерек искренне благодарил, выражая полную уверенность в том, что убийце, кем бы он ни был, недолго осталось гулять на свободе. Даже долговязый джентльмен одобрительно улыбнулся, а полицмейстер чуть не бросился в пляс от счастья.

И только Аурика испугалась настолько, что прошептала:

— Дерек, не надо в это лезть.

Но ее никто не услышал.

Потом ужин закончился, и в ожидании кофе и десертов гости разошлись по гостиной, собираясь в небольшие группы для более личных бесед. Аурика и сама не заметила, как оказалась возле окна в компании долговязого джентльмена, который поинтересовался:

— Значит, вы жена господина Тобби. Что, неужели настолько сладко греть постель массовому убийце?

Аурика задохнулась от гнева и несколько минут растерянно смотрела на долговязого, не в силах подобрать слова для хлесткого ответа. Дерек стоял неподалеку с бургомистром и полицмейстером и, разумеется, ничего не слышал: незнакомец говорил негромко.

— Как вы смеете... — прошептала Аурика, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Вот только губы предательски задрожали, а к глазам подступила влага. Долговязый ободряюще усмехнулся:

— Ну, ну, будет вам кукситься, прелестное дитя. Я доктор Август Вернон, здешний анатом. Поскольку, так сказать, вожусь с человеческой сутью, то имею привилегию говорить правду. Итак?

— Вы просто бесстыжий тип! Бессовестный! — воскликнула Аурика. Пожалуй, ей тоже стоит говорить правду. — И раз уж на то пошло, я все

расскажу мужу. Прямо сейчас.

— Что расскажете? — с улыбкой полюбопытствовал Вернон.

— Что вы тарасились на меня весь ужин, а потом говорили гадости! — выпалила Аурика.

Щеки так и горели от стыда.

— Несомненно, обидные для чести леди, — расхохотался Вернон. — Привыкайте, сударыня, привыкайте, я в здешнем обществе единственный порядочный человек. Хам, грубиян и пьяница, но в случае надобности вы можете на меня положиться.

— Вот еще! Не собираюсь я на вас полагаться, — презрительно фыркнула Аурика.

Вернон снова усмехнулся:

— Конечно, вам и без того есть на кого положиться, как бы предосудительно это ни звучало. Похоже, вы к нам надолго. Вангейнский изувер заинтересовался делом этих покойниц.

Аурика посмотрела в сторону Дерека, который, склонив голову к плечу, внимательно слушал весьма эмоциональную речь полицмейстера, сопровождаемую широкими жестами, а затем поинтересовалась:

— Если вы анатом, то наверняка проводили вскрытие убитых?

В блеклом взгляде Вернона мелькнуло уважение.

— Юные леди теперь знают о вскрытии трупов? — спросил он.

— Юные леди много читают, — парировала Аурика. — Так что же показало вскрытие?

Лихое веселье покинуло доктора, его скуластое лицо стало серьезным, и он ответил:

— У нас есть профессиональная шутка: «Вскрытие показало, что больной умер от вскрытия». Впрочем, эти девушки в самом деле скончались от потери крови. Все шестеро. Вот здесь, — Вернон завернул манжету и продемонстрировал тощее запястье с выпирающими темно-синими венами, — были крошечные надрезы, через которые, собственно, они и лишились крови.

— И это в самом деле... — Аурика замялась. Теперь, поздним вечером, страхи становились реальными, обретали плоть, и ей не хотелось лишней раз называть их по именам. — В самом деле работа вампира?

Вернон ухмыльнулся. Аурика представила, как он режет мертвые тела, и ей показалось, что этот человек не видит разницы между живым и неживым. Для него существует только смерть, лишь она имеет значение.

— Что бы там ни говорил ваш драгоценный палач про технологии и прогресс, вампиры реальны, — сухо сообщил Вернон, и Аурике стало ясно,

что он взволнован до глубины души. — И хуже всего то, когда скептический разум сталкивается с тем, чего не сумеет объяснить. Скажете — бабкины сказки, легенды, вымысел? Вздор, дорогуша! В наших краях запретные видения становятся ужасной правдой, и горе тем, кто с ней встретится и не будет готов к такой встрече.

Под конец монолога голос Вернона обрел горячую уверенность и пыл. Тем временем Дерек и Говард раскланялись с полицмейстером и отошли в сторону. Бургомистр выглядел очень серьезным, но сквозь эту серьезность проглядывало облегчение, словно бывший министр снял с его плеч невероятную тяжесть.

— И как же бороться с вампирами? — спросила Аурика. — Если уж они свободно разгуливают по городу? Что делать, например, мне?

Вернон осклабился в неприятной ухмылке. «Пожалуй, увидев господина анатома, любой вампир убежит без оглядки», — подумала Аурика.

— Вам-то уж точно бояться нечего, дорогая, — произнес он. — Вампиры охотятся лишь на целомудренных дев... и теперь мы плавно возвращаемся к моему первому вопросу. Вы — такая юная, свежая, нежная. Как вы влипли в такой брак? Неужели родители не знали, кому вас продают?

Вернон сложил руки на груди и испытующе уставился на Аурику. Надавать бы пощечин по этой наглой физиономии, жаль, что Аурика не бойкая крестьянка, а леди. Крестьянка бы не робела.

— Не вашего ума это дело, доктор Вернон, — сухо сказала Аурика и шагнула было в сторону, но анатом мягким движением взял ее за запястье и притянул к себе.

— Неужели с маньяком так сладко спать? — весело спросил он, но его темные глаза оставались серьезными и даже злыми. — А ваш муженек — маньяк. Лютая тварь, которую только по недосмотру еще не посадили в клетку.

— Вы... вы отвратительны! — выпалила Аурика.

Вернон только хохотнул на этот нервный возглас.

— Настоящий упырь тут один. — Анатом кивнул в сторону Дерека. Бывший министр покосился в сторону Аурики, и та посмотрела на него таким взглядом, который мог значить только одно: отчаянную мольбу о спасении. — Вон стоит, красавчик. Холеная наглая мразь, у которой руки в крови не то что по локоть... эх!

Дерек, почуяв неладное, раскланялся с бургомистром и быстрым шагом приблизился к Аурике и доктору Вернону. Она с трудом подавила в

себе острое желание взять его за руку: после разговора с Верноном почувствовала себя грязной, словно он толкнул ее в лужу. Ей хотелось почувствовать хоть какую-то опору.

«Какие глупости! — воскликнул внутренний голос. — Тебя прогнали из дому, ты спишь за деньги в одной постели с убийцей и еще хочешь к себе уважения? Смеешь его требовать?»

— Я вас узнал, — с подчеркнутой вежливостью промолвил Дерек, глядя Вернону в глаза: для этого ему пришлось слегка запрокинуть голову. — Не сразу, но узнал. Левенфосский порт, верно? Мятеж артефактора Смитсона. Почти сразу же после Вангейна. Чего вам спокойно не сиделось на ваших кораблицах...

На мгновение показалось, что Вернон готов броситься. Но анатом совладал с собой, в буквальном смысле слова взяв себя в руки, — сжал правое запястье левой рукой и равнодушно ответил:

— У вас отличная память, господин старший советник.

Дерек мечтательно прикрыл глаза и проговорил с невыносимо сладкой интонацией:

— Захотели поиграть во власть, а не вышло. Мятеж не может кончиться удачей, правда? Как там в песне-то поется? «Каждый четвертый был расстрелян, каждый третий прошел сквозь строй». Я вас помню, Вернон, вы выжили. Изумительная сила духа, только она вас и держала. Ведь мясо со спины сходило...

— Вы нанесли мне первый удар, господин старший советник, — глухо откликнулся Вернон. Его глаза потемнели, а осунувшееся лицо обрело мертвенную бледность, словно он мысленно вернулся в тот день, когда победители терзали побежденных.

Аурика читала о проходе сквозь строй в каком-то историческом романе и две ночи после этого не могла спать. Ее терзали кошмары похлеще тех, что выпали на долю Дерека.

Неудивительно, что Вернон так говорит. Неудивительно, что он ненавидит настолько яростно и неудержимо.

— Так полагалось. — Дерек пожал плечами. — Вам следовало подумать об этом прежде, чем забывать о присяге.

Вернон поджал губы и процедил:

— Боюсь, нам не о чем больше разговаривать, господин старший советник. Вряд ли мы станем друзьями.

Дерек понимающе кивнул и с тяжелой липкой вкрадчивостью произнес:

— Еще раз подойдешь к моей жене — отрежу гениталии. Зажарю с

перцем и заставлю съесть. Жечь будет знатно и спереди, и сзади.

И у Аурики не осталось никаких сомнений — отрежет и зажарит. Бывший министр был не из тех, кто бросает слова на ветер. Ей почему-то стало легко от этого понимания. Очень-очень легко.

Глава 2

ГОСПОДИН СТАРШИЙ СОВЕТНИК

Местное отделение полиции состояло из семи человек, и они боялись вампира примерно в тысячу раз больше, чем заезжего инквизитора. Это было плохо. Сидя в кабинете, щедро выделенном ему полицмейстером, Дерек думал, что все должно быть наоборот. Семерым толстопузым господам следовало бояться его больше всех упырей на свете.

Вот полицмейстер, кстати, боялся. Настолько, что на время расследования взял и ушел в отпуск, от греха подальше. Благоразумное решение, даже очень. Лучше не маячить со своей трусостью там, где умные люди занимаются серьезными делами.

— Я ознакомился с результатами расследования, — дружелюбным тоном произнес Дерек, поддел пальцем крышку одной из папок и открыл ее, — и могу сказать только одно. Расследование не проводилось.

— Как же, ваша милость, — загудел один из полицейских, носивший погоны дознавателя. Судя по его физиономии, он чаще интересовался, как обстоят дела у пивного бочонка. — Расследование проводилось по всей форме. Свидетели опрошены, место преступления описано. А что там описывать? Известно, кто может в запертую комнату проникнуть, да хоть в замочную скважину.

— Неужели? — Дерек улыбнулся ему той самой улыбкой, от которой люди обычно шарахались и переходили на другую сторону улицы. — Тогда где ваши подозреваемые? Где убийца?

Сперва ответом ему было гробовое молчание — такое, что было слышно, как на первом этаже охранник прихлебывает кофе из чашки. Затем джентльмен, стоявший позади остальных, мрачно пробормотал себе под нос гулким басыщем:

— Не найдешь его, изверга. Давно в пещерах дьявола отдыхает.

От джентльмена разило сивухой так, что Дерек с трудом подавил в себе желание закусить.

— Сударь, подойдите ко мне, пожалуйста, — негромко проговорил он. Эти мужики в два раза выше его ростом пока не воспринимают щеголеватого гастролера всерьез. Что ж, пожалуй, пора преподать им урок. — Да-да, вы.

Он никогда не думал, что будет наводить порядок в Эверфортском

полицейском отделении. Никогда не знаешь, какой сюрприз тебе подбросит жизнь и чем заставит заниматься.

— Ваша фамилия?

— Мавгалли. Максим Мавгалли, — проворчал любитель сивухи.

Дерек раскрыл папку на месте подписей тех, кто вел дело, развернул ее к полицейскому и попросил:

— Укажите, где ваша подпись, господин Мавгалли. Будьте любезны.

Полицейский прищурился и ткнул толстым пальцем в одну из закорючек. Палец был отвратительным — с заусенцами, грязью под неровно обстриженным ногтем — и, когда этот палец захрустел и сломался в его ладони, Дерек испытал острое, почти физиологическое удовольствие, даже в паху сладко заныло.

Мавгалли рухнул на колени возле стола и тоненько завыл, прижимая к груди покалеченную руку. По запястью бойко струилась кровь, а сквозь вспоротую плоть торчали белые обломки кости — со своего места Дерек не видел их, но знал, что они есть. Коллеги несчастного Мавгалли дружно вытянулись во фронт, и их взгляды стали оловянными. Ни следа мысли, только слепая готовность подчиняться.

Вот теперь их накрыло правильным страхом — тем, который не парализует, а заставляет действовать.

— Господа, если вы собственноручно расписываетесь в своем непрофессионализме, то я так же собственноручно сломаю вам пальцы, — с прежней сладкой вежливостью сказал Дерек и добавил: — Для начала. По опыту я знаю: когда дело валят на упырей, русалок, Царя Небесного — это значит, что дело и не открывали. Что вы трясетесь от страха, словно какая-нибудь кухарка, а вашу работу должен делать, пожалуй, как раз Царь Небесный. А вы, трусливые уроды, будете напиваться!

— Страшно же, господин старший советник, — пискнули из угла. Туда забился самый молодой полицейский, огненно-рыжий, с широко распахнутыми голубыми глазами. — Господь свидетель, ужас неопишемый.

— Ваша фамилия? — спросил Дерек, не глядя в сторону рыжего.

— Гресян, господин старший советник.

— Идите сюда, Гресян.

Рыжий послушно вышел из-за расступившихся коллег и оттеснил воющего Мавгалли от стола.

— Вы лично видели убитых девушек? — поинтересовался Дерек, задумчиво поигрывая обгрызенным пером, которое машинально взял с подставки.

Действительно, глухомань — писать нормально и то нечем.

— Так точно. Белые все, лежат в чем мать родила, а на руке, — Гресян задрал голубой форменный рукав чуть ли не до плеча и потыкал пальцем в запястье, — вот тут... след от зубов! И двери закрыты изнутри, и следов нет. И собаки воют и скулят... ну вон как Мавгалли примерно. Я им: «След!» А они воют.

Кто-то нервно хихикнул. Дерек скользнул по собравшимся тяжелым равнодушным взглядом, и полицейские вытянулись во фронт еще старательнее.

— Даю вам час, — произнес Дерек. — Вновь опрашиваете родственников, соседей, всех, кто мог что-то видеть и слышать. С отчетом — ко мне. И если в отчете снова будут ссылки на нечистую силу, каждый лишится пальца. Потому что на службе надо не в носу ковырять, а дело делать.

— Простите, господин старший советник. — Гресян испугался до того, что даже осмелел настолько, что отважился задавать вопросы новому начальству. — Разве колдовство, всякая там магия — это не по части инквизиции?

Дерек устало посмотрел на него — под этим взглядом полицейскому явно захотелось спрятаться куда-нибудь подальше и поглубже.

— Гресян, я-то тебе кто? Хвост собачий? Я и есть инквизитор, чего тебе еще? Святого архангела Михаля? Считайте, что вы всем составом проходите курсы повышения квалификации у старших товарищей по ремеслу, — произнес Дерек и посмотрел на часы. — У вас осталось пятьдесят минут.

Когда кабинет опустел, а топот на лестнице стих, Дерек опустился в кресло и подумал, что формально Гресян прав. Полиция занимается преступниками-людьми. Если в деле замешаны артефакторы или маги, то на сцену выходит инквизиция, и конкретно этим делом следует заниматься именно ей, разрешив полиции откланяться. Но Эверфорт, в котором не проживало ни одного артефактора, попал под программу сокращения и оптимизации, и единственное отделение инквизиции на весь округ было закрыто за ненадобностью.

Дерек устало подумал, что в этом есть и его вина. Надо было убедить государыню, что бдительность и осторожность нужны всегда, особенно в таких местах, как это. В отдаленных уголках силы зла обладают особым могуществом, и об этом не следует забывать. Надо было работать, а не упиваться собственным горем.

Но он узнал, что Вера снова вышла замуж, и упился в прямом смысле

слова. До стрельбы по бутылкам в кабаках, обмороков и валяния в канавах. До опиумных притонов и борделей самого низкого пошиба, из которых его чуть ли не со слезами на глазах вытаскивал старина Игорь. Конечно, недруги не дремали, государыня узнала про загул и настоятельно предложила министру инквизиции сменить обстановку и уехать в деревню. Личной аудиенции его не удостоили. Распоряжение об отставке прислали обычной почтой.

Вера, его обожаемая бывшая жена, наверняка ничего не узнала. Она была счастлива с новым мужем, которого любила задолго до того, как в ее жизни появилась пугающая неприятность по имени Дерек Тобби, так зачем лишать счастья любимую женщину? Пусть ей будет хорошо, птиц нельзя сажать в клетки, и прочее, и прочее... Что там еще говорят, когда пытаются оправдать свою глупость? Что насильно мил не будешь? Что не надо гнаться за теми, кто без тебя счастлив?

А надо было не играть в благородство. Надо было оставить свое своим. Дерек почувствовал, как сжалось сердце. С переживаниями пора завязывать. И пожалуй, дело об упыре — лучшее, что может предложить судьба.

Полицейские вернулись в его кабинет спустя полтора часа. В судорожно сжатых потных ладонях они держали исписанные огрызки бумаги — весь вид стражей порядка говорил, что они готовы вкалывать от зари до зари, как черные рабы на юге, лишь бы сохранить свои пальцы в целости.

Впрочем, Дерек не узнал ничего нового из этих огрызков. Одна из семей уехала в Дреттфорт, и в их оставленном доме никто не пожелал поселиться. Другие слово в слово повторили свои показания.

— Простите, господин старший советник. — Рыжий Гресян прискакал последним, споткнулся на пороге и едва не растянулся, и его бумажки также не добавили в дело ничего нового. — А как же он кровь-то вытягивает? Ну... если он все-таки не вампир? Следов крови на полу и мебели никаких. Ни капельки. А так-то там же все должно быть залито.

Дерек с мрачным видом пожал плечами.

— Скорее всего, использует артефакт, — произнес он, сердито подумав, что все-таки придется идти к анатому и допрашивать его без обиняков. — Где у вас тут прозекторская?

Гресян просиял, всем своим видом выражая готовность помогать. Дерек подумал, что из парня может выйти толк, конечно, если рыжий не увязнет окончательно в этом пьяном болоте.

— Разрешите проводить?

Анатомический театр Эверфорта располагался в двух кварталах от кладбища, и Дерек невольно признал разумность такого размещения. Вскрыли — и закопали. Он равнодушно относился к смерти — в конце концов, когда дважды заглядываешь за ее край, перестаешь думать о ней со страхом или пиететом, но посещение анатомического театра всегда вызывало в Дерекe не интерес, а какую-то брезгливость.

Гресян, видимо, пожалел, что вызвался сопровождать нового начальника. Когда они проходили по коридору мимо длинного-длинного шкафа, в котором, как в музее, были выставлены посмертные маски неизвестных людей — широкие, какие-то нелепые, с растянутыми ртами и вытаращенными глазами, то молодой полицейский качал головой, негромко поминая имя Господа и с трудом подавляя желание задать стрелкача.

— Страшно, — услышал Дерек. — Кто его знает, что там, потом. И будешь лежать... вот так.

— Там нет ничего страшного, — бросил Дерек, сворачивая на лестницу, — прозекторская, судя по схеме возле входа, располагалась на втором этаже. — Тьма, и больше ничего.

— А вы откуда знаете, господин старший советник? — Голос Гресяна дрогнул.

— Умирал, — проронил Дерек и добавил: — Два раза.

Гресян ахнул и снова помянул Господа. Ну и помощничек, от каждой тени шарахается.

— Как вас зовут? — поинтересовался Дерек.

— Эд, — представился Гресян и тотчас же поправился: — Эдвард то есть.

— Эдвард, вы полицейский, а не кисейная барышня, — нравоучительно произнес Дерек. — Вы должны ворошить трупы с такой же легкостью, как это делает доктор Вернон. Это ваша работа в конце-то концов.

— Так нет у нас трупов, господин старший советник, — растерянно признался Гресян. — В городе убийств не было уже семь лет. Кошелек на рынке подрежут — и то событие. Я покойников-то увидел, только когда этот душегуб объявился. А до этого не видел никогда, и не видеть бы их...

— Да, это многое объясняет, — понимающе кивнул Дерек и толкнул дверь с простенькой табличкой «Доктор Август Вернон, анатом».

Кабинет Вернона был обставлен так, что Гресян сдавленно пискнул, изо всех сил стараясь не упасть в обморок. Дерек остался равнодушным: заспиртованные уродцы, змеи и лягушки, которые стояли в одном из

шкафов, как на выставке, уже давно его не впечатляли. Его собственная коллекция колдовских диковин была раз в десять больше и богаче, чем это скудное провинциальное собрание. Доктор Вернон, восседавший с книгой за огромным письменным столом, оторвался от чтения, сдвинул очки на кончик носа и скептически поинтересовался:

— Что, уже пришли меня выхолостить? Я и шагу не сделал к вашей ненаглядной.

Дерек вспомнил, что именно Аурика услышала от бывшего корабельного врача, и подумал, что начинать надо не с гениталий, а с языка. За такие слова в менее цивилизованном обществе бьют морду.

— Мне нужны отчеты по вскрытию жертв упыря, — сухо произнес он. — Все шесть. Сейчас.

Вернон усмехнулся и развел руками.

— Их нет, господин старший советник. Гресян! — обратился он к полицейскому, показывая, кто в этом кабинете настоящий хозяин положения. — Вы бы сели. Не дай бог, в обморок свалитесь.

На бледного Гресяна было страшно смотреть. Казалось, даже рыжий цвет его кудрей поблек.

— То есть вы не проводили вскрытие? — пугающе вкрадчиво осведомился Дерек. Он выдернул из-под стола табуретку, сел и представил, как сейчас выглядят шрамы на спине доктора, оставленные шпицрутенами. Должно быть, выражение его лица стало красноречивым, потому что физиономия Вернона мигом утратила ехидное выражение, и доктор миролюбиво произнес:

— Я проводил вскрытие, господин старший советник. Разумеется. И составил по четырем жертвам отчеты, как положено. Но месяц назад какая-то мразь из ортодоксов швырнула в окно архива бутылку с зажигательной смесью... Здешние ортодоксы меня не любят, прямо скажу. Полностью выгорел архив и часть прозекторской.

Значит, даже так... Ортодоксы действительно терпеть не могут ученых и врачей, считая, что незачем лезть в человеческие тела и менять в них то, что заложено Господом, но тот, кто швырнул именно эту бутылку, отлично знал, куда и зачем ее надо бросать.

Похоже, у упыря есть хорошие друзья в Эверфорте. Великое это дело — хорошие друзья. Особенно те, которые обладают дорогими артефактами.

— А еще два трупа? — осведомился Дерек, стараясь не подавать виду, что не поверил ни единому слову про ортодоксов.

— Родители жертв отказались от вскрытия, — сообщил Вернон, и Гресян сразу же закивал и с готовностью подтвердил слова врача:

— Да-да, было такое. Папаша Угрюм прямо сказал: «Только троньте дочку, я вам кишки на уши намотаю». Мы с ним и связываться не стали.

Кишки на уши. Каков затейник.

— А второе тело?

— А там магушка — ортодокс, — сообщил Вернон. — Сразу вся община поднялась, орали тут на площади весь день. Говорят, раз уж не можете поймать изувера, так хоть честь покойной не троньте. Ну и камни в руках наготове.

Да, Гресян явно недоговаривал, описывая Эверфорт как тихое и сонное болотце. Это был тот самый тихий омут, в котором водятся особенно зубастые черти.

— Они действительно были обескровлены? — спросил Дерек.

Вернон кивнул.

— Я бы сказал, что им выпустили кровь, как свиньям.

— В отчетах полиции говорится, что никто из шестерых не кричал, не звал на помощь. Их убили в полночь, а тела нашли только утром, — произнес Дерек. — Вы делали проверку на фармакологию?

— Разумеется. — Вернон вновь утвердительно качнул головой. — Все чисто, они ничем не были одурманены.

— Что ж, — вздохнул Дерек и поднялся с табурета, — благодарю за сотрудничество, доктор Вернон. Всего хорошего.

Вернон выдавил из себя улыбку и вернул очки обратно на переносицу.

— Заходите в гости, господин Тобби. Буду рад.

Лучший городской пекарь, папаша Угрюм был здоровенным мужчиной, едва не задевавшим потолок лохматой башкой, и на появление Дерек отреагировал скептически скривленной физиономией.

— Это, что ли, ты следователь? Инквизитор?

— Я, — кивнул Дерек и, не дожидаясь приглашения, опустился на скамью перед прилавком, всем своим видом показывая, что не уйдет, не получив ответов.

Пекарня явно переживала не лучшие времена. Несмотря на прилавок, заставленный лотками со сдобой, тепло печей и умопомрачительный аромат свежей выпечки, было ясно, что пекарь просто плывет по течению, не заботясь о будущем. Пыль в углах и едва держащаяся на карнизе штора говорили об этом в открытую.

— Ты бы валил отсюда, — с нарочитым добродушием посоветовал Угрюм. — Подобрю-поздорову. У меня от столичных сморчков тесто скисает.

— Я ищу того, кто надругался над вашей Эммой, — проникновенно

сказал Дерек.

Движение его руки в следующую секунду было легким и неуловимым: хлебный нож, лежавший на прилавке возле кассы, чиркнул Угрюма по левому плечу и вонзился в стену.

Форменный белый фартук пекаря, обрезанный слева, сиротливо повис на оставшейся лямке. Угрюм оторопело посмотрел на фартук, на нож, а потом перевел взгляд на Дерека.

Это было похоже на то, как рассерженный бык бьет копытом в пыли, готовясь кинуться. Конечно, папаша Угрюм, при его комплекции, вряд ли перемахнул бы через прилавок, но Дерек полагал, что при надобности эта громадина способна двигаться очень быстро.

— И я не сморчок, — с прежней проникновенностью произнес он. — Я просто меньше ростом, чем вы. Но это не мешает мне найти того, кто лишил вас любимой дочери. Сколько было Эмме, шестнадцать? Вышла бы замуж, родила вам внуков... А какой-то ублюдок взял и загубил ее. И вы сейчас не хотите мне помочь. Играете на его поле.

Пекарь хлопнул ладонью по прилавку, и в это время стукнула дверь и звякнул колокольчик — пришел покупатель. Дерек слегка покосился в его сторону: женщина в шубке. Папаша Угрюм махнул ладонью по лицу и дрогнувшим голосом спросил:

— Проходи, дочка, ты чего хотела-то?

— У вас тут просто такой вкусный запах, на всю улицу, — сказал знакомый голос. Дерек обернулся и увидел Аурику, снимавшую рукавички. — Захотелось чего-нибудь...

Она увидела Дерека и растерянно умолкла, словно эта неожиданная встреча была ей неприятна. Он вздохнул, поднялся со скамьи и сказал:

— Добрый день, дорогая.

Девушка опустила глаза и едва слышно откликнулась:

— Добрый день, Дерек.

Папаша Угрюм, который вытащил из-за прилавка корзину со сдобой, смерил Дерека и Аурику придирчивым взглядом и произнес:

— Вот, дочка, таких завитушек и у королевы не поешь. Ты с ним, что ли? — Он мотнул головой в сторону Дерека.

— Да, — ответила Аурика. — Это мой муж.

— Вот, значит, как... — вздохнул Угрюм. — Вот и Эмми моя... эх!

Он махнул рукой и поджал губы, стараясь успокоиться. Его покрасневшее лицо болезненно дрогнуло. Дерек взял Аурику за руку — девушка пришла очень вовремя. Угрюм с удовольствием намял бы бока столичному франту, но ровесница дочери внезапно тронула его до глубины

души.

— У нее горница была на втором этаже, — едва слышно произнес Угрюм. — Я-то сам, считай, неграмотный. Ну, имя свое написать могу, прочитать там что-то по складам. А она, голубка моя, всегда была тихая, слабая — к какой работе ее приспособить? Не тесто же месить... Я и говорю ей: Эмми, учись. Жизнь вон какая стала, быстрая. Ученый человек всегда дорогу найдет, ученая жена мужу поможет. Книг у нее было видимо-невидимо, она из столицы выписывала, я на книги никогда денег не жалел. Бывало, сяду вечером после работы, а она мне читает. То сказки, то про животных, то про артефакты эти, прости господи. Век бы слушал...

Он снова провел ладонью по лицу и, выйдя из-за прилавка, повесил на двери табличку с надписью: «Пекарня закрыта». Дерек подумал, что, возможно, эту табличку сделала покойная Эмма — пекарь дотрагивался до картонной полоски с такой осторожностью, словно это была святыня.

— Это ведь я ее нашел. Утро уже, давно пекарню открыл, а она все не спускается, — продолжал Угрюм. — Постучал к ней: Эмми, дочка, что такое? Нет, тишина. Ну, дверь-то я плечом высадил, а Эмми на полу лежит. Ну зачем он так с ней, за что?

И тогда Аурика сделала то, что поразило Дерека до глубины души, — она подошла к пекарю и обняла его.

— Ничего не говорите, — промолвила она. — Больше ничего не говорите, не надо. Просто поплачьте. Теперь можно.

Дерек дождался ее на улице: Аурика вышла примерно через полчаса, неся в руке бумажный пакет со свежей сдобой. Лицо ее покраснело и припухло, под глазами залегли тени, а ресницы слиплись острыми длинными стрелками. Некоторое время они молча шли рядом, потом Дерек сказал:

— Не удивляюсь, что мертвый управляющий вашего имени заговорил именно с вами, Аурика. Вы невероятно добры.

— А вы нет? Он потерял единственное дитя, — чуть ли не сердито проговорила Аурика.

Дерек подумал, что за хмурым тоном голоса она скрывает искреннюю грусть и сочувствие.

— Да, но никто не захотел поплакать вместе с ним, — ответил он. — Только вы.

Он неожиданно поймал себя на мысли о том, что эта девушка неожиданно заняла слишком много места в его жизни. Сколько они знакомы? Четыре неполных дня и три ночи под одним одеялом, а кажется, будто вся жизнь прошла вот так, рядом.

— Вы так говорите, словно я сделала что-то предосудительное. — Аурика одарила Дереха острым взглядом из-под ресниц и тотчас же отвернулась. — А он рассказал мне, что у Эммы были две ранки на запястье, и вся она была белая и холодная, говорил и плакал. Это так жутко, когда такой большой человек плачет, как ребенок...

Она поежилась, будто шубка не согревала. «Способность к некромантии часто возникает у гиперчувствительных людей, склонных приходить на помощь ближнему ценой собственного комфорта и покоя», — вспомнил Дерек параграф из учебника и сказал:

— Знаете, Аурика, пожалуй, у меня есть для вас дело.

Она тотчас же оживилась, и в ее глазах появился энергичный блеск. Глаза были красивые: темно-карие, с густыми пушистыми ресницами, как у олененка.

— Какое? — поинтересовалась Аурика.

— Я сегодня был у Августа Вернона, и он что-то темнит, — сообщил Дерек. Впереди появилась острая кость собора: сквозь распахнутые настежь двери было видно кандило, над которым парили звездочки свечей. Впервые за долгое время Дереху захотелось зайти в храм. Не отстоять службу, а... просто так. Зажечь свечу, окунуть пальцы в святую воду и дотронуться до лба.

Аурика поморщилась.

— Невыносимый человек! — воскликнула она.

Должно быть, Вера на ее месте сказала бы что-нибудь похлеще. Вера называла вещи своими именами и сказала бы, допустим, что доктор Вернон — выродок и скотина, какого белый свет не видывал.

— Согласен, — кивнул Дерек. Сколько можно вспоминать Веру? Его жизнь не крутится вокруг бывшей жены, в конце-то концов. — Несколько месяцев назад кто-то сжег архив здешнего анатомического театра. Вернон сказал, что это был ортодокс, который швырнул бутылку с зажигательной смесью. Но когда я сегодня подходил к зданию, то обратил внимание на следы по стенам второго этажа — такие оставляет только «Дымохлоп».

— «Дымохлоп»? — переспросила Аурика. — Что это?

— Взрывчатый артефакт. Архив уничтожили именно с его помощью. Отделения инквизиции здесь нет, значит, никто не заподозрит, что в деле замешана артефакторика. А на ортодоксов можно валить все что угодно, с них спроса нет.

Аурика понимающе качнула головой. Если Вернон действительно замешан в этом деле с вампирами, то Дерек сейчас просто подставляет ее под удар. Но, возможно, это был единственный способ докопаться до

правды.

— А что от меня требуется? — спросила Аурика.

После небольшой паузы Дерек произнес:

— Пойти завтра на кладбище. Когда Вернон к вам подойдет, сделайте вид, что заблудились, и попросите его вывести вас. Он, конечно, спросит, что вы там забыли. Ответьте, что искали могилу Эммы, настолько вас тронуло горе ее отца.

Аурика остановилась и посмотрела на него так, словно он со всей силы залепил ей пощечину.

— И для чего это нужно? — спросила она и растерянно добавила: — И вообще... с чего вы решили, что он там будет?

Дерек вздохнул, смахнул снежинку с аккуратного воротничка Аурикиной шубы. Они остановились возле ступеней собора, Дерек сунул руку в карман пальто и нашарил несколько монет. Хватит и на свечу, и на подавание.

— Я видел пометки в его ежедневнике, — сообщил он. — Войдите в доверие. И расскажите мне, что задумала эта сволочь. Он может невольно раскрыться перед красивой девушкой, которая к тому же его увлекла не на шутку.

К щекам Аурики прилил румянец, а глаза заблестели от гнева.

— Вы... — начала было она, задыхаясь от обиды. — Вы такой же невыносимый тип, Дерек!

Дерек утвердительно качнул головой.

— Я даже хуже, — произнес он, — причем намного. Вы все сделаете?

В глазах девушки сверкнули слезы — она в самом деле готова была расплакаться.

— Сделаю, — в конце концов, кивнула Аурика. — Что еще мне остается?

Остаток дня она провела дома. Дворецкий, помогая хозяину избавиться от пальто, чопорно сообщил:

— Госпожа Тобби вернулась после обеда.

Дерек хотел было посоветовать дворецкому не напускать на себя такой важный и напыщенный вид, но не стал.

Он провел в церкви около часа — просто сидел на скамье, сцепив перед собой руки в молитвенном жесте, и ни о чем не думал. В голове было пусто и звонко, и Дерек не чувствовал ничего, кроме усталости. Священник, который вышел со стороны исповедальных кабинок, пристально посмотрел в его сторону — должно быть, ждал, что

Вангейнский изувер явился на исповедь. Дерек ничего не ответил на вопросительный взгляд, и святой отец ушел.

Легче не стало. Нисколько.

В столовой его ждал накрытый к ужину стол. Дерек заглянул под серебряную крышку и подумал, что из-за невероятной усталости даже тонкий аромат филе лосося с травами не вызывает у него аппетита. В крышке мелькнуло его отражение: Дерек машинально дотронулся до небольшого шрама на верхнем правом веке и подумал, что любовь и дружба наносят самые сильные и глубокие раны. И эти раны никогда не заживают до конца. Как ты ни бейся и что ты ни делай — не заживают.

Аурика сидела в кресле возле кровати, уже переодевшись в халат и длинную сорочку до пят. В руке у нее, как обычно, была книга. «Неожиданно, конечно, — подумал Дерек. — Девушки читают книги, а не модные журналы».

Хотя, может, в провинции так принято, а его восприятие окончательно испортила столица? Вера, помнится, тоже много читала.

— Добрый вечер, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал максимально мягко и спокойно. — Как вы?

Аурика продемонстрировала ему обложку книги и ответила:

— Готовлюсь к выполнению вашего задания.

Дерек вопросительно поднял бровь. Девушка читала «Основы анатомии и физиологии». Прекрасный выбор для юной леди, еще и с иллюстрациями, от которых девицам и дамам положено падать в обморок.

— Как интересно, — произнес он, открыв дверцу шкафа и уже привычно встав за нее так, чтоб не смущать Аурику расстегнутым сюртуком. — Не страшно?

Помедлив, она ответила:

— Это человеческое тело, созданное Господом. Венец творения. Его нельзя пугаться.

Судя по ее порозовевшим щекам, она испытывала определенную дрожь, разглядывая внутреннее строение венца творения. Дерек расстегнул рубашку, посмотрел на белые рубцы шрамов, покрывавшие его грудь, и задумчиво прикоснулся к тому, который извивался прямо над сердцем. Вспомнил, как несколько лет назад корчился на земле, пытаясь удержать внутренности, что вываливались из развороченного живота и грудной клетки.

Красота, ничего не скажешь. Совершенство. Впрочем, только доктор Вернон способен оценить это совершенство по достоинству.

— Совсем-совсем не страшно? — уточнил Дерек. — Нисколько?

— Нисколько, — сердито ответила Аурика.

Протянув руку, Дерек снял с верхней полки коробку с артефактами, выбрал один из них и сказал:

— Тогда будьте так добры, помогите мне.

Когда он вышел из-за дверцы с артефактом в руке, Аурика медленно повернула к нему голову, наткнулась взглядом на шрамы, и румянец мгновенно покинул ее щеки. Рот приоткрылся, словно она хотела закричать от ужаса, но в итоге лишь вымолвила:

— Святой боже... Что это с вами?

Дерек сел на край кровати, вложил артефакт в мокрую от страха ладонь Аурики и ответил:

— Несколько лет назад в Королевском порту случился теракт. В результате у меня донорские сердце и легкие, которые работают от артефакта. Прижмите эту серебряшку мне между лопаток, у меня не получается нормально это сделать.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Аурике спиной — там шрамов было намного меньше, всего два. Следы с ранней юности, когда ученика в инквизиторском мундирчике подстрелили бывшие приятели.

Аурика переместилась из кресла на кровать, вздохнула, собираясь с силами, и резко впечатала артефакт в спину Дерека. Ее пальцы были влажными и горячими, серебряная пластинка, как и полагается, — ледяной, и контраст заставил Дерека вздрогнуть. В следующий миг щупальца артефакта внедрились в нервную систему, начали перекачивать энергию, наполняя тело новыми силами, и Дерек почувствовал, как закружилась голова.

— Все так? — встревоженно спросила Аурика.

— Чуть пониже, — глухо ответил Дерек. Артефакт сполз на пару сантиметров, в ушах зашумело. Теперь еще пол года можно жить спокойно и не думать о том, что вот-вот встретишься со смертью в третий раз.

Это было нестрашно. Просто неприятно, так как нарушало привычное течение дел.

Наконец артефакт завершил свою работу и с легким чавканьем отсоединился от кожи. Теперь это просто кусок серебра, исчерченный рунами, линиями и точками. Можно отнести ювелиру и заказать украшение — хотя Дереку некого одаривать украшениями. Лучше положить в банковскую ячейку, как обычно.

— Спасибо, Аурика, — негромко поблагодарил он.

Она вздохнула, шмыгнула носом и откликнулась:

— Не за что.

Она не плакала, как показалось Дереку сначала. Просто сидела на кровати, красная, как помидор, растерянная — и за растерянностью были ясно видны злость и обида. Дерек натянул рубашку от пижамы, стремясь как можно скорее скрыть шрамы, и произнес:

— Аурика, что я могу для вас сделать, чтобы вы не смотрели так?

Она шмыгнула носом и отвернулась. Вновь взяла свою книгу, закрываясь ею, словно щитом.

— Как — так? — ответила вопросом на вопрос.

— Так сердито, — улыбнулся Дерек и нырнул под одеяло. — Я вас обидел, да?

Несколько минут Аурика молчала. Потом ответила:

— Нет. Не обидели.

— Вы порядочная девушка из благородной семьи, — с чувством произнес Дерек. — Но вас выгнали из дому. Вы умеете говорить с мертвыми и вынуждены работать на одного из самых страшных людей Хаомы. Причем эта работа невероятно предосудительна и, на ваш взгляд, порочна. Но идти вам некуда. Ни денег, ни друзей, ни дома. И поэтому вы остаетесь. Плачете, хотите сбежать, но остаетесь.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Я прав?

Ответа не последовало, и тогда Дерек ответил сам:

— Я прав. А, забыл добавить: вас еще и увезли в какой-то холодный город, где лютует серийный убийца. А ваш работодатель настолько безнравственный тип, что подсылает вас свести дружбу с главным подозреваемым.

Плечи Аурики вздрогнули, и она расплакалась, закрыв лицо ладонями. Дерек устало вздохнул. У него был богатый опыт интриг, оперативной инквизиторской работы, умения делать живое неживым, но вот опыта в утешении плачущих девушек он не набрался. Не довелось. Помедлив, он сел рядом с Аурикой и очень осторожно обнял и привлек к себе — так, что она уткнулась заплаканным лицом в его грудь.

Он думал, что девушка будет сопротивляться. Оказалось, что нет, Аурика была мягкой, податливой и послушной. Бери и делай, что хочешь.

— Пожалуйста, Аурика, — шепнул Дерек в каштановые растрепанные волосы, — просто поверьте мне. Я никому не дам вас в обиду — ни упырю, ни дьяволу, ни доктору Вернону. — Мысль, пришедшая ему в голову, была неожиданно резкой, как остро отточенное лезвие. — Хотите, дам вам денег, чтобы вы смогли уехать на юг, купить дом и жить припеваючи?

Расставаясь с Верой, он говорил что-то очень похожее. Что все будет

хорошо, что он всеми силами души искренне желает ей счастья. Говорил и надеялся, что птица вылетит из клетки, а потом вернется. Но птица не вернулась, и Дерек не мог сказать, что заставило его сейчас говорить Аурике почти то же, что и Вере.

Она ведь не была его птицей. И клетки не было. И он меньше всего на свете хотел начать все заново.

— Не надо, — еле слышно промолвила Аурика.

— Что мне сделать? — с напором повторил Дерек.

Аурика вздохнула и откликнулась:

— Не пугайте меня больше. Пожалуйста.

— Не буду, — уверенно произнес Дерек и, выпустив ее, поднялся и пошел к шкафу. Свежая, идеально отглаженная рубашка сама соскользнула с вешалки ему в руки.

— Отдыхайте, Аурика. Вам надо выспаться как следует. Мне пришла в голову одна интересная идея... пойду ее проверю.

— Куда вы? — Аурика провела по щеке, стирая слезы. — Ночь на дворе.

Дерек выдавил из себя улыбку, надеясь, что она вышла легкой и беззаботной, и ответил:

— Доброй ночи. До завтра.

Заведение с зеленым фонарем возле входа, о котором вчера вскользь упомянул полицмейстер, выглядело вполне респектабельно. Становилось ясно: услугами здешних обитательниц пользуются приличные и порядочные люди — джентльмены, а не какая-нибудь подзаборная шваль. А что еще делать джентльмену, если его достойной супруге положено соглашаться на интимную близость не чаще раза в месяц?

Добропорядочные хаомийки даже жалеют шлюх. Бедняжкам приходится каждый день терпеть этих невыносимых мужчин с их мерзкими плотскими потребностями, да еще и разных, да еще и не по одному разу. Экое мучение!

Внутри все так же было на высшем уровне. Ковры, цветы, множество золотых финтифлюшек на стенах и запах южного игристого — дорогого, кстати говоря. Из-за дверей в комнаты доносились вполне недвусмысленные звуки — заведение пользовалось успехом и работало вовсю. Не успел Дерек взяться за пуговицу на пальто, как откуда ни возьмись появилась хозяйка, упитанная дама средних лет, которая, если судить по липкому пронизывающему взгляду, повидала столько, что иному хватит на четыре жизни.

— А вы совсем не страшный! — кокетливо заверила она, элегантно взяв Дерек под руку и увлекая к небольшой стойке с бокалами игристого и раскрытым грессбухом. — Право же, господин Тобби! После того как вас описывали во всех газетах, мои девушки ждут не дождутся заполучить в гости такого изысканного джентльмена!

— Кого посоветуете? — поинтересовался Дерек. Хозяйка заведения слегка сморщилась, прикидывая варианты, и внезапно рывкнула так, что ей позавидовал бы прапорщик на плацу:

— Карина, Джелли! Мигом сюда!

Из ближайшей двери тотчас же выскочили две прелестницы. Одна, долговязая блондинка, имела уставший вид — похоже, рабочий день у нее был в разгаре, вторая, брюнетка, едва достигшая совершеннолетия, смотрела на Дерек так, словно он только что выпрыгнул из пекла. Всю их одежду составляли полупрозрачные халаты до щиколоток.

— Эта. — Он устало ткнул пальцем в брюнетку, и та ойкнула и закусила губу.

Блондинка посмотрела на нее с ненавистью и пробормотала что-то нецензурное про тех, кто два дня как из деревни, а уже зарабатывает. Хозяйка томно прикрыла глаза и расплылась в улыбке.

— Замечательный выбор! Джелли — наша новенькая, всего неделю работает, но уже имеет успех.

Вот и хорошо.

Номер Джелли был на втором этаже. Когда они вошли в скромную комнату, похожую на обычную девичью горницу, а не на номер в борделе, то девчонка сразу же забилась в угол. «Неудивительно для недели работы», — устало подумал Дерек и принялся расстегивать сюртук. Джелли медленно, словно ее тянули за поводок, развязала пояс халата, и легкий шелк соскользнул вниз.

Она была красивой. Стройная, но без костлявости — у нее еще сохранился подростковый жирок на боках и бедрах. Грудь была большая, с темными крупными сосками. Дерек поймал себя на мысли, что смотрит на девчонку как на кусок мяса, который надо разделать для обеда. Ни малейшего чувства вожделения — перед ним было просто глупое мясо, которое тряслось от одного его вида.

Все его вожделение ушло вместе с Верой. Осталась только раздражающая механика возвратно-поступательных движений с такими вот продажными красавицами, которая не приносила ни исцеления, ни забытья.

Поняв это, Дерек опомнился и с борделями завязал. Игорь, помнится, был очень этому рад.

— Боишься вампира? — спросил Дерек.

Джелли содрогнулась всем телом, словно ее ударили. А ведь ее действительно били — синяк на бедре, не сразу заметный в полумраке комнаты, напоминал след от каблука. Вот за что добропорядочные хаомийки должны жалеть шлюх... Возможно, эта Джелли и выбрала такую работу, чтоб преодолеть свой страх, обрывки которого сейчас чувствовал Дерек.

— Боюсь, — прошептала она. — Вы вампир, да? Мне-то незачем уже, а все-таки... Поди знай, чего нечисти надо.

— Я гораздо хуже, — усмехнулся Дерек и устало сел на кровать.

Все было как всегда после активации нового артефакта: сначала пришли легкость, эйфория и уверенность, что ты способен свернуть горы, а потом нахлынуло полное опустошение. Джелли смотрела на него, и ее губы дрожали.

Дерек вздохнул, вытянулся на кровати и произнес:

— Я собираюсь спать. Только спать, ничего больше. Разбуди меня в шесть утра. Буду ворочаться — толкни.

Кажется, Джелли изумленно ахнула, но это уже не имело значения.

Глава 3

КЛАДБИЩЕ

Мавмуд, лежавший в гробу, казался тихим и спокойным. Стоя возле гроба, Аурика смотрела на него, не желая сдерживать слез. Вот и ушел их управляющий, громогласный добрый дядька, который с одинаковым усердием занимался хозяйственными делами и чтением книг и с одинаковой легкостью мог при надобности запрячь лошадей и протереть тончайшие хрустальные бокалы. Когда Аурика была маленькой, он брал ее на руки, подбрасывал и пел какие-то детские потешки про цыплят и котиков-котанаев, а она смеялась, замирая от восторга. И вот теперь Мавмуда не стало. Легочная жаба его не пощадила.

Аурика даже удивиться не успела, когда мертвец открыл глаза, повернул к ней голову и попросил:

— Барышня, мне бы сапоги другие. Новые у меня в сундучке лежат, под кроватью. Стыдно в Царствии Небесном ходить в стоптанных.

И Аурика так обрадовалась, что расплакалась еще сильнее, на этот раз — от счастья, от того, что ей дали возможность еще раз услышать слово от родного человека. Она даже задрожала всем телом — и не поняла этого.

— Хорошо, дядя Мавмуд, — сказала она. — Я сейчас... я сейчас принесу!

— Не плачьте, барышня, не надо. Не плачьте, хорошая моя, — попросил мертвец. Губы по традиции зашитые белой ниткой, не открывались, голос шел откуда-то извне. — Тут светло, хорошо, тут большой сад и ручьи. Только вот в стоптанном стыдно.

— Я принесу! — воскликнула Аурика и побежала в комнату управляющего.

Сейчас, неторопливо бредя по кладбищу, Аурика пыталась понять, чего хочет: то ли загубить склонность к некромантии навсегда, то ли, наоборот, развивать ее. Дерек ни словом не обмолвился о том, что способность говорить с мертвецами сейчас оказалась бы очень полезной, — Аурика и сама это понимала.

Эмма умерла совсем недавно. Аурика могла бы попробовать достучаться до нее — мертвая девушка дала бы описание своего убийцы, и все было бы кончено.

Но тогда она, Аурика, окончательно перейдет туда, куда переходить не

следует. Родители выгнали ее из дому и отреклись просто потому, что она хотела выполнить последнюю просьбу человека, которому была как дочь.

А вот Дерек отнесся к ее истории совершенно равнодушно. Склонность к некромантии — ну да, бывает. Мало ли что еще бывает на свете?

Сейчас, в ярком свете солнечного зимнего утра, кладбище совсем не казалось страшным. Аурика шла среди памятников, скользя взглядом по именам и фамилиям. На статуях ангелов, стоявших у могил, лежали белые снежные шапки. Мир был наполнен тишиной, покоем и умиротворением. Однажды все закончится, и ты окажешься там, где есть сад и ручьи, — конечно, если ты был хорошим человеком.

Мавмуд был хорошим, Аурика знала это точно.

Впереди мелькнуло что-то черное. Она остановилась, оперлась о решетку оградки и увидела, что среди памятников идет доктор Вернон с какой-то книгой в руке. Несмотря на холод, пробирающий до костей, на нем было тонкое черное пальто и небольшая шляпа. На мгновение Аурика испугалась, что он ее не увидит, но Вернон приветственно махнул рукой.

— Доброе утро, госпожа Тобби! — произнес он, подойдя. — Странное место вы выбрали для прогулки.

— Здравствуйте, доктор Вернон, — ответила Аурика. — Я не гуляю, я ищу могилу Эммы, дочери папаши Угрюма.

Вернон вопросительно поднял бровь.

— Необычное развлечение, прямо скажем, — заметил он.

Аурика строго посмотрела на него и сказала:

— Я вчера познакомилась с ее отцом, и меня тронуло его горе. Вот, — она показала доктору букет из шести белых роз, который купила в лавочке неподалеку от кладбища, — захотела почтить память бедной девушки.

Вернон криво усмехнулся.

— Какое нежное благородство и какое достойное сердце, — сказал он: Аурика ожидала услышать в его словах язвительность, но ее не было — только искреннее уважение. — Что ж, если моя компания вам не претит, я готов вас проводить.

Аурика кивнула:

— Благодарю вас, доктор Вернон, а то я начинаю понимать, что заблудилась.

— Немудрено, здесь все очень сильно перепутано, — ответил он. — Кстати, меня зовут Август, можете называть меня по имени.

Они вышли в другую половину кладбища, и здесь Аурике пришлось взять доктора под руку: дорожки еще не расчистили.

— А что вы здесь делаете? — спросила она, пропустив мимо ушей слова об имени.

Доктор Вернон улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

— Помните ту песенку, которую столь любезно упомянул ваш супруг? — спросил он и нараспев процитировал: — «Каждый четвертый был расстрелян, каждый третий прошел сквозь строй, каждый второй на рее повешен, каждый первый освобожден. И всем первым идти велели во все края Хаомийской земли, чтобы пели, чтоб вечно пели про левенфосские корабли...» Так вот, я был из третьих, а мой товарищ — из помилованных. Иван Ребельт, он меня сюда и привез. Я тогда был полумертвым куском мяса, одной ногой на том свете. — Вернон вздохнул, поправил шляпу. — Два года назад его не стало, но я частенько заглядываю к нему, так сказать, в гости. Ставлю на могилу стопку красного, Иван его любил.

— Соболезную, — промолвила Аурика.

Доктор усмехнулся:

— Люди с большим сердцем всегда становятся жертвами несправедливости. А у Ивана сердце действительно было большим. Я сам его вскрывал, я знаю.

От такой игры слов Аурика даже споткнулась. Вернон поддержал ее, и она возмущенно поинтересовалась:

— Я уже говорила, что вы невыносимый тип?

— Разумеется, — улыбнулся Вернон. — Позавчера, если быть точным. Но я могу быть и паинькой, если пожелаете.

— Честное слово, мне это безразлично! — воскликнула Аурика.

— Тогда буду невыносимым типом, — сообщил Вернон. — И на правах невыносимого типа скажу, что ваш супруг провел эту ночь в борделе. Вышел утром, остался очень доволен. Оставил барышне щедрые чаевые.

Под сапожок подвернулся особо скользкий участок дорожки, и Аурика с трудом удержалась на ногах. Она прекрасно знала, что мужчины ходят в бордель. Так *положено*. Это, разумеется, не та вещь, о которой станут с легкостью рассказывать за обеденным столом, таким не бравируют, но все понимали, что у мужчин есть свои потребности и желания, которые надо выполнять. Джентльмен не будет их афишировать, а леди не станет спрашивать. Тем более Аурика всего лишь работает на бывшего министра. Так что почему бы ему и не посещать веселых девушек? Он не обязан перед ней отчитываться.

— Ну и что? — К щекам Аурики прилил румянец.

Странно: Вернон упрекнул Дерика в недостойном поведении, а стыдно

почему-то стало Аурике.

— То есть вас это не смущает? То, что ваш муж, не успели вы приехать, отправился изучать здешних шлюх? — любопытствовал анатом.

— А это должно меня смущать?

Вернон расхохотался:

— Мне нравится, как вы отвечаете вопросом на вопрос. Впрочем, мы пришли. Вот столь нужная вам могила.

Каменный ангел обнимал надгробие, роняя белые мраморные перья на плиту, под которой покоилась Эмма. Аурика зашла за ограду, положила цветы на могилу и, выпрямившись, собралась с духом и мысленно позвала:

«Эмма, ты здесь? Ты слышишь меня?»

Никто не ответил. Возможно, Эмма уже ушла туда, где не задают вопросов и не ждут ответов, а просто гуляют по весеннему саду, слушая журчание ручьев и пение птиц. И она, конечно, не слышит, что кто-то зовет ее.

А потом Аурику словно ударили по затылку наотмашь. Ответ пришел, он был коротким и четким: «Беги!»

Земля ушла из-под ног, тьма заслонила солнце, и Аурика стала медленно заваливаться на снег.

Тьма развеялась не сразу. Сначала Аурика почувствовала тепло и услышала треск поленьев в камине. Потом пришел звон, с каким размешивают сахар в чашке чая, затем послышались шаги, и голос доктора Вернона произнес:

— Ну-ка, сделайте глоток. Вот так, умница.

Это был не чай — омерзительное варево обожгло горло, пробрало от макушки до пяток и вышвырнуло в небольшую, бедно обставленную комнату. Аурика увидела, что лежит на диване, ее ноги заботливо прикрыты пледом, а ленты на платье развязаны, давая возможность дышать глубже.

— Где мы? — спросила Аурика, стараясь, чтоб в ее голосе не звучало страха.

Вернон, который сидел с ней рядом на краешке дивана, ободряюще улыбнулся.

— На кладбище, разумеется. Ну, ну, птичка! Не стоит так трепетать! — воскликнул он, когда Аурика вздрогнула и сделала попытку подняться. — Обещаю, с вами все будет в порядке, никто вас не тронет и не обидит.

— Хотелось бы верить, — хмуро ответила Аурика.

Вернон выразительно завел глаза к потолку:

— Вам-то чего бояться? После того как вы стали женой палача, вам не надо опасаться ни бога, ни дьявола. Это перед вами все должны трепетать.

— Прекратите. — Аурика попробовала сесть, и у нее получилось. Вернон смотрел довольно. — Что произошло?

— Барышням не стоит гулять по кладбищам, — важно ответил доктор. — Вы упали в обморок от волнения. А я принес вас сюда. В начале своей карьеры в Эверфорте я работал администратором кладбища. Карьера прошла, а этот домик остался. Уютно, правда?

Уютно? Аурике казалось, что она попала в логово того самого вампира. «Беги!» — вновь прозвучал в ушах голос мертвой Эммы. А при мысли о том, что этот человек расшнуровывал ее платье, Аурике стало дурно. Что еще он успел с нею сделать?

— Да, здесь мило, — ответила Аурика, вспомнив про главное оружие леди. Когда обороняться нечем, сойдет и оно. — Спасибо, Август, мне уже лучше.

— Вот и хорошо, — довольно произнес Вернон. — Но вы все-таки прилягте.

Аурика решила не спорить и послушно вытянулась на диване. Раз уж Дерек просил ее втереться в доверие к Вернону, то она попробует.

Несмотря на то что доктор пока не делал ничего предосудительного, сам его вид вызывал какую-то странную оторопь. Аурика не могла сказать, что не так с Верноном, но сейчас, когда он сидел рядом, чувствовала странное оцепенение.

— Так как же обороняться от вампиров? — спросила она. — В прошлый раз мы не договорили об этом.

— Вампиры! — рассмеялся Вернон. — О чем еще говорить на кладбище, как не о них! Нет, Аурика, вы совершенно очаровательны.

— А вы совершенно невыносимы, — отбила удар Аурика. — Хотя обещали быть паинькой.

— Обещал? — Вернон снова возвел глаза к небу, словно припоминая, потом отставил в сторону чашку, из которой поил Аурику, и сцепил пальцы на остром костлявом колене. Аурика поймала себя на мысли о том, что доктор выглядит мечтательным. — Ну, раз обещал, тогда буду. У вас обворожительные глаза, Аурика, словно у молодой лани. Будь они голубыми, вы, конечно, смотрелись бы более аристократично и не настолько провинциально, однако тогда утратили бы значительную часть своей прелести. А вы прелестны.

Аурика поморщилась. У ее родителей была в точности такая же манера общаться. Вроде бы тебе делают комплимент, но потом добавляют яда. А

сверху яда снова идут добрые слова, и получается конфетка с отравленной сердцевинкой. И обидеться в принципе не на что. Во-первых, мать всегда говорила, что на обиженных воду возят. А во-вторых, Вернон все-таки сделал комплимент.

— Сомнительная похвала, — сказала Аурика.

Вернон пожал плечами.

— Я, видите ли, имею дело с человеческой сутью, — сообщил он. — Так что когда пытаюсь сказать что-нибудь светское и милое, то обязательно терплю сокрушительное поражение. Впрочем, возможно, все дело — в отсутствии практики.

— В Эверфорте нет девушек? — удивилась Аурика.

— Множество, — серьезно сказал Вернон. — Но таких, как вы, — ни одной.

Аурика внезапно обнаружила, что ее руки под одеялом так крепко сжаты в кулаки, что ногти вот-вот проткнут кожу. Это ощущение нарастающей боли встряхнуло ее и отрезвило — она разжала кулаки и все-таки села.

— Благодарю вас за заботу, Август, — промолвила Аурика так тепло, как только могла, — но мне ужасно неловко вас отвлекать от дел. Я и так отняла у вас много времени.

— Это было прекрасное время, — мягко улыбнулся Вернон. Улыбка удивительно шла его осунувшемуся лицу: она была словно огонь, идущий откуда-то изнутри. — Повернитесь, я зашнурую вам платье.

Аурика поднялась с дивана и послушно повернулась к Вернону спиной. Доктор подошел к ней и некоторое время сосредоточенно возился с лентами и шнурками, не говоря ни слова. Когда он закончил и отошел, Аурика поняла, что какое-то время не сможет двигаться, — ноги сделались ватными.

— Благодарю вас, — промолвила она, стараясь скрыть волнение.

Вернон усмехнулся и пошел к вешалке.

— Я провожу вас до выхода, — сказал он, надевая шляпу. — Вдруг вам снова станет плохо или вы заблудитесь.

До ворот они шли молча. Днем даже на кладбище начинается жизнь: приходят скорбящие посетители, дворники скребут метлами, расчищая дорожки, негромко переговариваются продавцы бумажных цветов и поминальных лент. Когда Аурика и Вернон вышли за ворота, то она некоторое время стояла неподвижно, слегка оглушенная шумом города.

— Спасибо вам, Август, — сказала она, когда оцепенение схлынуло. — И за то, что помогли найти могилу Эммы, и за то, что привели в чувства

после обморока.

Вернон улыбнулся, приподнял шляпу.

— Это был не долг джентльмена, а удовольствие, — ответил он. — Я буду рад, если мы встретимся снова.

Аурика не нашлась, что на это ответить, но в этот миг ее спас мальчишка-газетчик, который, несмотря на мороз, весело неся по дороге в распахнутом тоненьком пальтишке, размахивал своим товаром и орал во всю глотку:

— Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Еще одна девушка обескровлена! Вампир снова нападает!

Лиззи Хелт, самой молодой жертве вампира, было всего пятнадцать. Как и остальных, ее обнаружили в запертой изнутри комнате, обнаженной, лежавшей на полу. Как и у остальных, у нее были ранки на запястье.

Труп привезли в анатомический театр, и в зал вскрытия набился весь состав местной полиции. Стоя за широченными спинами в мундирах, Аурика пыталась заглянуть вперед, туда, где возле стола с покойной маячил знакомый светло-сиреневый сюртук Дерек, ходившего туда-сюда и спокойно, но с нажимом говорившего:

— Думайте, господа, думайте. Есть еще что-то, кроме девственности, объединяющее всех убитых. Это не внешность, не образование, не социальный слой, не окружение, не бытовые привычки. Что?

— Я бы тоже не прочь узнать, — негромко сказал Вернон. Повесив пальто и шляпу на крючок возле двери, он сейчас завязывал огромный кожаный фартук. Тонкие перчатки для вскрытия торчали из кармана.

— Может, магия, господин старший советник? — прогудел один из полицейских, здоровяк с перебинтованной рукой. Что-то подсказывало Аурике, что он очень хочет выслужиться перед Дерекком. — Ну, то есть вдруг они владели магией?

— А это я уже у вас хочу спросить, Мавгалли, — ответил Дерек. — Первый пункт осмотра: выяснение, принадлежит ли подозреваемый или покойный к магам или артефакторам. Потому что иначе?..

— Иначе дело передается в инквизицию! — с готовностью ответил молодой полицейский, настолько рыжий, что казалось, будто в комнате горит огромная лампа.

— Совершенно верно, Гресян, — одобрительно кивнул Дерек. — Итак, жертвы принадлежали к магам или артефакторам?

— Нет! — хором ответили полицейские.

Вернон повернулся к Аурике и с искренней заботой произнес:

— Вам лучше уйти отсюда, это зрелище не для девичьих глаз. Тут не всякий мужчина выдержит.

— Я останусь, — выдавила Аурика и тотчас же добавила: — Я читала о вскрытиях.

Впрочем, это прозвучало как-то жалко. Вернон сокрушенно покачал головой, предвидя, должно быть, очередной обморок, и в это время Аурика всем телом почувствовала нахлынувшую тишину.

Она увидела, что полицейские обернулись и удивленно смотрят на нее. Увидела Дерек и не сразу смогла понять, что означает выражение его лица. А самое главное — Аурика увидела белое девичье тело, лежавшее на столе для вскрытия.

Она шагнула вперед, словно ее тянули за веревочку. Погибшая девушка была юной, совсем еще ребенком, и она не должна была лежать здесь вот так: полностью обнаженной, выставленной напоказ, как кукла в витрине. Это было ужасным, неправильным и постыдным. Она была дочерью, сестрой, подругой, а теперь на ее тело таращились незнакомые люди, и она никак не могла прикрыться от их равнодушных взглядов. И Аурика, захлебываясь от жалости и бессилия, тоже ничем не могла ей помочь.

— Аурика, — негромко окликнул ее Дерек, — тебе лучше уйти.

Кажется, он был рад, что Аурика жива и здорова. Кажется, он волновался за нее и облегченно вздохнул, увидев ее в прозекторской. Потому что это она, Аурика, могла лежать здесь, на этом столе, такая же белая, обнаженная и беззащитная.

Когда мертвая открыла глаза и слегка повернула голову, Аурика даже не вздрогнула. Все чувства словно парализовало. Рот покойницы приоткрылся, и Аурика услышала:

— Медведи. Скажи ему: медведи.

— Лиззи... — прошептала Аурика, и губы покойницы дрогнули, расплываясь в светлой счастливой улыбке.

— Здесь лес и горы, — сказала она, и в ее голосе не было ничего, кроме радости. — Здесь хорошо, — а после небольшой паузы добавила такое, что Аурика вцепилась в рукав рыжего полицейского, чтоб удержаться на ногах: — Мавмуд шлет тебе поклон. Котанай водил цыпляток, котанай водил хохлаток...

В следующий миг все изменилось. Убитая девушка вновь лежала неподвижно, вернулся режущий свет ламп, вернулся хвойный запах от мертвого тела. Аурика вздрогнула, слепо дотронулась до лица и отчетливо сказала:

— Медведи, Дерек. Их общее — это медведи.

Взгляд Дерек сделался ледяным и тяжелым: он все понял.

— Конечно, — произнес он. — Как я сразу не догадался. Господин анатом! — это уже к подошедшему Вернону, равнодушно надевавшему перчатки. — Приступайте к вскрытию, отчет мне сразу же. Мавгалли, с вас полное описание картины убийства через полчаса. Гресян, идете со мной.

Аурика не помнила, как вышла из анатомического театра. Вроде бы только что перед ней был стол с покойницей — и вот они уже спешат по улице, а веселый морозный ветер обжигает заплаканное лицо, и рыжий полицейский почти бежит за ней, и Дерек идет с непокрытой головой.

— Господин старший советник! — позвал Гресян. — При чем тут медведи-то? Я ничего не понял...

— Оборотни, Гресян, оборотни! — бросил Дерек через плечо. Он двигался настолько быстро, что Аурика, которую он держал за руку, почти бежала, поскользываясь на бульжной мостовой.

— А почему... А как... — Гресян смотрел с таким видом, словно его изо всей силы ударили по голове. — То есть эти девушки — оборотни?!

— Да, — проронил Дерек.

В следующую минуту они уже входили в здание городской ратуши. Замелькали лестницы, двери, коридоры, чтобы в конце концов вывести их в кабинет бургомистра. Говард, который работал с какими-то бумагами, увидел их и удивленно приподнялся из-за стола.

Дерек захлопнул за собой дверь и, тяжело дыша, приказал:

— Покажись, дружище.

Говард смотрел на него и не двигался. Дерек вздохнул, провел ладонью по волосам и устало повторил:

— Покажись. Говард, я все знаю. Не будем ломать комедию. Нет времени.

Бургомистр некоторое время молчал, а затем негромко спросил:

— А они? Они тоже знают?

Дерек устало кивнул. Принялся расстегивать пальто — Аурика увидела, что у него трясутся побелевшие пальцы.

— Ладно. — Говард качнул головой, будто примирившись с судьбой, и медленно вышел из-за стола.

Поначалу ничего не происходило. Аурика видела перед собой знакомую кряжистую фигуру бургомистра и едва удержала крик, когда человека не стало и на его месте возник здоровенный бурый медведь.

Это было сильное красивое животное с горбатой спиной и ухоженной рыжеватой шерстью. Кривые длинные когти на лапах отливали серебром, в

темных глазах светилось любопытство и ум. Медведь не проявлял агрессии, но Аурика была готова задать такого стрекача, что с фонарями бы не нашли. Гресян за ее спиной ойкнул и тотчас зажал рот ладонью. Он бы спрятался куда-нибудь, да некуда было.

Несколько минут Дерек невозмутимо смотрел на медведя, а затем промолвил:

— Все убитые девушки — оборотни.

По комнате прошел теплый ветер, пахнувший дождем и медвежьей шкурой, и бургомистр, вновь принявший человеческий облик, ошарашенно произнес:

— Как оборотни? Почему...

— Я мало знаю об оборотнях, — признался Дерек. Устало опустившись в ближайшее кресло, он вынул из кармана сюртука сердоликовые четки и принялся перебирать рыжие шарики. Должно быть, это помогало ему успокоиться. — Но, насколько мне известно, вы не рождаетесь с этой способностью.

Говард устало кивнул. Вернулся за стол.

— Это как вирус, старина, — хмуро ответил он. — Никогда не знаешь, кто станет оборотнем. С момента заражения до первого оборота проходит какое-то время, до двух недель чаще всего...

— То есть девушек убивают именно в этот период, — промолвил Дерек и указал на Аурику. — Моя жена некромант, Говард. Она оказалась в зале для вскрытия рядом с сегодняшней покойницей, и та сказала ей о медведях. А я незадолго до этого как раз спрашивал, что еще может быть общего у всех этих девушек. Вот и получил ответ.

Говард покосился в сторону Аурики и вздохнул:

— Плохо то, что мы никогда не узнаем, кто уже заражен, но еще не стал оборотнем. А хуже всего то, что это действительно вампир.

Дерек вопросительно посмотрел на него, и бургомистр объяснил:

— Мы конкуренты в своей среде обитания. Мы естественные враги.

— Как ты догадался, что я оборотень?

Бургомистр отменил все дела на день, попросил секретаря принести в кабинет чего-нибудь перекусить и со вздохом снял парик, обнажив совершенно лысую голову. «Что-нибудь перекусить» оказалось сытным обедом из нескольких блюд, и Гресян, которого сроду не посадили бы за один стол с бургомистром, опасливо косился по сторонам, дую на кусок картофеля, поддетый на серебряную вилку. Рыжий, похоже, тревожился, что его могут вытолкать прочь или отнять еду.

Аурика молча смотрела на изящные завитки овощей в салате и не могла заставить себя есть. Ей казалось, что она до конца дней своих не сумеет всунуть в себя и ложку каши.

— Похож, — произнес Дерек. — Не сердись, но ты действительно похож на медведя.

Бургомистр посмотрел на него хмуро, но без злобы.

— Таким уж уродился. А если серьезно?

Дерек отрезал кусочек от здорового ломтя тушеной свинины и ответил:

— Если серьезно, то ты не отбрасываешь тени. И твои приятели — тоже. А такое свойство есть только у оборотней. Я заметил это во время ужина. Из людей там были слуги, мы с женой и доктор Вернон.

Говард только руками развел.

— Ну... вот так, — вздохнул он и, помедлив, нерешительно спросил: — Что теперь со всеми нами будет?

Дерек посмотрел на него так, будто не понял вопроса.

— Да ничего с вами не будет, — ответил он. — Преступлений вы не совершаете, живете мирно, ну и живите себе. У инквизиции к вам вопросов нет, у полиции — тоже. Только полный список всех ваших мне предоставь. Чисто для ознакомления.

Бургомистр вздохнул с видимым облегчением. Аурика тоже почувствовала, как страх начинает отпускать ее, — она была готова к тому, что в случае неправильного ответа Дерек бургомистр снова перекинется медведем и бросится на них.

Гресян выглядел так, словно у него в прямом смысле слова гора свалилась с плеч.

— Мы не делаем ничего дурного, — уверенно и напористо произнес Говард. — Раз в месяц, конечно, приходится оборачиваться, но это время можно пересидеть дома. Никаких убийств, я своим сразу сказал: хотите охотиться — уезжайте из Эверфорта. Две семьи уехали, остальные живут спокойно.

— Да я не сомневаюсь, — миролюбиво ответил Дерек. — Полицейский Гресян сообщил, что в городе тишь да благодать.

— Так и есть, — кивнул Говард. — Только дурак станет искать ненужные приключения, а мы живем сами и даем жить другим.

— Но что же с вампирами? — задумчиво промолвила Аурика.

Бургомистр нахмурился, положил себе на тарелку еще один кусок мяса. Ел он аккуратно, но очень быстро, будто закидывал топливо в огромную топку.

— С вампирами, при всем желании, не получится договориться, — сказал он. — Это только в книжках кровососы все графы да бароны, писанные красавцы. А на самом деле это нежить. Представляете, что это такое?

Аурика поежилась. Она видела нежить и нечисть только на страницах книг и подумать не могла, что страшные сказки и легенды вдруг обретут плоть и кровь.

— Вампиры испытывают вечный неутолимый голод, — продолжал бургомистр. — Единственное, что нас может спасти, — сильные морозы. Чем ниже температура воздуха, тем они неповоротливее.

Аурика подумала, что зима в этом году резко заявила о своих правах. Если бы она не устроилась на работу к Дереку, то наверняка замерзла бы на своем чердачке.

— Вампиры не простая нежить, — подал голос Гресян. Сейчас, пообедав как следует, он осмелел и решился заговорить. — Мне бабушка в детстве рассказывала, что оборотни живут сами по себе. Своим разумом. Лешаки, домовые, водяные — тоже. Они, как бы это сказать, разумные. А вот с вампирами не так. Вампирам нужен тру повод. Тот, что поднимает их из могилы. Чужая воля.

Выпалив все это чуть ли не на одном дыхании, Гресян стушевался и опустил голову.

— Все верно, — согласился бывший министр. — Вот самая главная проблема. Получается, кто-то хочет столкнуть лбами оборотней и людей. Кто?

— Людей? — озадаченно переспросил бургомистр. — При чем тут люди?

— Как это при чем? — усмехнулся Дерек, откинувшись на спинку стула. Аурика чувствовала, что он начал разгадывать загадку, и ему очень не нравится та картина, которая складывается из кусочков мозаики. — Серийные убийства происходят уже полгода. Народ в страхе, полиция перепугана и бездействует. Помощи ждать неоткуда. А потом, например, рядом с новым трупом найдут клочок медвежьей шерсти, и все решат, что дело связано с оборотнями.

Он сделал паузу, задумчиво глядя куда-то сквозь бургомистра, и продолжил:

— Страшен сам факт того, что верхушку власти в обычном человеческом городе составляют оборотни. Дружище, поверь, никто не будет разбираться в том, что вы и пальцем никого не тронули. На вас повесят все преступления отсюда до Крайних земель просто потому, что

зверь не может не жрать. То, что вы не отбрасываете тени, выяснится очень скоро.

Говард растерянно положил вилку на кружевную салфетку возле тарелки и спросил так, что становилось понятно: он полностью переложил на Дерек всю полноту власти и принятия решений:

— И что же нам делать?

— Нам надо найти того, кто все это затеял. Найти труповеда, — ответил Дерек и мрачно посмотрел на бургомистра.

Тот, похоже, начинал терять присутствие духа.

«Неудивительно, — подумала Аурика. — От таких новостей с ума сойти можно».

— Меня не покидает тревожное чувство, что все это — для простого отвода глаз, — продолжал Дерек. — Ширма для того, чтоб спрятать какую-то очень важную вещь. Все эти убийства затеяны для чего-то другого.

Аурика сидела ни жива ни мертва. И сразу же ей захотелось исчезнуть, улететь отсюда, вернуться домой и никогда ничего не знать об оборотнях и труповедах. Ей жилось бы намного легче без этого города, без липкого взгляда доктора Вернона, без бывшего министра Тобби и его ночных кошмаров.

— Я сегодня же отправлю запрос ее величеству, — сказал Дерек. — Попрошу прислать сюда инквизиторский отряд, так как в городе происходят события, в которых замешана магия. Что, дружище, разместишь на постой ловких ребят в инквизиторских мундирах?

— Я и дьявола лысого размещу, — с искренней признательностью промолвил бургомистр, вздохнув с видимым облегчением, — лишь бы все это закончилось побыстрее. И без жертв. Со всех сторон, сам понимаешь.

— Вот и славно, — ответил Дерек. — И еще один вопрос. Кто умер в Эверфорте месяц назад?

Говард задумался, машинально отбивая пальцами по столу северную плясовую. Наконец он сказал:

— Большой Прокл, главный редактор «Эверфортских вестей». Хороший мужик был, правильный. Был восприимчивым моего Сандро. А зачем тебе?

— Отчет о его вскрытии сгорел в архиве анатомического театра, — объяснил Дерек. — И я хочу понять, почему доктор Вернон устроил пожар, да еще и с помощью артефакта.

— Вернон? — Говард махнул рукой. — Брось, старина, Вернон точно ничего не устраивал. Его в ту неделю вообще не было в городе, уезжал куда-то на юг, он порой за год несколько раз отлучается. Весной вот тоже

уезжал. Я понимаю, что ты его не любишь, но Вернон тут действительно ни при чем.

— То есть ты хочешь сказать, что тот пожар в самом деле устроили ортодоксы? — поинтересовался Дерек.

Аурика невольно поежилась. Ортодоксы — кочевники, много веков назад объявившие себя приверженцами дореформенной веры, всегда вызывали в ней внутреннюю дрожь. Когда в их городок въезжали пестрые повозки и табор становился на постой, раскидывая разноцветные шатры и предлагая всем желающим погадать или подковать коня, Аурика пряталась в своей комнате. Мама в детстве пугала ее: «Не будешь слушаться — отдам ортодоксам, они тебя превратят в соломенную куколку!» Аурика прекрасно понимала, что мама никогда не отдаст ее этим диким кочевникам, матери не отдают дочерей бродягам, но страх ее не слушался и не желал униматься. Страх жил своей жизнью.

— Вполне вероятно, — кивнул Говард. — Они доктора Вернона просто люто ненавидят. Как-то закидали его овощами, у него вся щека синяя была.

— Ладно, разберемся. — Дерек утвердительно качнул головой, бросил беглый взгляд на Аурику, и выражение его лица на миг стало тем же, что и в зале для вскрытия. Он был рад, что Аурика здесь, что она жива. — Жаль, что с покойной Лиззи нельзя поговорить еще раз.

Бургомистр посмотрел на Аурику, и в его глазах появился суеверный ужас. Хорошая парочка, инквизитор и некромантка.

— Почему? — спросил он не потому, что действительно интересовался, а потому, что хотел скрыть свой страх.

— Потому что мертвые отвечают лишь однажды, — ответила Аурика, сама не зная, откуда взялись в ней эти слова и это понимание.

Ночью пришли морозы — звонкие, лютые, непривычные даже для северян.

Черное небо было бархатным и звездным, тоненький серпик месяца плыл в звенящем ледяном воздухе, и струи печного дыма поднимались к звездам, словно некрасивые серые свечи. Дом вздрогнул всем телом, нахохлился, надвинул ниже шапку крыши, и Аурика услышала, как завозился истопник, забрасывая уголь в пасть печи.

— Значит, вампиров пока не будет, — негромко сказала она, ежась под одеялом.

Аурика не могла сказать, какую природу имеет ее озноб, — то ли она дрожала от того, что зима до хруста сжала город в объятиях, то ли это был

внутренний трепет, вызванный сегодняшними событиями. В доме-то было вполне тепло и уютно, даже не верилось, что стоит высунуть нос на улицу, и превратишься в ледышку.

И ей, и Дереку не спалось. Бывший министр расположился полусидя на своей стороне кровати. Привалившись спиной к подушке, он читал «Начала натуральной философии» великого лекийского ученого Нефферта, причем в оригинале. Маленький карандаш порхал над страницами — Дерек делал пометки. Аурика сносно знала лекийский, но никогда не рискнула бы читать написанный на нем учебник физики. «Введение в естествознание для начинающих», позаимствованное в библиотеке, нравилось ей намного больше.

— Это не может не радовать, — усмехнулся Дерек и, отложив карандаш, признался: — Аурика, я сегодня испугался за вас. Действительно испугался, когда услышал, что убита еще одна девушка. Я подумал, что это вы, и у меня чуть сердце не остановилось.

Похоже, это признание ему дорогого стоило — бывший министр был явно не из тех, кто любит рассказывать о чувствах. Чувства делают уязвимым.

— Я в это время была на кладбище в компании доктора Вернона, — ответила Аурика и натянула на себя одеяло так, чтоб в хрупкую пещерку, созданную им, не проникло ни струйки прохладного воздуха. — И мертвая Эмма велела мне бежать.

Дерек вздохнул, отложил книгу, и лампа на прикроватном столике рядом с ним послушно мигнула и погасла. Аурика вдруг подумала, что кровать очень большая, похожая на заснеженное поле, им обоим прекрасно хватает места, и беседа получается вполне светской.

— Вы все сделали правильно, — сказал он.

— А вы напрасно обо мне переживали, — промолвила Аурика и тотчас же мысленно одернула себя. Не стоило этого говорить. — Я же не могу быть оборотнем.

— Ну я-то об этом тогда еще не знал, — усмехнулся Дерек.

Наверняка он не почувствовал, что Аурике внезапно оказались приятны его внимание и волнение. Она и сама не могла сказать, почему вдруг замерла тогда, поймав на себе его беглый взгляд.

В комнате постепенно становилось теплее, и на контрасте с этим теплом страшно было и подумать о том, какой холод сейчас снаружи. Зима бродит среди домов, стучит в двери, расписывает окна удивительными узорами. А ведь кто-то в такую ночь лишен дома и приюта... Аурика задумчиво поправила кружево на ночной рубашке и сказала:

— Он какой-то странный, этот доктор Вернон. Постоянно говорит мне гадости, а потом комплименты. Ну вот зачем он сказал, где вы были минувшей ночью? Хотел меня обидеть?

Интересно, чем сейчас занимается Вернон? Читает, пишет очередной отчет или, господи прости, идет в бордель?

Дерек негромко рассмеялся. Заложил руки за голову.

— Я там просто спал, — ответил он. — Честно, Аурика. Арендовал койку, вот и все.

— Это не имеет значения, — выпалила она слишком быстро, гораздо быстрее, чем принято в светской беседе. — У вас своя жизнь и свои дела, вы вовсе не обязаны передо мной отчитываться.

На миг в груди стало жарко, а к щекам снова прилил румянец, и, чтобы справиться с неожиданным смущением, она произнесла:

— Почему он так поступает?

— Юные девушки хорошо попадают на такие контрастные души, — со знанием дела сообщил Дерек. — Вы постепенно начнете о нем думать, он вас заинтригует и заинтересует. И сами не заметите, как влюбитесь в доктора Вернона по уши. Он ведь такой открытый и честный. Особенно на контрасте с законным мужем, который через неделю после свадьбы ходит по борделям и имеет репутацию садиста и безжалостного убийцы, причем даже не считает нужным как-то ее скрывать.

Аурике захотелось спрятать лицо в коленях и никогда его больше не поднимать. Она не сделала ничего дурного, но ей стало невероятно стыдно и горько, почти до слез. Ужасное чувство, с которым она ничего не могла поделать.

— Но зачем? — только и смогла вымолвить Аурика. — Разве джентльмены так поступают?

И сама мысленно ответила на свой вопрос: «Поступают, а как же». Это не книги, а жизнь, и люди с репутацией самых порядочных и достойных здесь ведут себя не так, как в романах. Она уже успела в этом убедиться на примере собственных родителей.

— Чтобы потом со скандалом бросить вас, предать все огласке, причем в мельчайших интимных подробностях, и тем самым отомстить мне, опозорив, — невозможно сообщил Дерек. — Зачем же еще?

Аурика закрыла лицо ладонями и некоторое время сидела так, пытаясь справиться со стыдом. Кто бы мог подумать! Неужели на это действительно можно клюнуть, да так, чтоб заглотить наживку до поплавка!

Но ведь наверняка клюют, раз Дерек говорит об этом со знанием дела. И она сама почти клюнула, если уж быть честной до конца, — во всяком

случае, смотрела на доктора Вернона с определенным интересом, из которого бог весть что могло бы получиться.

— Он вел себя, как и полагается благородному человеку, — едва слышно сказала Аурика. — Не оставил меня там, а отнес в свой дом... Помог прийти в себя.

— Вот-вот, — усмехнулся Дерек. Вопреки опасениям Аурики, в его взгляде не было насмешки. — Еще один штрих к портрету рыцаря. А то, что рыцарь — хам и дрянь, ну так кто без греха? К тому же он не хамит, а говорит правду. При этом наговорил вам кучу гадостей, но это уже мелочи.

Аурика представила, как доктор Вернон несет ее к домику среди могил, и невольно натянула одеяло повыше. Ее охватила брезгливость. Внизу мелодично зазвенели часы — полночь.

— Хуже всего то, что я у него ничего не смогла узнать, — вздохнула Аурика. — Ничем вам не помогла, а вы на меня рассчитывали.

— Не говорите глупостей! — фыркнул Дерек. — Благодаря вам мы сегодня выяснили, что убитые девушки — оборотни. Это очень, очень серьезно. Вы не представляете насколько.

В его голосе звучала искренняя признательность, и Аурика невольно обрадовалась и взбодрилась.

— Все-таки вам не стоило за меня бояться, — сказала она.

Бывший министр снова рассмеялся.

— Видели бы вы, как я бежал в анатомический театр! — воскликнул он. — Гресян примчался и сказал, что труп там, — ох, как я полетел! Даже не додумался экипаж взять. И не заметил, что шляпу забыл. — Дерек задумчиво дотронулся до своего изуродованного уха и добавил: — В итоге вздохнул с облегчением.

— Не стоило, — повторила Аурика.

Ей было неловко из-за того, что невольно вызвала столько волнений. Он усмехнулся.

— Вы одинокая и несчастная девушка без друзей и поддержки, — ответил он. — Как же я могу оставить вас одну?

Это было сказано настолько искренне, что Аурика не сразу поняла, как по ее щеке пробежала слезинка. Она быстро махнула ладонью по лицу и откликнулась:

— Я вам благодарна, Дерек. Очень.

Дерек улыбнулся и, протянув к ней руку, внезапно погладил ее по щеке согнутым указательным пальцем. Этот жест был таким неожиданным и наполненным такой откровенностью, что Аурика с трудом удержала вскрик.

— Вы поспите, Аурика, — произнес он. — Такой насыщенный событиями день. Вам обязательно надо отдохнуть. Я все равно спать не собираюсь.

Эти вроде бы простые слова подействовали на Аурику так, словно кто-то сказал ей то же самое, что она говорила папаше Угрюму: «Поплачьте, теперь можно». Она всем сердцем ощутила, что больше не одна, что о ней волнуются и заботятся. Что необязательно быть в родительском доме, чтобы получить душевное тепло и участие. И можно быть некроманткой, да хоть кем — к тебе все равно будут относиться по-человечески.

И она заплакала. Тихо, не навзрыд — просто по лицу полились слезы, а дыхание перехватило. В сердце сейчас было слишком много чувств, чтобы они не вышли на поверхность.

Дерек негромко вздохнул, а затем осторожно привлек ее к себе. От неожиданности она вздрогнула, но не сделала попытки освободиться из его объятий. Простой дружеский жест отозвался в ней такой волной чувств, что Аурика уткнулась носом в грудь Дерека и заплакала еще сильнее. Она была не такой, как все. Она была невероятно далеко от дома. Но теперь у нее был друг. И Аурике хотелось верить, что это надолго.

Несмотря на морозы, жизнь в Эверфорте не остановилась. Конечно, народу на улицах стало намного меньше. Все, кто имел такую возможность, оставались дома, в тепле, в компании пледа и кружечки глинтвейна. Стоя возле отогретого квадрата окна в библиотеке, Аурика смотрела, как по замерзшей улице бойко несется экипаж и от лошади валят клубы пара. Вот прошел полицейский, кутаясь в огромную лохматую шубу. О принадлежности к стражам порядка говорила лишь высокая форменная шапка, надвинутая до бровей. Лоточник разносил горячие мясные кольца и глинтвейн. Полицейский подозвал его и через минуту уже прихлебывал напиток, довольно притопывая ногами.

Дерек ушел утром — сказал, что решит несколько вопросов с бургомистром и вернется. Оставшись в одиночестве, Аурика некоторое время думала, чем заняться, а затем отправилась в библиотеку на втором этаже. Ее родители ограничивались лишь приключенческими и любовными романами, хотя в книжных шкафах стояла и классическая литература Хаомы и других стран и энциклопедии. Все эти книги покупались в единственном в городке книжном магазине исключительно за тисненый переплет, и Аурика, осторожно вытягивая с полки очередной том, молилась, чтоб не стерлась позолота.

Здесь Аурика обнаружила в шкафах настоящую сокровищницу!

Медленно двигаясь вдоль полок, Аурика заворожено рассматривала надписи на корешках. Книги по истории, медицине, артефакторике, множество словарей и научных бюллетеней — Аурика даже растерялась, не зная, что выбрать первым. Были здесь и подшивки «Исторического журнала». Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Аурика вытащила с полки аккуратную подшивку и села с ней за большой письменный стол возле окна.

Она не знала, какое желание или предчувствие ею движет, но, найдя статью «Вангейнский мятеж: причины и последствия», поняла: ей хотелось больше узнать о человеке, с которым она делит кров и постель.

Вчера ведь Аурика так и заснула в объятиях бывшего министра. Дерек был к ней очень добр, он действительно оказался воспитанным и благородным человеком, и это не вязалось с тем, что она успела о нем узнать. Аурика не могла представить, как он хлещет шпидерутенами доктора Вернона и его товарищей, и уж тем более не могла вообразить, как он в одиночку уничтожает штаб вангейнских мятежников. Это не укладывалось в голове. Дерек Тобби не может быть жестоким массовым убийцей.

«Вангейнский мятеж — попытка государственного переворота в тысяча четыреста пятьдесят шестом году, организованная Амикусом Мейерном и направленная на свержение короля Пауля. Событие получило название по Вангейну, пригороду хаомийской столицы, где располагался главный штаб мятежников.

Будучи двоюродным братом короля Пауля по материнской линии, Мейерн считал, что имеет все права на престол. Помимо династических притязаний, он заявлял, что Хаома находится в состоянии полнейшего внутреннего рабства, экономического и политического, что, разумеется, тормозит развитие государства. В „Послании хаомийскому народу“ Мейерн писал, что собирается освободить страну от внутренней тирании и передать власть гражданам Хаомы».

Аурика подумала, что «Исторический журнал» мог бы продаваться более серьезными тиражами, если бы статьи в нем писались не таким сухим языком. Она была уверена, что история должна быть живой и интересной, тогда из нее сделают хоть какие-то выводы. Хотя как знать... говорят же, что история учит только тому, что ничему не учит.

Перевернув страницу, Аурика замерла, увидев цветные иллюстрации.

На одной из них был изображен сам Мейерн — краснолицый толстяк с мощной шеей, больше похожий на крестьянина или борца на ринге, чем на дворянина. В одной руке Мейерн держал книгу с неразличимым названием, вторая лежала на эфесе сабли. Вторая иллюстрация была выполнена в духе народного лубка — на ней щеголеватый молодой человек стоял на крыльце двухэтажного особняка, держал в одной руке саблю, а в другой — отрубленную голову.

В голове можно было с легкостью опознать, что она принадлежала Амикусу Мейерну. В щеголе с саблей — Дерек Тобби. Некоторое время Аурика сидела молча, а затем прочла:

«Переворот Мейерна бесславно закончился тем, что по личному приказу короля Пауля в здание штаба проник старший советник инквизиции Дерек Тобби и в одиночку уничтожил всех, кто там находился. Лишившись своего предводителя, мятежники почти сразу сложили оружие и были...»

Аурика захлопнула подшивку и оттолкнула от себя так, словно это было какое-то невероятно омерзительное животное. Ну вот, она узнала все, что хотела, это действительно была правда, и если раньше Аурику тыкали в нее носом, как нашкодившего щенка, то теперь она это сделала сама. Что ж, наверное, бывают вещи, в которых надо убедиться лично. Осталось определиться, как потом с этим жить.

Некоторое время она сидела просто так, ничего не делая и ни о чем не думая. На ветке за окном расположились бойкие красногрудки, важно выпятив пушистые алые брюшки и распушив черные хохолки перьев на головах. Вот уж кому мороз нипочем, так этим птицам. Чем холодней на улице, тем они веселее.

— Чирик! — громко заявила одна из красногрудок, словно хотела сказать: — Да, твой работодатель чудовище. И что? Он твой единственный друг в этих краях, он не сделал тебе ничего плохого. Живи и жить давай другим.

— Госпожа, разрешите...

Аурика обернулась и увидела, что в дверях стоит дворецкий. Как всегда важный и чопорный, он держал в руке серебряный поднос для визиток, на котором лежала белая карточка.

— Госпожа, доктор Август Вернон справляется о вашем самочувствии, — произнес дворецкий, слегка наклонив голову.

Его лицо было абсолютно непроницаемым, так что Аурика не могла и

предположить, о чем он думает.

Карточка была самой обыкновенной — белый глянцевый картон, черные буквы с легким наклоном вправо. «Август Вернон, доктор медицины, анатом», — прочла Аурика и, вспомнив манеру поведения матери во время приема гостей, сказала:

— Передайте ему, что я скоро спущусь.

Дворецкий качнул головой, и его губы чуть-чуть дрогнули в улыбке.

— Слушаюсь, госпожа.

Когда за ним закрылась дверь, Аурика откинулась на спинку стула и некоторое время задумчиво решала, что же делать дальше. Можно было заставить Вернона прождать пару часов: «скоро» — растяжимое понятие, мать, бывало, по полдня держала незваных посетителей в гостиной, занимаясь своими делами.

Но Вернон как-то был замешан в деле о вампире. И наверняка это именно он сжег архив с отчетами о смерти Большого Прокла либо знал тех, кто это сделал. С этим надо было разобраться хотя бы ради того, чтобы больше ни одна девушка не лежала на столе для вскрытия, как несчастная Лиззи и все остальные до нее. Аурика вздохнула, решительно поднялась и направилась к двери.

Доктору Вернону никакой мороз был нипочем, он выглядел веселым и довольным жизнью. Румянец на впалых щеках придавал ему какое-то романтическое выражение, делая Вернона моложе на несколько лет. Сейчас доктор был похож на студента, сбежавшего с лекций, потому что на свете есть много занятий поинтереснее бессмысленной профессорской болтовни.

— Здравствуйте, Аурика! — воскликнул он, стоило ей войти в гостиную. — Вот, проходил мимо, решил занести вашему супругу протокол о вчерашнем вскрытии и заодно узнать, как вы себя чувствуете.

— Здравствуйте, Август. — Аурика протянула доктору руку, и тот осторожно пожал кончики пальцев. Несмотря на то что он провел какое-то время на морозе, его рука была горячей. Похоже, мороз не причинял Вернону вреда и не доставлял каких-либо неудобств. — Дерек с утра уехал в полицейское управление, вам лучше поискать его там.

Действительно, на диванчике лежала тонкая картонная папка, старательно завязанная на сложный узел. На крышке папки стояло несколько алых печатей. Вернон покосился на нее и повторил:

— Так как вы себя чувствуете, Аурика? Обморок, потом это некромантическое видение... Я за вас волнуюсь.

Его голос звучал совершенно искренне, а выражение лица выдавало

неподдельное беспокойство. «Неужели Дерек прав и это все просто игра? — растерянно подумала Аурика. — Не может быть». Доктор Вернон сейчас действительно переживал за нее — она прочла об этом в его глазах. Он был встревожен и не считал нужным это скрывать. Как такое может быть игрой?

Но она почти сразу вспомнила: родители всегда говорили, что любят ее, и это не помешало им выбросить дочь из дому как нашкодившую кошку. Или это тоже была игра определенного рода, игра в хорошую приличную семью, которую дочь-некромантка могла осрамить перед всем белым светом?

Лучше притвориться, что дочь уехала к дальним родственникам. Надолго. Навсегда. Никто не станет проверять.

— Все в порядке, Август, — улыбнулась Аурика. Что-то странное было в докторе Верноне: сейчас, глядя на него, Аурика хотела, чтобы он ушел, и в то же время с неменьшим пылом хотела, чтобы остался. Она и сама не знала почему. — Вам не о чем переживать.

Вернон понимающе прикрыл глаза и произнес:

— Тогда я счастлив. И раз уж с вами все в порядке, а ваш супруг все равно отсутствует, то я хочу пригласить вас на прогулку. На набережной с самого утра высекают ледяные скульптуры, давайте посмотрим. Готов держать пари, вы никогда не видели ничего подобного.

— На прогулку? — Аурика невольно поежилась. — В такой мороз?

— А что такого? — Вернон рассмеялся, развел руками, и Аурика вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которая боится того, чего бояться не следует. — Взгляните на меня — мороз не такой суровый, каким кажется отсюда. К тому же свежий воздух будет вам полезен, поверьте врачу. А румянец оживит ваше бледное личико, поверьте мужчине.

Аурика почувствовала, что краснеет.

— Я уже говорила вам, что вы наглец? — спросила она.

— «Наглец» еще не означает «Прекратите», — улыбнулся Вернон и шутливым жестом приложил руку к сердцу. — Даю вам честное слово, что вы не замерзнете и не заболеете. Полчаса на свежем воздухе, потом сытный горячий обед в «Пафнутии» — вепрево колено и кружечка глинтвейна, — и вы будете веселы, словно птичка.

— Хорошо, — сдалась Аурика. — Но если я простужусь, то пожалуйюсь на вас мужу.

— И он превратит меня в крысу, — усмехнулся Вернон. — Не спорю, у меня ужасный характер, но с вами я буду идеальным. Идемте, дорогая! Устроим веселье.

Вернон оказался прав — мороз был сильным, но не настолько, чтобы запира́ть себя в четырех стенах. Экипаж быстро доставил их на набережную, и Аурика удивилась тому, сколько народу пришло посмотреть на скульпторов, которые лихо орудовали резцами, высекая из прозрачных ледяных глыб снежных дедов и русалок, волков и медведей. Среди веселой толпы сновали разносчики глинтвейна с канистрами на спинах; румяные торговки, надевшие на шеи веревки с калачами и бубликами, словно ожерелья, кричали во всю глотку, предлагая свой лакомый товар; возле маленьких прилавков можно было отведать горячих блинов с икрой — их пекли прямо здесь, на здоровенных черных сковородах, под которыми пылало почти адское пламя переносных печурок.

Аурика никогда не видела ледяных скульптур, и зрелище заморозило ее, пленило так, как ребенка пленяет наряженная новогодняя елка. Прозрачные, наполненные бело-голубым сиянием, скульптуры казались живыми, просто замершими на какое-то мгновение. И эта внутренняя живость испугала Аурику тогда, когда она увидела череп.

Скульптор, закончивший свою работу, старательно наносил крошечной кисточкой какую-то прозрачную жидкость внутрь глазниц. Стоило Аурике шагнуть поближе, как глаза черепа вспыхнули золотым огнем, заставив ее вздрогнуть. Доктор Вернон, стоявший сзади, взял Аурику за руку, и она была ему искренне признательна за этот простой дружеский жест.

— Что это? — спросила она. Череп был высечен вместе с позвоночником, и Аурику вдруг пронзила уверенность, что они были словно вырваны из тела.

— Это оберег от упырей, — охотно откликнулся скульптор. Молодой, бородатый, раздурмянившийся от мороза, он выглядел по-настоящему счастливым. — Как в сказке. Взяла красная девица череп, засветила в нем огонь и пошла в темный лес. Хотели упыри ее сожрать, а череп сверкнул на них глазами, они и рассыпались.

Аурика поежилась. Ну и сказочка!

— А все потому, — подал голос доктор Вернон, — что это был череп ее погибшего жениха. Он и мертвый защищал свою любимую.

— Какой ужас! — воскликнула Аурика.

Скульптор рассмеялся.

— Ужас, конечно, — ответил он с прежней охотой. — Но я надеюсь, что этот череп защитит город от упыря. Девушки нам и самим пригодятся.

Аурика поежилась. Ледяной череп так и притягивал взгляд, а страшная сказка не отпускала. К огромному сожалению Аурики, у нее было

превосходное воображение. Она тотчас же представила, как идет по ночному лесу, среди деревьев стелется туман и кто-то следует за ней по пятам. В руке у Аурики дрожат окровавленные позвонки, вырванные из тела, и череп шевелится, рассыпая во все стороны огненные искры из глаз.

— Идемте, — выручил ее доктор Вернон. — Пожалуй, свежего воздуха довольно с нас обоих. Теперь обед!

«Пафнутий» оказался небольшим ресторанчиком на набережной. Несмотря на мороз, в нем было столько народу, что Аурике и Вернону едва сумели подыскать столик в самом дальнем углу заведения. В ресторанчике было жарко натоплено, и Аурика, устроившись на деревянной скамье, сразу же забыла ледяные страхи. Возле огромного камина спала собака, на стенах висели старинные знамена и ржавые сабли — одним словом, это место не могло не впечатлять. «Древняя романтика», — подумала Аурика. Она никогда не была в подобных местах, ведь благородным барышням не следует их посещать, и теперь заинтересованно смотрела по сторонам.

Официант поставил на стол высоченные кружки с глинтвейном, и Вернон одобрительно произнес:

— Только в «Пафнутии» глинтвейн готовят правильно. Апельсины, корица и яблоко — все, как полагается.

Аурика осторожно придвинула к себе кружку, сделала небольшой глоток и почувствовала, как по всему телу разливается огонь, окончательно изгоняя память о морозе снаружи. В ее родном доме никогда не варили глинтвейн — зимы в Запольских землях мало чем отличались от поздней осени, так что в дополнительном обогреве не было надобности.

— А почему ресторан называется «Пафнутий»? — поинтересовалась Аурика.

— О, это презабавнейшая история! — Вернон откинулся на спинку скамьи и, катая кружку в ладонях, продолжал: — Пафнутием звали мраморного дога короля Зернуса. И он прославился тем, что, когда короля пришли свергать сыновья, Пафнутий лег на брюхо возле хозяина и зарыдал. Он не мог, разумеется, броситься на принцев, его надрессировали не трогать королевскую кровь, но отказался покидать Зернуса. Эта преданность так всех впечатлила, что собаку не разлучили с хозяином, они вдвоем отправились в изгнание, и Пафнутий умер от горя, когда скончался король.

Собака, лежавшая у камина, подняла голову, задумчиво посмотрела на гостей и снова опустила ее на тяжелые лапы.

— Этот пес тут в честь того Пафнутия? — предположила Аурика. Собака ей понравилась: она напомнила Хвата, который жил в будке рядом с

флигелем сторожа. Гроза всей округи, Хват обожал Аурику и, когда она появлялась возле его будки, всегда выбирался, грохоча тяжеленной цепью, потом падал на спину, раскидывал в стороны лапы и приглашал чесать брюхо. Когда Аурика покидала дом, Хват тоскливо завывал, вскинув к небу громадную уродливую морду, словно чувствовал, что она уходит навсегда.

— Совершенно верно, — кивнул Вернон. — Здесь все очень верноподданническое, символичное и монархическое.

Официант притащил здоровенный поднос, на котором, поддетое на специальные металлические рогатки, красовалось громадное вепрево колено: поджаристое, ароматное, истекающее прозрачным соком. На подносе под коленом обнаружили маринованные овощи всех сортов и несколько соусов в белоснежных мисочках.

Запах действительно был просто невероятный, от него даже голова закружилась. Только теперь Аурика поняла, насколько проголодалась. И отчего-то ей стало очень весело.

— Ну вот, — довольно произнес Вернон. — Берите вилку, нож и отрезайте себе кусочки. Тут все просто и по-свойски, так что не стесняйтесь. Приятного аппетита!

Тарелок действительно не было. Глядя, как Вернон лихо орудует столовыми приборами, Аурика решила, что тоже не будет скромничать.

— Вы очень скептически отозвались о верноподданстве, — сказала Аурика, когда первый голод был утолен, а официант принес еще глнтвейна и выставил на стол вазочку с огненно-рыжими мандаринами.

Доктор усмехнулся, но усмешка вышла печальной.

— Я был наказан и прощен, потому что имел наглость выжить, — ответил он. — Но наказание не сделало меня другим, я по-прежнему не верю, что король назначен Господом и что он символ нравственности и добра.

— А во что вы верите? — спросила Аурика.

Губы Вернона снова дрогнули в улыбке, а в глазах мелькнули хитрые искры.

— Я верю в равенство людей, — ответил он. — В справедливость и ответственность. В то, что офицер не даст матросу в зубы, а крестьянка не будет кланяться карете вельможи. В то, что учиться и лечиться смогут все, независимо от сословия и состояния. В то, что ценны занятия человека, а не его происхождение. Моя вера, дорогая Аурика, выписана шпицрутенами на моей спине. И я не отрекусь от нее.

Произнеся все это с искренним пылким волнением, Вернон вдруг осекся, словно понял, что сказанул лишнего. Он снова улыбнулся, будто

извинялся за свои слова, и принялся за мясо.

Аурика вдруг подумала, что кто-нибудь из посетителей наверняка узнает ее и по городу поползут слухи. Это мужчины могут ходить в бордели, а женщина не имеет права где-то бывать в компании кого-либо, кроме законного супруга. Ведь именно этого и добивается Вернон, напомнила себе Аурика и решила не расслабляться.

— Вы правы, — кивнула она. — Это действительно очень важно.

— Неужели вы мне сочувствуете? — холодно осведомился Вернон, словно что-то заподозрил.

— Да, — призналась Аурика. — Да, сочувствую.

Вернон вдруг посмотрел на нее совсем иначе, чем прежде. Так, словно увидел в Аурике друга.

Глава 4

СОН

Лиззи Хельт скончалась от потери крови, безутешные родители забрали ее тело домой — готовить к похоронам, а полицейский участок с самого утра штурмовали ортодоксы.

Дерек с трудом пробился к дверям сквозь пеструю толпу — от разноцветных лохмотьев рябило в глазах, а визгливые вопли и приплясывания баб на мостовой волей-неволей вводили в транс. Войдя в участок, он первым делом увидел Гресяна Рыжий стоял в коридоре, смотрел на себя в зеркало, и вид у него был такой, словно до этого момента он имел все основания утверждать, что выглядел иначе.

— Смотрите, Эдвард, — насмешливо произнес Дерек, расстегивая пальто. — Уведут у вас коня, а самого превратят в соломенную куколку.

Гресян обернулся и посмотрел на начальника с таким искренним страхом, что Дерек решил больше над ним не шутить. Парень все воспринимал всерьез.

— В куколку? — переспросил он. Гресян говорил медленно, язык у него заплетался, словно бедолагу только что хватил удар. — А коня у меня нету...

Дерек вздохнул. Ортодоксы были большие мастера на всякие пакости, в том числе и на гипноз. Надо бы Гресяну проверить вещи — наверняка у него сперли что-нибудь.

— Идемте, Эдвард, — произнес он и взял полицейского под руку. Думал, что тот будет упираться, но нет, он послушно пошел рядом, словно теленок на веревочке.

В уборной никого не было — полицейские тоже люди, не хотят мерзнуть на работе с раннего утра, когда можно подольше посидеть дома. Гресян покорно вошел за Дереком и, растерянно опустив руки, встал у раковины. Когда Дерек повернул кран и тугая струя воды ударила о фаянс, рыжий даже не шелохнулся. Стоял, смотрел, хлопал глазами.

Послал Господь помощничка, ничего не скажешь. Протянув руку, Дерек схватил Гресяна за шиворот и сунул рыжую башку под струю воды. Подействовало сразу: Гресян задергался, заорал что-то невнятное. Дерек подержал его еще минутку и выпустил.

Давнее средство помогло: к молодому полицейскому вернулась

осмысленность во взгляде. Гресян хлопнул себя по карману и воскликнул:

— Кошелек! Кошелек подрезали! Там жалованье! Мне ж за квартиру платить!

Дерек вздохнул. Чего-то в этом роде он и ожидал. С ортодоксами всегда так, не могут они жить мирно и спокойно.

— Идите, Эдвард, приведите себя в порядок. Я с ними разберусь.

Он вышел на крыльцо как был, в сюртуке. Сразу же пробрало морозом до костей, волосы слиплись противными прядями, а пальцы онемели, но Дерек подумал, что не умрет от пневмонии, — за пару минут с ним ничего не случится.

— Thek kutiya kee bits ko chup raho! — отчетливо произнес он и добавил: — Thanik Tho!

Этого хватило, чтоб голосащий пестрый вихрь моментально заткнулся. На улице воцарилась мертвая звонкая тишина. На Дерек устались смуглые физиономии, женские и детские, одинаково изумленные. Гхадажэ, то есть человек, которому не выпало счастья принадлежать к ортодоксам по праву рождения, не мог говорить на их тайном наречии. И тем более не мог называть собравшихся гнойными тварями и советовать им заткнуться как можно скорее.

— Aarane adhikaaree ke pars le liya Gresyan, — продолжал Дерек. — Khmaro. Aatekely.

«Вы взяли кошелек офицера Гресяна. Верните. Немедленно».

Это вновь произвело впечатление. Кошелек нашелся сразу же, причем полный. Туда, похоже, еще и доложили несколько ассигнаций, от греха подальше — Гресянов кошелек не мог быть набит настолько туго, чуть не трескался. Смуглая чернокошая девушка, одетая гораздо приличнее своих товарок и родственниц, вышла из толпы и протянула кошелек Дереку.

— Вот, возьмите, — сказала она на хаомийском без следа акцента.

Чистые руки и обувь, умытое лицо, умный взгляд — пожалуй, с ней можно иметь дело.

— Идем, — сказал Дерек и обратился к остальным: — Ждите. И без воплей и мусора, а то собак спущу.

Угроза подействовала. Ортодоксы чинно сели прямо на мостовую, словно экзотические птицы. Хорошо, что они боятся собак и считают их нечистыми животными, — есть чем припугнуть.

Собаки, кстати, придерживаются такого же мнения.

— Как тебя зовут? — бросил Дерек через плечо.

Девушка белозубо улыбнулась и ответила:

— Лалэ. Лейла, по-вашему.

— Зачем офицера-то обнесла, дура? — поинтересовался он.

Ограбленный Гресян, замотавший мокрую голову какими-то лоскутами, топтался в коридоре, поджидая начальника. Увидев Лейлу, он шарахнулся в сторону и вскрикнул:

— Вот! Это она! Давай, говорит, погадаю, всю правду скажу! Возьми золотое, заверни в бумажное!

Дерек протянул ему кошелек, рыжий просиял и показал девушке кулак. Та и бровью не повела: угрозы Гресяна не могли ее напугать.

— Не ограбила, пан-гхадажэ, — миролюбиво ответила Лейла, входя вслед за Дерекком в кабинет. — Кого и когда ограбили ортодоксы? Воровство — великий грех, а мы потому и кочевой народ, что убегаем от всякого греха. Сам отдал, по доброте своей и во славу Господа, сирым и убогим.

Идиоты эти ортодоксы, что с них взять. Подрезать бумажник у офицера полиции прямо перед участком — это уже какая-то особенная глупость. Редкая.

— Что вам дома-то не сидится в такую погоду? — поинтересовался Дерек, усаживаясь за стол. Кто-то из помощников подсуетился, уже приготовил целый кофейник горячего сладкого кофе.

— Слух прокатился, пан-гхадажэ, — промолвила Лейла, косясь на кофейник, — что в город приехала говорящая с мертвыми. Мы пришли просить ее пойти с нами в табор. Она ведь ваша? Отпустите ее к нам, она будет наша.

Дерек, конечно, слышал о бескрайней наглости ортодоксов, но чтоб вот так заявиться всем табором и просить мужа отпустить законную жену неведомо куда — это уже не наглость, это как-то иначе называется.

— Совсем, что ли, берега попутали? — Сейчас было не грех и нагрубить. — С чего вы решили, что я ее отдам? — Дерек продемонстрировал Лейле правую руку с простеньким серебряным колечком. — Жену законную, любимую. Отпущу в табор. Уже бегу, уже в пути.

Колечко было его трофеем десятилетней давности, принадлежало покойной артефакторше Анне Кло, но Лейла об этом конечно же не знала.

— Как не отпустить, пан-гхадажэ? — развела руками девушка. — Ты же хочешь, чтоб в городе мир был, покой был? Чтоб упыря поймали?

А вот это уже было интереснее. Беседа поворачивала в неожиданное русло.

— При чем тут упырь? — Дереку даже расхотелось пить кофе.

— Как при чем? — удивилась Лейла. Похоже, обе стороны искренне

сомневались в умственных способностях собеседника. — Говорящая с мертвыми пойдет туда, где лежит наша Заничка. Поговорит с ней, узнает, что за негодяй такой убил ее. Скрутим упыря, да и бросим его в яму! А еще лучше — возьмем осиновый кол, да и вобьем в сердце, а голову отрубим и положим в ноги! Тогда уж точно не поднимется!

— И что потом?

Бред становился все занимательнее и любопытнее. Этой Лейле романы бы писать. Отбою бы не было от читателей.

— Потом будем жить дальше, — просто ответила Лейла и торопливо добавила: — Пан-гхадажэ, послушай, мы же не просто так просим себе говорящую с мертвыми. Наша баро сказала, что даст тебе выкуп за нее, две меры золота и три серебра. А чтоб ты один не скучал, можешь выбрать двух девушек из табора. Невинные девушки, без обмана.

Дерек едва не рассмеялся. Происходящее казалось ему полным абсурдом. Верно говорят: ортодоксы не просто придерживаются старой веры — они еще и живут по-старому, по правилам и законам, которые были в ходу почти тысячу лет назад. Тогда еще можно было обменять жену на другую, давать щедрый выкуп и торговать людьми.

— Ни в коем случае, — сухо ответил Дерек, и Лейла тотчас же нетерпеливо воскликнула:

— Подожди, ты же еще не видел девушек! Краше солнца и луны!

— Мне они не нужны, — отрезал Дерек. — У меня есть жена.

— Две лучше, чем одна! — похоже, Лейла начала сердиться.

Видимо, она была уверена, что победа — дело времени, и расстроилась, наткнувшись на сопротивление.

— Где похоронена ваша Заничка? — поинтересовался Дерек, и Лейла сразу же погрузилась.

В ее глазах заблестели слезы.

— Заничка, милая моя птичка, — с искренней печалью промолвила Лейла. — Как мне ее не хватает... Пан-гхадажэ, мы похоронили ее, как и требует обычай. Тело сожгли, пепел развеяли над рекой. А следы ее духа, как полагается, на холме.

Дерек подавил в себе желание схватиться за голову. С этими ортодоксами дьявол ногу сломит, все у них не так, как у людей. Надо было не прогуливать лекции по народной магии, заваливаясь в кабаки с приятелями, а записывать каждое слово, но кто же мог подумать, что придется с этим столкнуться.

— Что такое «след духа»? — устало уточнил он.

— Это то, что остается, когда дух улетает к Господу, — ответила Лейла

таким тоном, словно что-то объясняла ребенку. — Священник запечатывает его в глиняный сосуд и закапывает на холме. Соглашайся, пан-гхадажэ! Ты с нашей помощью изловишь упыря, а у нас будет своя говорящая с мертвыми.

Да, тут явно дело было нечисто. Ортодоксы перепугались не на шутку. Именно страх привел их в город, к отделению полиции, неподдельный страх за свою жизнь. И охота на вампира была всего лишь предлогом, наивным способом обвести вокруг пальца и получить желаемое.

— Ты видела полицейских собак? — спросил Дерек. Лейла испуганно закивала и машинально потеряла бедро: похоже, ей уже приходилось сталкиваться с псами из управления. Дерек ухмыльнулся и продолжил: — Серемберские караульные, злющая порода. Разрывают человека на части за три минуты. Мне надоел этот разговор, Лейла. Если не расскажешь правду, я их спущу на твоих соплеменников. Горожане будут мне только благодарны.

Он не знал, выполнит ли угрозу, пока еще не решил. Лейла побледнела и сползла со стула, встав на колени и сцепив пальцы в молитвенном жесте.

— Прошу тебя, пан-гхадажэ... — начала было она, но Дерек перебил:

— И хоронить-то будет нечего. И дух не запечатают!

— Пан-гхадажэ! — воскликнула девушка.

— Что у вас в таборе творится на самом деле? — сухо спросил Дерек. Нет, все-таки не стоит спускать собак. Горожане не поймут и не примут. Это не столица, где к его методам работы более-менее привыкли, здесь он может очень быстро все испортить. — Вас что-то напугало сильнее упыря. Настолько, что вы, ортодоксы, пришли к инквизитору просить о помощи. Что это?

Лейла заплакала, и ее слезы были вполне искренними. Дерек не торопился, ждал, когда она успокоится. Наконец девушка шмыгнула носом, энергично провела ладонями по щекам и ответила:

— Мы видели кровавое знамение. Все мы. Вчера, когда ударили морозы, на небе появилась алая луна. Чуть ниже месяца. Она висела четверть часа, а потом растаяла. Это луна мертвых, пан-гхадажэ, это очень дурной знак. — Она сделала паузу и добавила: — Нам всем скоро придет конец. И ортодоксам, и гхадажэ. Всем нам, потому что мы живы, а они нет.

— Кто — они? — спросил Дерек.

Он где-то уже слышал описание такого явления, но сейчас никак не мог вспомнить, где именно. Воспоминание крутилось в голове, дразнило и раздражало, но не давалось в руки.

— Те, кто идет с *другого края*, — прошептала девушка.

И вот тогда Дерек вспомнил.

Ортодоксов все-таки удалось убедить в том, что власть официально окажет им всяческую помощь и не оставит перед лицом неминуемой беды, и они убрались назад в табор, к удивлению Дерека, не оставив после себя куч мусора и ограбленных горожан. Гресян, который стоял у окна и угрюмо смотрел, как пестрые фигурки движутся по дороге в сторону холмов, мрачно произнес:

— Давайте-давайте. Валите пошустрее.

Он до сих пор сохранял сердитый и расстроенный вид, все никак не мог смириться с тем, что его облапошили и ограбили. Дерек видел, что Гресяну так и хочется расспросить, откуда шеф знает язык ортодоксов, но рыжий сдерживался.

Разумеется, Дерек собрал своих незадачливых подчиненных и рассказал о кровавом знамении. Результат был предсказуем, и это никого не удивило. Судя по выражению лиц, стражи порядка были готовы бежать из города со всех ног, да так, чтоб с фонарями не нашли. Мавгалли, которому сломанный палец почти не прибавил ума, промолвил заплетающимся с перепугу языком:

— Господин старший советник, мне про такое бабка рассказывала. Я тогда малец был, три ночи постель мочил.

— Да вы и сейчас не больно-то осмелели, — съязвил Дерек и продолжил: — Итак. Открывайте блокноты, записывайте.

Полицейские дружно сунулись в карманы и извлекли потрепанные записные книжки с эмблемой полицейского управления. Вставший на дыбы лев с золотой секирой, неминуемое наказание преступникам, сейчас выглядел насмешкой. Упырь гонял этого льва всем на зависть. Впрочем, Дерек с удовольствием отметил, что лица стражей порядка прояснились, — возможно, они решили, что бояться все-таки следует не знамений и не упырей, а вполне конкретного человека, одетого в щегольской светло-зеленый сюртук и сидящего в кресле начальника.

Упыри-то к полиции не имеют интереса. А Дерек Тобби — вот он, рядом.

— Итак, — менторским тоном начал Дерек, — то, что ортодоксы и бабка офицера Мавгалли называют кровавым знамением, — очень редкое явление, известное со времен Античности. Как вы знаете, весь наш мир пронизывают энергетические поля, на которых строится магия и производство артефактов. Эти поля в определенном смысле живые, магия и артефакторика — создающие, творящие науки. Но помимо энергетических

существует еще и некротическое поле. И оно...

— Мертвое, — подал голос один из полицейских, такой высокий, что едва не задевал головой люстру.

Кажется, его фамилия была Краунч, и свой страх он прятал за какой-то обреченной угрюмостью.

— Совершенно верно, — похвалил Дерек, и правая сторона рта Краунча дрогнула в улыбке. — Некротическое поле действительно мертвое. Оно в буквальном смысле слова высасывает жизнь из всего, что попадает к нему на пути. Дома с привидениями, плохие места, где не растет трава и умирают животные, проклятые перекрестки, на которых постоянно кого-то убивают, — это все места его прорывов в наш мир. Прорывы как раз и сопровождаются тем, что называют кровавым знаменем. Увы, но это значит, что скоро в нашем тихом Эверфорте появится какое-то дурное место. Так что полиция переходит в режим усиленного несения службы, уделяет повышенное внимание всем жалобам граждан и готовится к постоянной серьезной работе в любое время дня и ночи.

Офицер Фирмен, маленький, похожий на растрепанного воробушка, поднял руку, словно ученик, привлекающий внимание учителя. Дерек кивнул ему, и Фирмен произнес:

— Господин старший советник, разрешите доложить. Семья второй убитой, Авелины Анхель, уехала в Дреттфорт. Их дом так и стоит пустой, заколоченный. Даже с продажи уже сняли, там никто не захотел селиться. Я сегодня шел мимо и увидел, что дом-то новехонький! Ставни открыты, на окнах белые шторы, возня какая-то слышна, словно двигают мебель. Из трубы дымок, свежим хлебом пахнет. Дай, думаю, подойду, познакомлюсь с новыми жильцами, посмотрю, что за люди да откуда. Работа есть работа. А когда поднялся на крыльцо, то меня окликнул разносчик: мол, не хотите ли, господин офицер, глинтвейна?

— И что? — поторопил Дерек: Фирмен явно был склонен к чрезвычайно подробным описаниям.

— Я повернул голову, и так получилось, что увидел дом краем глаза, — ответил Фирмен. — И заметил, что это прежняя развалюха с заколоченными окнами, и холодом от нее веет. И пахнет не хлебом, а какой-то тухлятиной, прости господи.

— Убежали? — с искренним сочувствием осведомился Дерек.

Фирмен опустил глаза и еле слышно признался:

— Убежал.

— Правильно сделали, — подбодрил его Дерек. — Мавгалли, Краунч, Фирмен — сейчас же отправляетесь к этому дому, развешиваете знаки

полицейского оцепления. И не надо так трястись! — сказал он, увидев, что господа офицеры отчетливо побледнели. — Внутрь идти не надо, а натянуть ленты — это нестрашно.

— Там прорыв этого поля, да? — предположил Гресян.

Дерек кивнул и ответил:

— Именно. Но я надеюсь, что завтра у нас появятся новые друзья и помощники.

— Мне кажется, Дерек, что ты до сих пор пьешь, как сапожник. Не держишь зарок Пресвятой Деве.

Тетушка Аврения, она же ее величество Аврения Аузен вин Габен, королева хаомийская и вингелланская, не считала нужным утруждать себя политесами и этикетом с теми, кого давно знала, и с теми, кто умудрился перед ней проштрафиться. Дерек поймал себя на мысли, что ему приятна эта прямота.

Голос королевы из магофонического аппарата звучал так, словно тетушка Аврения стояла сейчас рядом с Дерекком, скрестив руки на груди и глядя на него с укоризной. Дерек вспомнил о том, каким растерянным и недоумевающим было ее лицо, когда правительница узнала, что вот этот молодой человек, остриженный по последней моде и одетый, как с картинки из модного журнала, умеет убивать с невероятной жестокостью.

Хорошо еще, что она не знала о коллекции колдовских диковин, собранной Дерекком за годы беспорочной службы. Если бы тетушка Аврения увидела, что именно хранится в ящичке в шкафу Дерекка, у нее случилась бы истерика как минимум.

— Ваше величество, я готов поклясться на иконе, что трезв уже целую неделю и больше не собираюсь пьянствовать, — смиренно ответил Дерек. — Я сейчас говорю с вами как специалист в своей области. Надеюсь, вы не будете отрицать, что я немного знаю, с чем имею дело.

Некоторое время Аврения молчала. Стекланный глазок на деревянной отполированной крышке магофонического аппарата мигал, наливаясь зеленым огнем через равные промежутки времени, бурлящая жидкость в колбах то успокаивалась, то вновь наполнялась пузырьками, — связь была стабильной, прерываться не собиралась.

— То есть ты хочешь сказать, что в Эверфорте происходят прорывы некротического поля, — медленно промолвила королева. — И серийный убийца — это не выдумки. И его преступления во многом связаны с прорывами. Так?

— Да, ваше величество.

— И ты просишь прислать опорный отряд инквизиции и несколько артефакторов вам на помощь. Потому что силами местного отделения полиции вам не справиться. Я все правильно понимаю?

— Да, ваше величество.

Конечно, можно было бы обратиться напрямую к министру. Но Дерек понимал, что Руперт Штольц, занявший его место, скорее пришлет ведро слоновьего дерьма, чем реальную помощь. Их взаимная «любовь» была давней и крепкой, всем на зависть. Дерек меньше всего хотел идти на поклон к давнему врагу, и без этого проблем хватало. Интересно, как с ним сработался старина Игорь? Или его тоже отправили в отставку?

Тетушка Аврения вздохнула. Дерек задумался, почему в народе ей дали именно такое прозвище, милое и домашнее. Несмотря на внешнюю мягкость, Аврения была строгой дамой. С ней не забалуешь, и в стране уже начали это понимать.

— Скажи мне честно, Дерек, ты пьян? — вновь спросила она, устало вздохнув.

— Ваше величество, клянусь ранами Господними, я трезв, — твердо произнес Дерек. — И мне нужна помощь. Как минимум два артефактора с полным оборудованием и десять инквизиторов в ранге не меньше среднего советника.

На мгновение им завладело отчаяние, глубокое и беспросветное. Если Аврения откажется, придется ехать в столицу, вербовать артефакторов — хотя бы артефакторов, об инквизиторах уже и речи нет! — и тратить драгоценное время. Про деньги он уже молчит, хотя Дерек давно считал деньги чем-то незначительным.

— Хорошо, — вздохнула Аврения, и Дерек едва сдержал торжествующий возглас. Удалось, у него получилось! — Обойдемся без лишней волокиты, отряд и артефакторы придут завтра днем. Вышлю их в течение часа. Но, Дерек, если выяснится, что это твои пьяные бредни и никакой опасности нет, то даю тебе слово: ты очень сильно пожалеешь об этом. Понятно?

— Да, ваше величество. — Дерек расслабленно откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

А ведь он надеялся, что это будет обычный отдых в провинции, в красивом месте, в компании старых друзей. И чем все обернулось? Приключения всегда его находят. Пора бы уже смириться с этим.

— Тогда жди прибытия друзей, — усмехнулась Аврения. — Надеюсь, сможешь их нормально разместить?

— Разумеется, ваше величество, — ответил Дерек.

Бургомистр уже подготовил все необходимое для того, чтобы столичные гости смогли расположиться с полным комфортом, — выделил им свой второй дом неподалеку от центра. Живи да радуйся.

— Всего доброго, Дерек, — сказала Аврения и разорвала связь, не дожидаясь ответных слов прощания.

Стоило зеленому огоньку аппарата погаснуть, как в дверь постучали. Это была Аурика, и Дерек поймал себя на мысли, что рад ее видеть. В этой девушке было нечто притягательное, то, что он хотел рассмотреть получше.

— Добрый вечер, Аурика, — сказал он, стараясь, чтоб уставший голос звучал как можно мягче и сердечней. — Как прошел ваш день?

Девушка опустила на диван и сообщила:

— Ходила на прогулку с доктором Верноном.

Дерек ожидал такого ответа, но все равно оказался к нему не готов. По большому счету он ничего не имел против Августа Вернона. Все могут ошибаться, а доктор искупил свои ошибки кровью и мясом с собственной спины. Но вот то, что он крутился возле Аурики, замышляя несомненную гадость в адрес девушки, Дереку не нравилось. Он почти сразу же вспомнил, что сам велел Аурике подружиться с доктором. Вспомнил и отчего-то разозлился.

— И как поживает доктор Вернон? — поинтересовался Дерек.

Аурика улыбнулась и ответила:

— Я бы сказала, что неплохо. И погуляли мы тоже хорошо, смотрели ледяные скульптуры, потом зашли в ресторанчик пообедать.

— Прямо романтическая прогулка, — несколько язвительно прокомментировал Дерек.

Аурика кивнула, и по ее лицу пробежала тень, будто слова Дерек задела ее.

— Да, мне тоже так показалось. Он немного рассказал о Левенфосском мятеже, о том, как приехал в Эверфорт, — подумав, Аурика добавила: — Он сегодня был более открыт и расположен ко мне, чем раньше.

— Значит, скоро начнет вам доверять, — выдавил Дерек.

Дьявол побери, ну почему ему так неприятен этот разговор о докторе, и то, что Аурика выходила сегодня из дому, и то, что она, в конце концов, просто старательно выполняет его задание! Сейчас в ней было что-то, напоминавшее Веру. Должно быть, причина его раздражения заключалась именно в этом.

Некоторое время Аурика молчала, а потом спросила:

— А вы, Дерек? Как прошел ваш день?

Он вдруг поймал себя на удивленной мысли, что у него никогда не

спрашивали, как прошел его день, и понадобилось дожить до середины земной жизни, чтоб наконец-то услышать такие простые, почти семейные слова. У него ведь не было семьи. Осиротев в три года, он не помнил родителей, а короткий брак с Верой не в счет. Ей по большому счету было наплевать, что у Дерека и как.

— Он начался с того, что ортодоксы осадили полицейский участок, ограбили офицера Гресяна и хотели вас у меня выкупить, — сообщил Дерек, и Аурика возмущенно ахнула. — За говорящую с мертвыми предлагали две меры золота, три меры серебра и двух невинных девушек, чтоб я не скучал. Очень настаивали, буквально в руки совали.

Аурика повела себя так, как и полагается настоящей леди, оскорбленной до глубины души: выпрямила спину, одарила Дерека холодным взглядом и спокойно произнесла:

— Щедрое предложение. Почему вы не согласились?

— Потому что я не торгую друзьями, — ответил Дерек так же спокойно.

Аурика вопросительно подняла бровь.

— А мы друзья?

— Человек, с которым я сплю, мне друг, — признался Дерек. — Не знаю, как вам, а мне — вот так.

Аурика шмыгнула носом, и напускной холод исчез: вместо чопорной леди на диване снова сидела милая девушка. Она расслабилась, расцепила сжатые в замок на колене пальцы и спросила:

— Правда?

— Правда, — кивнул Дерек. — Не надо ждать от меня гадостей, их все равно не будет.

Интересно, что ей наговорил доктор Вернон, раз Аурика сейчас выглядит так, словно идет к тигру в клетку? Сегодня с утра она была другой. Или просто стыдится своих давешних слез, слабости и незащитности? Кто их поймет, этих женщин. С ними сам дьявол не разберется, а уж он-то мастер решать головоломки...

— Это хорошо, — вздохнула Аурика. — А что было потом? Ну, с ортодоксами?

— Оказывается, они стали свидетелями прорыва некротического поля, — ответил Дерек, готовясь объяснить, что это за поле и почему от него надо бежать подальше. Не пришлось: начитанная Аурика понимающе кивнула. — Я смог их убедить в том, что все будет в порядке. Но самое главное, я смог убедить тетушку Аврению в том, что нам нужна помощь. Завтра в Эверфорт приедут опорный отряд инквизиции и артефакторы.

Аурика прикрыла глаза, словно с ее плеч свалилась невероятная тяжесть. Дерек с запоздалым сожалением подумал, что ей страшно, очень страшно. Она прячет этот страх, старается не обращать на него внимания, но он все равно выходит наружу.

— Прекрасные новости! — воскликнула она и улыбнулась искренне и открыто.

Улыбка придала ее лицу тихое глубокое очарование. Дерек тоже улыбнулся ей, и в этот момент в гостиной пробили часы.

— Девять вечера, — промолвил он. — Пора спать.

Разговор о мертвецах невольно продолжился и после того, как они легли в постель и Аурика взяла очередную книгу, на этот раз — «Легенды и мифы Древней Хаомы».

— Неожиданный выбор, — удивился Дерек. — Я привык, что вы читаете научные труды.

Собственно, и книги по естествознанию, и мифология в обработке Вернтмейера, того еще ученого сухаря, были неожиданным выбором для юной барышни.

— Сама не знаю, почему ее взяла, — сказала Аурика и тотчас же поправилась: — Хотя нет, знаю. Видела на набережной ледяную скульптуру в виде черепа, который освещал девушке путь через лес.

Дерек помнил эту легенду. Жуткая история, надо сказать, не для девичьих ушей. Конечно, ее знают в обработке, после которой из текста убрали все, что пробирает до костей.

— Самопожертвование, — произнес Дерек, вытягиваясь под одеялом. Один из шрамов заныл, и он машинально дотронулся до груди. — Высший подвиг, который приближает нас к Богу.

Он прекрасно понимал такие поступки. И пожертвовал бы собой, если бы Вере понадобилась помощь. Вот только Вера никогда бы этой помощи не приняла, она была слишком горда и упряма. Ну и плевать хотела на бывшего мужа, конечно.

— Как страшно, — негромко промолвила Аурика.

Едва речь заходит о страшных историях, как люди начинают говорить тише. С любовью дело обстоит точно так же. Не хотят спугнуть нечто трепетное, невесомое или боятся, что привлекут ненужное внимание.

— Бояться надо людей, — вздохнул Дерек и добавил, возможно, излишне резко и напористо: — Упырем руководит не какая-то там потусторонняя сила, а человек со своими целями и желаниями. Тем он и страшен, что из плоти и крови. Такой же, как мы.

Аурика понимающе посмотрела на него.

— Вам ведь многое пришлось повидать, — сказала она. — Вы знаете, о чем говорите.

Дерек подумал, что если бы она узнала о том, что именно хранится в его шкафу, то не сомневалась бы: он в курсе. Он действительно в курсе того, как на свете вершится зло и что с этим злом следует делать.

— Лучше возьмитесь за естествознание, — посоветовал он. — Не стоит лишний раз себя накручивать.

Аурика хмуро посмотрела на него, словно не могла поверить в то, что слышит.

— Это первый раз, когда мне советуют взять книгу поумнее, — удивленно призналась она. — Матушка всегда говорила: «Не умничай, возьми вон тот роман. Там про любовь и на обложке принц».

Дерек представил, как Аурика читает о любовных похождениях какой-нибудь венценосной особы, непременно полюбившей служанку или торговку репой, и скептически хмыкнул. Да, пожалуй, ее матушка была не великого ума дамой. Как и полагается в порядочной семье.

Родители Веры были такими же. Он и сам не знал, почему снова и снова возвращается мыслями в прошлое и почему именно сегодня. Эдалинд, девушка, которая работала на месте Аурики раньше, предложила бы ему простое средство, чтоб развеять скуку, — свое тело в неограниченное пользование. Но Дерек давно убедился, что все это не помогает. Все это попросту глупо.

— Так и должно быть, — нравоучительно сказал он. — Девицам полагается читать любовные романы, а не рассматривать человеческие внутренности на картинках.

На щеках Аурики появился румянец. Дерек невольно отметил, что смущение сделало девушку очень милой. Нежная и юная, она должна была бы выйти замуж за какого-нибудь соседского помещика, оболтуса двухметрового роста и с двумя извилинами в голове, — рожала бы детей, гоняла служанок, сплетничала с такими же кумушками и ни разу не попыталась бы думать. Но так уже не случится. Не судьба. Так они и станут спать в одной постели, и Аурика будет отгонять кошмары своего работодателя, пока они оба не состарятся.

Дерек почему-то снова почувствовал раздражение. Подумал, что ведет себя как дурак набитый и разозлился.

— Что делать, если мне интересно именно это, — задумчиво сказала Аурика, не глядя на Дерека. — Вы знаете, я бы хотела стать медиком... Но это невозможно. Женщин-медиков не бывает.

Она нахмурилась, и Дереку вдруг показалось, что она тоже злится на

себя.

— Не думайте, что несете чушь, — миролюбиво сказал он, и Аурика изумленно покосилась в его сторону, будто он прочел ее мысли. — Если бы вы знали, насколько оно хорошее, это ваше желание, то никогда не думали бы, что говорите глупости.

— Не смейтесь надо мной, — серьезно попросила Аурика.

Да, с точки зрения общепринятой морали это как раз Дерек говорил глупости. Ему никак не следовало одобрять такие несуразные нелепицы. Девушка из порядочной, приличной семьи даже и думать не должна о том, чтоб стать медикусом, это исключительно мужская работа. А Дереку нравилось желание Аурики, и он не считал его зазорным или порочным.

— Я похож на того, кто часто смеется? — поинтересовался он.

Аурика пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она, и это прозвучало очень честно. Почти сразу же Аурика спросила, желая сменить тему: — А вам какие книги нравятся?

— Я почти не читаю для развлечения, — признался Дерек, заложив руки за голову. — В основном люблю угрюмые научные труды, но это вы и так уже заметили.

Во взгляде Аурики мелькнуло что-то странное. Ей словно бы хотелось поговорить еще — и одновременно она очень боялась этого. Пауза невольно затягивалась. «Чем глубже личные отношения с работодателем, тем хуже пойдет работа», — напомнил себе Дерек очередную прописную истину и произнес:

— Доброй ночи, Аурика. Закричу — потряхните за плечо.

Аурика вздохнула с облегчением. Дереку почему-то хотелось верить, что ему просто показалось.

Вера никогда ему не снилась. Если в первые недели после разлуки Дерек почти все время думал о ней, то и дело возвращаясь в воспоминаниях к бывшей жене, то сон давал ему временное облегчение. После их расставания прошло несколько месяцев, теплая осень сменилась студеной зимой, и за это время Дерек услышал про бывшую жену всего один раз: в «Хаомийском времени» была крошечная заметка о браке Веры Анхельм и Дамьена Эшвуда. Собственно, после этой заметки Дерек и пустился в загул, окончательно утратив все надежды на возвращение Веры и убедившись, что в семейных и любовных отношениях оказался полным идиотом.

Вера... Красивая дерзкая авантюристка, единственная хаомийская

сыщица, которой поручали самые сложные и безнадежные дела. Отважная до одури, способная забраться к дьяволу в пасть, если понадобится. Ее нельзя было не любить, вот Дерек и полюбил — просто рухнул в это чувство, прекрасно понимая, что оно будет безответным: Вера любила другого человека. Любила с такой же обжигающей искренностью, как Дерек — ее.

Почему бы и нет, в конце концов? Он был убийцей и извергом, но хотел того же, чего хотят все: счастья с любимым человеком. Только вот судьба решила, что это слишком серьезное желание и Вангейнский палач недостойн того, чтоб оно исполнилось.

Кто мы такие, чтобы спорить с судьбой? Дерек и не спорил. Он скомкал газету и вышвырнул в окно, а потом просто пил, не слишком разбираясь, что перед ним — дорогое вино или сивуха, и проводил время с женщинами, так же не разбираясь, кто это — дворянка или уличная девка. Он надеялся, что станет легче. Не стало.

Этот сон начался так же, как и все его сны. Сперва была тьма, сквозь которую постепенно пробилась неверные лучики света, и Дерек увидел, что стоит в особняке Мейерна перед огромным зеркалом. Потом пришло понимание: Вангейнский мятеж подавлен, все в этом здании мертвы.

Он знал, что будет дальше. Наяву, оказавшись в этом зале, Дерек услышал какой-то шорох за спиной. Нападения не последовало. Это были дети Мейерна, которые слышали предсмертные вопли сторонников папаша и попытались спрятаться от убийцы. Рыжий болван был настолько уверен в победе, что даже не вывез их из особняка. Но во сне тоненькая девочка-подросток и вихрастый мальчишка не появлялись.

С лезвий сабель капала кровь. Дерек смотрел на свое отражение и понимал, что это — дом, полный мертвецов, мрачная комната с зеркалом, окровавленное оружие, которое, казалось, приросло к рукам, — будет с ним навсегда. И в этот момент ткань сна вдруг натянулась и разорвалась, изменив привычное развитие событий: он услышал знакомые шаги.

Дерек обернулся. Скрипнула дверь, и в комнату вошла Вера. За время, прошедшее с их разлуки, она несколько не изменилась, разве что каштановые волосы слегка посветлели — должно быть, выгорели на солнце. Хотя какое может быть солнце в Хаоме осенью и зимой? Только дожди и туманы, а потом снег...

— Привет, — улыбнулась Вера. — А что ты здесь делаешь?

Дерек растерянно посмотрел на сабли в руках, словно впервые увидел собственное оружие. Осторожно, так, чтоб не звякнули, опустил их на пол и ответил:

— Работаю. Я работаю, Вера. Выполняю приказ его величества Пауля.

— Пауль ведь умер, — напомнила Вера, и Дерек ошеломленно понял, что так оно и есть. Короля, отдававшего ему приказы, больше нет. — Убит собственным сыном. Впрочем, и сыновья его тоже умерли. Все кончено.

— А мы живы, — негромко откликнулся Дерек и почти испуганно спросил: — Вера, как ты сюда попала?

Вера посмотрела ему в лицо, и на ее губах появилась смущенная, какая-то детская улыбка. Как у Аурики — имя всплыло из памяти, но Дерек сейчас не знал, кто такая эта Аурика. Не знал и знать не хотел. Вера наконец-то была рядом, пусть во сне, но рядом.

— Ничего особенного, я просто вошла через черный ход, — ответила Вера.

Подойдя к Дереку вплотную, она дотронулась до его щеки кончиками пальцев, стирая мазок чужой крови, и это невесомое прикосновение было как удар — резкий, выбивающий дух. Дерек сжал узкое девичье запястье, и оно никуда не исчезло, Вера была живым человеком, Вера снова была с ним.

— Ты вернулась, да? — спросил он, смутно подозревая, что у него сейчас до невозможности дурацкий вид.

Что поделать, в любви даже самые умные люди иногда оказываются полными идиотами. Вера улыбнулась и посмотрела на него так, что Дерек поверил всем сердцем: она действительно вернулась, она с ним, все хорошо.

— Да, — просто ответила она. — Я вернулась.

Все было, как раньше. Губы ее были мягкими и теплыми, и поцелуй оказался живым, настоящим и искренним. Дерек сжал Веру в объятиях, еще успел удивиться тому, что она оказалась такой напряженной, почти окаменевшей, а потом над головой загрохотал гром, и лицо обожгло.

Дерек, которого вытряхнуло в реальность, не сразу понял, что происходит, кто эта девушка в его руках и почему она зажмурилась словно в ожидании удара. Потом он окончательно пришел в себя, узнал Аурику, понял, что она только что залепила ему пощечину, и растерянно спросил:

— Что случилось?

Она шмыгнула носом, и из-под острых черных ресниц выкатилась слеза. Пробежала по щеке, сорвалась на кружево сорочки.

— Отпустите меня, — прошептала Аурика. — Бога ради, отпустите меня.

Дерек выпустил ее, сел на кровати. Да, выражение «сгорать со стыда» было не простой метафорой.

— Что я сделал? — спросил он.

Аурика смахнула слезу и села к нему спиной.

— Вы меня поцеловали, — ответила она. — Ну, то есть сперва вскрикнули, как всегда, я потрясла вас за плечо, а вы... в общем, поцеловали меня.

Дьявольщина, какая досада... Не могла Вера ему присниться, никак не могла. Она была счастлива с новым мужем, и, по-хорошему, о ней следовало забыть, выкинуть из головы, чтоб не пугать порядочную девушку, которая делает свою работу лучше всех, кого он нанимал раньше.

— Мне приснилась жена, — глухо сказал Дерек. Тотчас же поправился: — Бывшая жена. Я, должно быть, подумал, что вы — это она. Простите, Аурика, я виноват перед вами. Я сожалею.

Девушка всхлипнула и промолвила:

— Я знала, что именно к этому все идет. Я знала.

— Нет, — твердо откликнулся Дерек. — Нет, ничего подобного. — Аурика снова всхлипнула, и он торопливо добавил: — Я не беру женщин ни силой, ни обманом. Пожалуйста, поверьте мне. Думаю, вы успели убедиться в том, что мне можно верить.

Фраза прозвучала невероятно двусмысленно. Некоторое время Аурика молчала, а потом ответила:

— Да, Дерек, я вам верю.

С этими словами она поднялась с кровати и быстрым шагом направилась в сторону кресла. Решительно накинув халат, подошла к шкафу и вооружилась тростью Дерека, затем угрюмо села, скрестила руки на груди и заявила:

— Буду нести вахту здесь. Если что — толкну.

И Аурика продемонстрировала трость в знак серьезности своих намерений. Сцена выглядела почти водевильной: бывшего министра инквизиции, страх и ужас всея Хаомы, будут пинать тростью. И кто? Не враг, не политический противник, не какая-нибудь отчаянная злонамеренная ведьма, а наемная работница, девушка восемнадцати лет от роду.

— Бога ради, лишь бы вам было спокойно. — Дерек пожал плечами, опустил обратно на кровать и произнес: — Я надеюсь, вы все-таки простите меня. Этого больше не повторится.

Аурика одарила его таким взглядом, что впору было сгореть или провалиться отсюда прямо в подвал, но ответила только:

— Доброй ночи.

Парадная зимняя форма инквизиции очень красива: алый плащ с меховым воротником, черный мундир с золотыми застёжками, а если вдобавок все это надето на статного мужчину, то пишите пропало, пришла гибель для барышень. Неудивительно, что дюжина крепких ребят, пришедшая к отделению полиции, произвела в городе фурор. Дамы и девицы строили глазки, едва не выпадая из окон, отчаянно кокетничали и, отринув скромность, зазывали в гости на глинтвейн и «кое-что погорячее». В такую гадкую погоду обязательно надо согреться — а кто согреет лучше юной и на все готовой красавицы? Артефакторы в простеньких серых пальтишках не пользовались таким успехом, угрюмо тащили свои рюкзаки и ящики и, судя по их печальным лицам, особенно остро чувствовали неравенство с коллегами. Ведь вроде бы работают в одном ведомстве, но кому-то везет больше, а кому-то совсем не везет...

Командиром особого отряда был Маркус Хелленберт, и Дерек, увидев его высоченную фигуру, лихо сдвинутую набок шапку и дерзко подкрученные усы, мысленно пообещал, что сегодня же отправится в собор и поставит пудовую свечку святой Марфе, покровительнице неудачников. Сам Хелленберт! Лихой, наглый и бесстрашный, не боявшийся ни бога, ни дьявола, готовый на любую авантюру — лучшего выбора и представить было нельзя.

— Спасибо, тетушка Аврения, — произнес Дерек с таким глубоким чувством, что Гресян, который таращился из окна на пришедшую подмогу, посмотрел на шефа с искренним изумлением: должно быть, не ожидал от начальства настолько пылких эмоций и проникновенного тона.

— Дружище! — заорал Маркус, как только инквизиторы вошли в здание полиции и он увидел Дерека.

От этого вопля эхо загуляло по всему участку, а с потолка посыпались пыль и штукатурка. Кто-то из полицейских вздрогнул от неожиданности и от души выругался. В следующий миг Дерек перестал дышать: его оторвали от пола и заключили в такие крепкие объятия, что еще немного — и надо было бы звать медикуса, чтобы залечить трещины в ребрах. Но Маркус, при всей своей эмоциональности, знал меру, приятеля не покалечил и, поставив обратно, сообщил:

— Ну что, друг мой, вот тебе дюжина ребят, как и заказано. Половина из них редкостные трусы, шарахаются от своей тени, вторая половина — верные слуги пивного бочонка, но ведь есть я! И упырям лучше спрятаться подальше!

Дерек окинул взглядом присланный отряд и мрачно убедился в том, что Маркус прав. Инквизиторы держались уверенно, но, судя по бегающим

глазам и опухлости физиономий, прикидывали две вещи: как напиться получше и как побыстрее удрать куда-нибудь подальше от упырей.

Ладно, и на том спасибо. Сразу было ясно, что тетушка Аврения подойдет к вопросу по принципу: «Отвали, Дерек».

— Как тут обстоят дела с дамами? — поинтересовался Маркус по пути в зал заседаний. Дерек решил сперва обрисовать коллегам ситуацию, а уже потом заняться их обустройством. — Я имею в виду — с красивыми, а не с теми, которых мы уже видели.

— Самую красивую я забрал себе, — ответил Дерек. Маркус был в своем репертуаре: громить зло, не отрываясь от пива и барышень. Что самое интересное, у него это прекрасно получалось. — Но вообще северянки впечатляют. Прямо скажем, не бревна и не рыбины.

Дерек общался с северянками в интимном плане очень давно, еще в юности, но полагал, что все осталось по-прежнему. Маркус и ребята будут довольны.

— Вот это мне по душе, — улыбнулся Маркус. — Значит, мерзнуть не придется.

Тетушка Аврения не подвела: артефакторы были оснащены по последнему слову науки, и, разглядывая содержимое их сундуков, Дерек мысленно бранил местную полицию так, что офицер Краунч, который скромно сидел с коллегами в уголке, начал чесаться, словно почувствовал на своей шкуре все то, что поминал Дерек.

Идиоты тупоголовые. Полиция не должна трястись от страха перед монстром, протирая колени в церкви и молясь всем святым. Полиция должна вести расследование по протоколу, и если бы после первого убийства был отправлен официальный запрос в инквизицию, то, возможно, остальных смертей удалось бы избежать. Приехал бы какой-нибудь Маркус и разобрался бы с хозяином упырей, не доводя дело до массовых убийств. Кретины, дерьмом набитые.

Впрочем, после того как Дерек изложил ситуацию в городе, выражение лиц инквизиторов ничем не отличалось от физиономий стражей порядка. Бывший министр мог их понять. Одно дело — гулять по столице, перемигиваясь с дамами и девицами, сидеть в чистеньком кабинете и ставить на учет колдунов и студентов факультета артефакторики, и совсем другое — столкнуться со злом в каком-то медвежьем углу. Говорят, именно в медвежьих углах оно особенно сильное, просто так не совладаешь. Один Маркус сохранял полное спокойствие. Когда Дерек закончил свой рассказ, командир инквизиторского отряда покосился на часы, которые уже пробили четыре, и произнес:

— Ну что, цели определены, задачи поставлены. Не нам бояться каких-то упырей и того, кто ими командует. Так, ребята?

— Так! — дружно пробасили его подчиненные.

— А раз так, тогда идем обустроиваться, а завтра с утра отправляемся на осмотр мест преступлений и патрулирование города. — Маркус широко улыбнулся и добавил: — А сегодня вечером давайте осмотрим, как тут обстоят дела с выпить и закусить.

Дерек подумал, что именно за это и любит Маркуса.

После того как все разошлись, в кабинет заглянул мальчишка-письмоносец и протянул Дереку записку. Развернув листок бумаги, Дерек вчитался в ровные буквы с легким наклоном вправо и понял, что неприятности только начинаются.

«Господин Тобби! — писала Аурика. — Я еще раз обдумала нашу с вами рабочую ситуацию и поняла, что больше не могу быть вашей ассистенткой. Сегодня я уезжаю из Эверфорта в Ханум, там требуется библиотекарь. Спасибо вам за вашу доброту и дружескую поддержку. Я искренне желаю вам счастья во всем. Прощайте. А. в. С.»

Дерек с трудом подавил в себе желание схватиться за голову.

— Дура, — еле слышно промолвил он. — Господи, прости меня, ну какая же дура!

Ему захотелось стукнуть кулаком обо что-то твердое, да посильнее. Но Дерек просто сунул записку в карман сюртука и пошел за пальто.

Никаких библиотек в Хануме сроду не было, в этом городишке и книг-то не читали. Аурика надеялась таким наивным образом сбить со следа погоню. «Дура, дура!» — повторял Дерек, копаясь в сундуках артефакторов в поисках одной очень полезной вещи.

Куда она подалась? Одна, зимой, почти без денег...

Он вдруг поймал себя на мысли о том, что вполне понимает, почему Аурика подалась в бега. В городе бродит упырь, а его невидимый хозяин плетет свои замыслы, как паук — паутину. С Аурикой говорят мертвые, и если раньше она старалась сохранять себя в прежних рамках, то теперь ее талант волей-неволей начинает развиваться, и это ее страшит не меньше упыря. Вдобавок ее работодатель начал распускать руки. Приснилось ему, ага. Раздевайся да ложись, а утром скажет, что не было ничего, бывшая жена приснилась. По старой привычке исполнил супружеский долг, не приходя в себя. Хорош работодатель, ничего не скажешь. Лучше держаться подальше от всего этого.

Артефакт под названием «Разрывник» выглядел, как большая серебряная монета. Дерек взвесил его на ладони: мощная штука и хорошо

заряжена. Если бросить ее под ноги, то откроется разрыв в пространстве, и тогда можно шагнуть в него и оказаться рядом с тем, с кем нужно.

Ему хотелось верить, что он успеет. Что ничего непоправимого не произошло.

— Аурика вин Селлан, — вздохнув, произнес Дерек и швырнул монету на пол.

Глава 5

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Когда пассажирский дилижанс покинул Эверфорт и устремился на юг, Аурика вздохнула с облегчением. Вчера утром Дерек оставил ей денег — на всякий случай, так он выразился, — и этого вполне хватило на то, чтоб купить билет и начать новую жизнь на новом месте.

Ей в самом деле стало легче дышать. Аурика с трудом представляла, чем будет заниматься в Таммербро, одном из самых крупных городов Хаомы, но ее уверенность в том, что все будет в порядке, крепла с каждой новой милей. Подальше от медведей-оборотней и мертвых девушек, подальше от вампиров и бунтарей! Она сможет устроиться секретарем или гувернанткой, пойдет мыть посуду в ресторане или станет сидеть за стойкой регистратора в гостинице. Справится, не пропадет.

«И буду подальше от Дерека Тобби», — закончила Аурика. Сейчас это казалось самым главным.

Минувшей ночью все было спокойно — поначалу. Дерек устроился под одеялом, уткнулся лицом в подушку и заснул, Аурика коротала время за очередным научно-популярным исследованием, часы сперва пробили полночь, потом час ночи, и кошмары, судя по всему, оставили Дерека в покое. Аурика заметила, что на бледном лице ее работодателя даже улыбка появилась, — значит, все хорошо. Если так пойдет и дальше, скоро они расстанутся.

Аурика и сама не поняла, как так вышло, что книга улетела на пол, а ее саму просто-напросто сгребли в объятия — поцелуй был в точности таким, как его описывали в книгах, нежным и обжигающим. Вот только он был неправильным. Его не должно было случиться... Этот поцелуй до сих пор горел у нее на губах. Словно печать поставили.

В дилижансе, кроме нее, было еще два пассажира: седой старик-адвокат и его помощник. При посадке они обменялись с Аурикой приветствиями и с тех пор сохраняли важное молчание. Это вполне устраивало ее, она не любила дорожных разговоров и спокойно погрузилась в созерцание пейзажа за окном. Мимо пролетали мрачные еловые леса и сонные деревушки, оставались позади поля и застывшие озера, и Аурика подумала, что приняла правильное решение.

Вдалеке мелькнула белая струйка ледяного пара. Очередная марьва

проплыла над землей, взвилась вверх, выше деревьев и рухнула в снег. Аурика отвернулась и стала с преувеличенным вниманием рассматривать собственные перчатки.

Дорога казалась спокойной и предсказуемой — так, во всяком случае, следовало из расписания в сопроводительном листе, который прилагался к билету. В семь вечера дилижанс останавливался в поселке Бриуотер, чтобы пассажиры могли поужинать и отдохнуть, а затем в десять вечера отправлялся в ночной путь, чтоб ранним утром прибыть в Таммербро. Но когда снежная дорога ворвалась в еловый лес — темный, полный каких-то тревожных звуков, Аурика испуганно убрала листок и впервые подумала, что все-таки поступила глупо.

Ей следовало написать правду о том, куда она едет. Не думать о том, как сбить со следа возможную погоню, а просто написать правду.

— Не стоит так волноваться, барышня, — подал голос адвокат, должно быть заметивший, что попутчица побледнела. — Эта дорога — одна из самых спокойных в Хаоме. — Так пишут в «Хаомийском зеркале», а эта газета врать не станет.

Аурика могла бы с ним поспорить. Лес теперь казался ненастоящим — грубо намалеванной декорацией, ловушкой, которую установили неведомые пугающие существа. Вот среди стволов мелькнула какая-то тень, вот через дорогу перебежал кто-то неразличимый, а потом где-то совсем рядом завизжали так, что Аурика вцепилась в скамью и зажмурилась.

— Рысь, — со знанием дела заметил помощник адвоката. — Здесь их полно, как раз зимний гон начинается.

Больше он ничего не сказал: все буквально завертелось в водовороте событий.

Дилижанс затормозил настолько резко, что Аурика слетела со скамьи и уткнулась носом в серебряную пуговицу на пальто молодого человека. Лицо пронзило болью. Захрипели кони, дилижанс дернуло сперва в одну сторону, потом в другую, и она услышала какие-то хлопки.

Открылась дверь, в салон ворвался свежий морозный воздух, и снова слышались хлопки. На голову Аурики плеснуло чем-то горячим, красным, пахнущим медью.

Приподняв голову, Аурика с какой-то ленивой отстраненностью поняла три вещи: адвокат убит выстрелом в грудь на белом шарфе старика расцвела уродливая красная роза с черной бахромой по краям, его помощнику разворотило все лицо таким же выстрелом, и сейчас голова Аурики была в его крови. Все произошло в считанные секунды.

В ушах шумело. «Я все-таки зря уехала из Эверфорта, — обреченно подумала Аурика. — Какая же я дура...»

А в следующий миг ее уже выволокли из дилижанса и швырнули в сугроб на обочине. Несколько невероятно долгих минут она не могла поверить в то, что это не сон, что все происходит на самом деле. Трое верзил обшаривали почтовый сундук в поисках денег, еще один рылся в вещах адвоката и его помощника, бессовестно выворачивая содержимое саквояжей и карманов мертвецов. Кучер и его сменщик были мертвы, их тела валялись в снегу и казались какими-то ненастоящими, неправильными. Словно кто-то выбросил сломанных кукол.

Аурика читала о жестоких ограблениях почтовых дилижансов, но ведь этого не могло быть. С ней не могло такого случиться.

«Могло, — подумала она. — Могло и случилось».

— Баба, — хищно заметил один из нападавших и сплюнул в снег. — Братишки, я первый буду.

Его товарищ, который теперь шарил по карманам убитого кучера, ухмыльнулся и посмотрел на Аурику так, что она застыла на месте. Секунду назад ей хотелось сбежать, по крайней мере, попытаться это сделать, но теперь Аурику буквально парализовало от ужаса. «Беги, беги, беги!» — стучало в ушах, голос мертвой Эммы захлебывался в панике, но Аурика сейчас не могла даже пошевелиться, не то что бежать. Да и далеко ли она убежит по сугробам?

— Жирно будет, — ответил бандит, вышедший из дилижанса с саквояжем адвоката, и передразнил: — «Я пе-э-эрвый!» Приведем ее на место, а там жребий кинем. Кто, когда и сколько раз.

Черноволосый, смуглый, с какими-то необычно длинными руками, он был больше похож на демона, чем на человека. Опустив саквояж на землю, он рывком выдернул Аурику из сугроба, поставил на ноги и, запустив руку под расстегнувшуюся шубку, нашарил грудь. Ненависть, ужас и отчаяние стали настолько глубокими и пронзительными, что придали Аурике сил, — настолько, что она хлестнула бандита по лицу и рванулась в сторону.

Сбежать не удалось. Ответный удар был таким, что Аурика не удержалась на ногах и свалилась на дорогу, захлебываясь слезами и беззвучным криком. Бандит хотел было ударить еще раз, но тут один из товарищей окликнул его:

— Эй, Пит! Не порти потеху! Криворылых баб и в поселке много.

— Строптивая, — добавил другой. — Мне такие нравятся.

— У нее сиськи меньше, чем у меня, — разочарованно произнес Пит. — И сухая небось, как доска.

Ему что-то ответили, но Аурика не расслышала слов: лесную дорогу затопил ослепляющий белый свет, который сопровождался настолько омерзительным резким звуком, что заложило уши. Постепенно сияние стало угасать, обретая плоть и цвет, складываясь в знакомый силуэт, изящную фигуру человека, которого здесь просто не могло быть.

Аурика никогда прежде не видела танец ассасинов, только читала о нем в учебнике истории, и теперь, словно зачарованная могущественным заклинанием, смотрела, как движется Дерек, — легко, непринужденно, словно балерина, что едва касается сцены, взлетая над ней, как лепесток, подхваченный ветром. Кажется, он не был вооружен, но вот первый бандит медленно падает в снег, растерянно держась за живот в напрасной попытке удержать выпадающие петли внутренностей. Вот второй хватается за горло, силясь зажать рану и понимая, что все его попытки напрасны, вот третий...

Это было похоже на страшный мучительный сон. И всего страшнее в нем было то, что все происходило на самом деле. Аурика слышала хрипы умирающих, где-то высоко на деревьях гортанно каркали вороны, созывая приятелей на пир, и запах крови и смерти был таким, что становилось трудно дышать. Потом сознание милостиво помутилось — запахи и звуки словно бы отодвинулись, и Аурика наконец-то смогла сделать вдох.

Самым удивительным было то, что она до сих пор держалась на ногах и не падала в снег.

Аурика опомнилась только тогда, когда Дерек перетащил ее за дилижанс, так, чтоб она не видела поля битвы и окровавленного снега. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, и Аурика чувствовала тяжелый, выворачивающий наизнанку запах, идущий от Дерека: запах крови, смерти и власти.

— Дура, — прошептал Дерек. — Господи, Аурика, ну какая же ты дура.

— Дура, — всхлипнула Аурика, почти захлебываясь в горькой волне стыда.

Дерек погладил ее по щеке, провел тяжелой ладонью по волосам, и эти мягкие заботливые прикосновения были такими, что Аурике хотелось закричать. Он словно пытался убедиться, что с ней все в порядке. Что ей не успели причинить вреда.

— Больно? — хрипло вымолвил Дерек. — Они что-то успели сделать?

— Нет, — ответила Аурика таким же хриплым шепотом.

Дерек прижал ее к себе и несколько минут просто стоял так, словно боялся выпустить.

— Я знаю, что я урод, — наконец произнес он. — И душой, и телом. Но неужели я настолько тебе противен, что ты решила сбежать вот так? Сказала бы честно, я отвез бы тебя...

— Нет, — едва слышно выдохнула Аурика. — Не говори так, пожалуйста, ты не урод, я не знаю, что на меня нашло...

Вымолвив все это на одном дыхании, Аурика вдруг поняла, что ее побег из Эверфорта действительно был каким-то странным порывом. Дерек тоже понял это — отстранив Аурику, он полез в карман пальто и негнуцимися пальцами вытянул круглое увеличительное стекло на цепочке. Аурика читала о таком: это был артефакт полиции, с его помощью определяли, к кому относится пострадавший или подозреваемый — к колдунам или обычным людям.

— Не шевелись, — приказал Дерек и, прижав стекло ко лбу Аурики, проговорил: — Дьявольщина... На тебя оказано магическое воздействие.

— Какое воздействие? — промолвила Аурика. — Почему?

Дерек убрал стекло обратно в карман и вытащил большую серебряную монету.

— Это сродни гипнозу, — устало ответил он, задумчиво взвесив монету на ладони. Значки на ее поверхности на мгновение налились холодным бело-голубым свечением и угасли. — Тебе внушили, что надо бежать из города. Как можно быстрее, ни о чем не думая и не сопротивляясь этому порыву. Я, разумеется, кинулся за тобой. Это хозяин упыря, сегодня он хочет нанести удар.

Взяв Аурику за руку, Дерек вложил монету в ее безвольно раскрывшуюся ладонь и сказал:

— Это артефакт, который перебросит тебя в Эверфорт. Представь офицера Эдварда Гресяна и назови его имя. Когда вы встретитесь, скажи, что я приказываю экстренно мобилизовать все силы полиции и инквизиции, — возможен прорыв некротического поля и очередные убийства.

Аурика смотрела ему в глаза так, что Дерек осекся и спросил:

— Что?

— Я тебя не оставлю, — уверенно ответила она.

Дерек нахмурился и таким тоном, словно говорил с ребенком, пояснил:

— Этот артефакт не перенесет нас обоих. Вес слишком велик. Аурика, пожалуйста.

— Нет, — упрямо повторила она.

Сейчас Аурика не знала, что именно движет ею: чужая воля или

собственное желание остаться с тем, кто ее спас, зато точно знала, что никуда не пойдет без Дерек.

— Упрямая девчонка, — покачал головой он и, бросив монету под ноги, отчетливо произнес: — Маркус Хелленберт.

Сперва ничего не происходило, но потом от монеты стал подниматься легкий серый дымок, и Аурика услышала далекий голос:

— Не переходите! Слышите? Ни в коем случае не переходите... — Голос утонул в шипении и шорохе, а потом вынырнул снова: — Это опасно!

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая лишь испуганным всхрапыванием лошадей, — даже вороны на мгновение умолкли. Затем шипение и шорох исчезли, и Аурика услышала:

— Вы поняли? Не активируйте переход, кто бы вы ни были.

Мужской голос был важным и серьезным. Дерек усмехнулся, словно его что-то обрадовало, и произнес:

— Маркус, дружище, это я. Почему опасно?

— Дерек, старина! — обрадовался невидимый Маркус, и голос снова накрыло шипением. — Ты куда пропал-то?

— Я преследую нашего труповода, — ответил Дерек, — и сейчас примерно в районе Бриуотера. Маркус, послушай, нужно объявить полную боевую готовность всех сил полиции и инквизиции. Возможны огромный прорыв некротического поля и новые убийства. Свяжись с бургомистром Говардом, пусть объявит комендантский час. Всем сидеть по домам и глаз не спускать с невинных дев.

— Хорошо, сделаем, — согласился Маркус. Теперь его голос звучал настолько отчетливо, словно он стоял рядом с Дерек и Аурикой. — Пиво и дамы нас подождут. Я тебя еще раз прошу: не переходи. Надвигается снежная буря, может забросить неведомо куда, еще и выбросит по частям.

— Понял тебя, — вздохнул Дерек, устало покосился на Аурику и добавил: — Ладно, до встречи.

Затем он толкнул монету носком ботинка, и серый дым принялся медленно утекать обратно в серебро. Аурика зачарованно смотрела на артефакт, чувствуя, как проясняется сознание. Она ведь действительно не настолько глупа, чтоб броситься куда-то очертя голову. Сейчас осознание того, что она просто стала жертвой манипулятора, придавало сил.

— Дерек, — негромко окликнула она, — что мы теперь будем делать?

Бывший министр нашел в ящике под сиденьем кучера пистолет с артефактом, выстрелил в небо, и над местом трагедии вспыхнул алый

туман, давая знак полиции поселка о том, что случилась беда. Когда марево рассеялось, он убрал пистолет на прежнее место и сказал:

— Ты бы лучше села в дилижанс. Я сейчас вытащу мертвых, а ты сядешь.

— Нет! — торопливо вскрикнула Аурика и вцепилась в руку Дерек, который уже успел взяться за дверцу.

Он обернулся и с какой-то трогательной, почти родительской заботой объяснил:

— Холодает. А там греющие артефакты.

Мороз действительно стал покусывать за щеки, но Аурика готова была превратиться в ледышку, лишь бы не занимать прежнее место на скамье.

— Нет, — повторила она. Дерек нахмурился, и Аурика почти прочитала его мысли: «Упрямая девчонка!»

Что еще тут можно было подумать? Ей стало страшно, что он рассердится и силой заставит сесть в дилижанс, но он лишь спросил:

— Боишься мертвых? Что они заговорят с тобой?

Аурика отрицательно мотнула головой. Уж чего-чего, а мертвых она не боялась. Мертвец не станет стрелять, не схватит и не сунет руку ей под платье. Дерек был прав: бояться надо живых.

— Я боюсь, что ты исчезнешь, — шепотом призналась она — говорить такое громче было стыдно, за такие слова запросто поднимут на смех.

Но Дерек серьезно кивнул и ответил:

— Никуда я не денусь. Я тут, с тобой. Иди в экипаж.

Он снова обнял Аурику, и она подумала, что теперь уж точно не замерзнет. В лесу становилось все темнее, полиция не спешила на помощь, и перспектива заночевать на дороге, среди залитого кровью снега и в окружении изрубленных мертвецов становилась все реальнее. К своему удивлению, Аурика не чувствовала страха. Совсем. Весь страх кончился, когда к ней покатила отрубленная голова одного из бандитов.

И именно эта голова заговорила первой. Голос был хриплым, с легкой шепелявостью, которая выдала в мертвце уроженца юга, бог весть как попавшего на далекий льдистый север. Мертвые глаза не открылись, потемневшие губы не дрогнули, но Аурика отчетливо услышала:

— Эх, не свезло. Не успели мы тебя попользовать. Да кто же знал...

Ощущение было таким, словно Аурику бросили в нужник. Ей еще никогда не было настолько мерзко — даже когда один из приятелей отца, сильно перебрав на прошлый Новый год, зажал Аурику в коридоре и запустил руку ей между ног. «Не дрожи, барашек, — прошептал он тогда, — сейчас познакомимся, а там и свадебку сыграем. За тебя хорошее

приданое дадут, не знаешь?»

— Шел бы ты к дьяволу, — негромко проговорила Аурика.

Дерек едва заметно повел плечом — должно быть, понял, что заговорил кто-то из мертвых. Говоривший мерзко расхохотался.

— Да мы все уже тут, тварь! — заорал он, и в его голосе слышались визгливые истерические нотки. — Уже горим!

— Горим! Горим! — завопили над дорогой на разные голоса. Встревоженные вороны с хриплым карканьем сорвались с ветвей, и на мгновение на снег упали рыжие отблески огня. Аурика зажмурилась, уткнулась лицом в плечо Дерека и несколько долгих минут стояла, умоляя все силы, способные услышать ее, чтоб это закончилось. Мертвецы кричали от боли, молили неведомых истязателей остановиться и заливались неестественно звонким смехом. Вокруг дилижанса плясали тени, собираясь в растрепанные пряди белого дыма, и далеко в лесу что-то двигалось, разбуженное воплями убитых: спешило к свежей теплой плоти.

Аурика и сама не поняла, когда вопли утихли, просто вдруг сквозь стук крови в ушах услышала:

— Барышня. Барышня, если слышите меня, подойдите, пожалуйста.

Мир окутало теплой вязкой тишиной. Ужасы подступающей ночи отодвинулись. Голос, добрый и чуть надтреснутый, принадлежал старому адвокату, тело которого до сих пор находилось в дилижансе. Аурика шмыгнула носом, повела плечами, освобождаясь из объятий Дерека, и, собравшись с духом, резким движением открыла дверцу.

— Вот и хорошо. — По голосу адвоката было ясно, что он улыбается, хотя мертвое обескровленное лицо было неподвижным. В густеющих сумерках оно казалось маской. — Джентльмен никогда не обидит леди, даже мертвый. Как вас зовут, дитя мое?

— Аурика, — прошептала она, всматриваясь в мертвеца. Она чувствовала, что Дерек сейчас стоит прямо за спиной, и была благодарна ему за эту молчаливую поддержку. — Аурика вин Селлан.

— Счастлив встретиться с вами, госпожа вин Селлан. — Возможно, ей это показалось, но голова адвоката дрогнула в поклоне. — А меня зовут, вернее, звали Ибрахим фон Веррен. Я адвокат коллегии ее величества. Мы с сыном везли очень важные бумаги, которые обязательно должны попасть в Таммербро.

— Бумаги, — повторила Аурика. — Должны попасть в Таммербро.

— Где они? — тотчас же спросил Дерек и со спокойной готовностью произнес: — Доберемся в Бриуотер, отправим сверхсрочно по линии инквизиции. К полуночи будут на месте.

Губы Ибрахима фон Веррена дрогнули.

— Поблагодарите вашего друга, госпожа вин Селлан, — сказал он. — Эти бумаги — чрезвычайно важные доказательства невиновности моего подзащитного. Они спасут порядочного человека и отца семейства от виселицы. Папка с бумагами — под сиденьем моего сына.

— Папка под сиденьем, — повторила Аурика и указала на второго мертвеца, привалившегося к стенке дилижанса. — Дерек, ты достанешь? Я боюсь...

— Благодарю вас, госпожа вин Селлан, — с чувством исполненного долга произнес фон Веррен. — Искренне сожалею, что наше знакомство случилось при столь трагичных обстоятельствах.

— Прощайте, — откликнулась Аурика. — Прощайте, господин фон Веррен. Мы все сделаем, как вы сказали.

Мертвец умолк, и она знала, что он больше не заговорит. На мгновение ее пронзило такой острой жалостью, что Аурика едва не рухнула на истоптанный снег.

— Это спасет человека от виселицы, — повторила она. — Хорошего, порядочного человека.

Дерек усмехнулся.

— Вряд ли хозяин упыря думал, что спасет порядочного человека от смерти, когда колдовал над тобой, — сказал он.

— Нет, — вздохнула Аурика. — Не думал...

Дерек поднялся в дилижанс, аккуратно передвинул труп младшего фон Веррена и извлек из-под сиденья тонкую папку в красном кожаном переплете. Возможно, адвокат подозревал, что на дилижанс могут напасть, и решил припрятать бумаги понадежнее.

— Отправлю в Таммербро сегодня же, — сказал Дерек, выбравшись из дилижанса и протянув папку Аурике. На красной коже красовался тисненый золотом герб: дракон, кусавший собственный хвост. Дерек провел ладонью по лицу и с искренним уважением добавил: — Какая же ты умница, Аурика. Я горжусь, что знаю тебя.

И это прозвучало совершенно искренне.

Издали донесся звон колокольчика, и вскоре Аурика услышала стук копыт по дороге. Полиция спешила на зов.

В Бриуотер они приехали в шесть вечера, когда стемнело, а обещанная Маркусом буря уже начала поднимать снежные вихри и гневно стучать в ставни. Гостиница поселка была вполне приличной, и хозяин, провожая Аурику и Дерек в номер, не уставал кланяться и приговаривать:

— Ох, господин старший советник, даже не знаю, как вас и благодарить. Весь поселок вам в ножки будет кланяться, что избавили нас от этих душегубов. Никакого житья не было!

Бумаги покойного фон Веррена отправились на почту с личным распоряжением Дереха, и вскоре Аурика, которая выглянула в окно комнаты, увидела, как над приземистым зданием с почтовым рожком на вывеске разлилось золотое свечение: сработал артефакт, отправивший бумаги в Таммербро. Ибрахим фон Веррен и его сын могли спать спокойно. Их дело было завершено.

Полицейские, прибывшие на место преступления, взглянули на мертвых бандитов и одинаковым жестом зажали рты, борясь с тошнотой. Похоже, им, как и их коллегам в Эверфорте, никогда не приходилось видеть столько убитых в одном месте. Аурика их прекрасно понимала. Сейчас, когда все было позади, она не чувствовала ничего, кроме вязкой слабости. Сил хватило лишь на то, чтобы снять шубу и шапку, разуться и рухнуть в старое скрипучее кресло.

— Устала? — произнес Дерек с полувопросительной интонацией, просто констатируя факт. Аурика кивнула. В маленькой и не провинциальному чистой уборной шумела вода, набираясь в ванну, и Аурика надеялась, что, когда смоеет с себя грязь и кровь этого дня, станет легче.

Так, в общем-то, и вышло. После того как Аурика привела себя в порядок, ей стало казаться, что все случившееся в этот день было сном. Так было легче, и картина отрубленной головы бандита, покотившейся по снегу, уже не виделась настолько пугающей. Подумаешь, приснилось. Просто приснилось.

Дерек уже успел переодеться — хозяин гостиницы забрал в чистку его испачканные пальто и сюртук и принес комплект одежды с бирками местного магазина. Провинциальная мода явно пришлась Дереху не по вкусу, но выбирать было не из чего.

— Тебе идет, — похвалила Аурика, со вздохом опустившись на кровать.

Сейчас не хотелось ничего. Ни ужина, ни вина — ничего, только вытянуться на свежей похрустывающей простыне и расслабиться. Лежать и ни о чем не думать, даже о том, что сегодня ей снова нужно охранять сон бывшего министра Тобби, а она слишком вымотана для этого.

— Спасибо, — улыбнулся Дерек и добавил: — Мне приятно, что мы перешли на «ты».

— За это надо сказать спасибо манипулятору, — ответила Аурика.

Ей и самой нравились сердечность и простота, которую давало это «ты». Было в этом что-то правильное и настоящее.

Дерек расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, занял свою часть кровати так, чтоб между ним и Аурикой было достаточно свободного места, и произнес:

— Хорошее прозвище для серийного убийцы. Манипулятор.

— Да, звучит гораздо лучше труповода, — согласилась Аурика и поежилась.

Метель набирала силу, стучалась в закрытые ворота и двери, завывала и швыряла снежные комья. Каково сейчас в Эверфорте? Должно быть, горожане сидят по домам и трясутся от страха, а полицейские и инквизиторы дежурят на улицах, дрожа от холода и от того, что вышло из тьмы и неспешно пробирается по улицам.

— Как он смог подобраться ко мне? — поежилась Аурика.

Мысль о том, что кто-то использовал ее в своих целях, была липкой и гадкой. Не помогало даже то, что она спасла хорошего человека.

Дерек неопределенно пожал плечами.

— Есть сотни вариантов, — ответил он. — Мог снять волосок с твоего плеча и сжечь на поминальной свече. Мог поймать твое отражение в зеркале. Это уже не важно, главное, что морок рассеялся. — Дерек помедлил и добавил: — Тебе больше нечего бояться.

Некоторое время они молчали, а потом Аурика призналась:

— Ты мне не противен. Правда. И я даже не знаю, как выразить, насколько тебе благодарна.

Она не хотела думать о том, что могло бы с ней происходить прямо сейчас, но мысли все равно уходили в ту пугающую сторону. В памяти всплывал рев мертвецов, которых терзали демоны, и из чащи леса выходил кто-то огромный, темный, держащий в руке человеческий череп с горящими глазами.

Комната была жарко натоплена, но на мгновение Аурике стало очень холодно.

— Я не мог не отправиться за тобой, — сказал Дерек, и ей показалось, что за нарочитым спокойствием в голосе он скрывает очень искреннее чувство. — Ты же совсем одна, Аурика.

Снаружи завывало, загрохотало, застонало так, что она вздрогнула и испуганно повернулась к окну. Дерек осторожно накрыл ее руку своей и произнес:

— Это просто метель.

И Аурике вдруг отчаянно захотелось, чтоб он не убирал руку. Это

деликатное дружеское прикосновение придавало ей сил.

— Наверно, это было больно, — промолвила она и тотчас же добавила: — Когда тебя взорвали.

— Я ничего не почувствовал, — усмехнулся Дерек. — Просто удар, и все.

— Страшно, — поежилась Аурика и тотчас же добавила: — Не называй себя уродом. Ты не такой.

Дерек негромко рассмеялся.

— Это так и есть, — ответил он.

— Урод не бросился бы за мной, — вымолвила она. Чужие пальцы, до сих пор сжимавшие ее руку, слегка дрогнули. — Ко мне никто еще так не относился.

По коридору протопал помощник хозяина гостиницы, который, пыхтя, тащил по полу чемодан, а затем прошла какая-то женщина: процокали каблучки, прошелестело платье. Хлопнула дверь соседнего номера. С первого этажа доносились пение и разговоры: в общем зале гостиницы ужинали. Аурика вдруг подумала, что понятия не имеет, как ей быть дальше со своей жизнью, и в то же время она прекрасно знала, как должна поступить.

— Я не сделал ничего сверхъестественного, — произнес Дерек и, судя по голосу, был смущен и будто бы хотел сказать совсем не то, что говорил. — Мы же вместе, и я за тебя отвечаю.

— Спасибо, — прошептала Аурика.

Она, приличная благовоспитанная девушка из порядочной семьи, никогда не могла бы подумать, что сделает то, что пришло ей в голову. Порыв был решительным и властным, не оставлявшим места для раздумий, а расстояние между Аурикой и Дерекком вдруг оказалось совершенно незначительным.

Аурика никогда не целовалась — да ей и в голову бы не пришло взять и поцеловать мужчину первой! — и сейчас испытывала смятение, страх и какую-то непонятную радость. В висках шумело, а ноги сделались ватными, и она испытала невольное облегчение, когда Дерек почти сразу же перехватил инициативу. Теперь Аурика наконец-то сумела расслабиться и успокоиться, перестала бояться, что ее неопытность будет выглядеть нелепой и смешной. Впервые за много дней ей было по-настоящему хорошо.

— Неожиданно, — признался Дерек, когда они наконец-то смогли оторваться друг от друга. Осторожно проведя пальцами по щеке Аурики, он добавил: — В самом деле неожиданно.

Некоторое время они чуть ли не испуганно смотрели друг на друга, словно бы решаясь, но в тот самый миг, когда Дерек потянулся к Аурике, на улице загрохотало так, что здание гостиницы содрогнулось от подвала до крыши. Казалось, снаружи выстрелили из пушки. Откуда-то издали донеслось тоскливое «Бом-м-м! Бом-м-м!» и тотчас же захлебнулось в вое ветра.

По коридору кто-то пробежал, и Аурика услышала крик:
— Колокол! Колокол сорвало!

Она испуганно посмотрела на Дерек и с внезапным облегчением поняла, что охвативший их порыв миновал, — к добру ли, к худу ли, но миновал. Они снова были друзьями, хозяином и работницей, кем угодно, но не...

Похоже, Дерек тоже это понял. Он дотронулся до плеча Аурики, но тотчас же убрал руку и произнес:

— Постарайся заснуть. Я спущусь в общий зал, узнаю что к чему.

И, когда он вышел из комнаты, Аурика подумала, что благодарна ему за это почти так же, как за свое спасение от разбойников в лесу.

Дерек вернулся из общего зала ближе к полуночи. Услышав сквозь сон, как негромко стукнула дверь в номер, Аурика вздрогнула и тотчас же села в кровати. Он стоял в центре комнаты со свечой в руке, всеми силами старался не шуметь, и по румянцу на обычно бледном лице было понятно, что он все-таки не сдержал зарок Пресвятой Деве и выпил. Немного, пару бокалов глинтвейна.

— Разбудил? — с досадой спросил Дерек, поставив свечу на комод. — Извини, не хотел.

— Я уже не должна спать, — промолвила Аурика. — Начинается моя работа.

Ей сейчас стало страшно — почти как в лесу. Они продолжают с того, на чем закончили, когда сорвало колокол?

— Ты спи, — улыбнулся он и устало опустился в кресло. На комод лежал вчерашний выпуск «Бриуотерских вестей» — Дерек взял газету, и на передовице мелькнуло чье-то веселое сытое лицо. — Я посижу почитаю. Все равно сна ни в одном глазу.

Неужели он тоже боится продолжить с того, на чем они закончили? Или это внутренняя деликатность сражается с желаниями? Аурика послушно опустила голову на подушку, положила руку под щеку и спросила:

— Что там случилось?

Ей показалось, что Дерек вздохнул с облегчением. Вот и хорошо. Все будет по-старому, они просто работодатель и работница, не больше, и можно сделать вид, что этого порывистого поцелуя не было. Он приснился, как нападение на дилижанс и темный силуэт с горящим черепом в руке.

— Там действительно сорвало колокол, — ответил Дерек. — Колокольня разрушена. Несколько особо одаренных поселян хотели идти смотреть на развалины, но я их отговорил. Сорвало колокол — сорвет и голову.

Аурика невольно улыбнулась — хотя во фразе не было ничего смешного.

— Ты пил, да? — вдруг спросила она.

Дерек скривился.

— О, кажется, дорогой Игорь подал голос, — ответил он. — Немного. Самую малость. Больше не буду. Договорились?

Аурика почувствовала, как розовеют щеки. В конце концов, это ее не касается, и вообще — леди не суют свой нос не в свое дело. Но Дерек почти сразу же миролюбиво добавил:

— Я понимаю, мало приятного в том, чтоб ночевать в одной комнате с алкоголиком. Но тебе не о чем беспокоиться, я не сделаю ничего такого, что могло бы...

Он осекся. Дотронулся до кончика носа и произнес, словно ставя точку в их разговоре:

— Спи. У тебя был жуткий день.

Некоторое время в комнате было тихо. Дерек листал газету, но было ясно, что смысл статей проходит мимо него. В свете свечи его лицо казалось ненастоящим, кукольным. Аурика вспомнила, как увидела Дерека впервые, — тогда он тоже показался ей похожим на статуэтку.

— Это было ужасно, правда, — негромко сказала она. Ее снова уносило в лес, к экипажу и мертвецам. — Никто ничего не успел сделать, просто выстрелы — и все.

На глаза набежали слезы. Аурика шмыгнула носом, стараясь не разреветься. Она должна держать себя в руках — крайне неприлично рыдать на плече у работодателя, а эти слезы уже начинают входить в привычку.

Дерек молчал, слушая Аурику с уважительным спокойствием. На виске потемнела жилка — это было единственным, что выдавало его волнение.

— А потом эта голова... Господи, я так обрадовалась, что ты нашел меня. Но все эти мертвецы, я никогда не видела столько мертвых, и

запах... — Аурика почти не понимала, что говорит: ей просто надо было выплеснуть из себя все тяжелые картины этого дня. — Я никогда не видела, как убивают людей. Никогда.

Дерек сложил газету, вернул ее на прежнее место и каким-то скучным голосом произнес:

— Это, видишь ли, моя работа. Убивать людей.

— Страшная работа, — выдохнула Аурика. — Я читала про Вангейнский мятеж, но одно дело — читать, а другое — видеть.

Дерек печально усмехнулся.

— Я это вижу во сне, — сказал он. — Во всех деталях. Каждую ночь.

И это было сказано так, что у Аурики защемило в груди.

— Не сиди там, — проговорила она. — Ложись. У тебя тоже был жуткий день.

Утро выдалось почти спокойным.

Бриуотер занесло до самых крыш. Если бы кто-то оказался в этих местах, то увидел бы белые холмы и маленькую полуразрушенную башенку из красного кирпича — все, что осталось от поселковой колокольни. Как только метель успокоилась, люди стали выбираться на улицу с лопатами — откапывать тех, кому повезло меньше. В Запольских землях никогда не было таких зим, и сейчас, сидя в общем зале с чашкой крепкого кофе в руке, Аурика смотрела на улицу с каким-то детским восторгом.

Снег был повсюду. Мир стал белым, прозрачным и свежим. Сквозь прорехи в облаках порой проглядывало солнце, в воздухе вились последние редкие снежинки, и Аурика весело думала, что скоро Новый год, Манипулятора с его вампиром или вампирами поймают, и все будет хорошо. По улице, прокладывая дорогу в снегу, шел господин очень важного вида, держал в руке серебряную пластинку артефакта, и снег вокруг него просто исчезал, будто метели и не было. Медленно открывались стены домиков, ограды палисадников, ворота и сараюшки — это было как в сказке, и Аурика не могла оторвать от зрелища глаз.

Ночь прошла спокойно. Когда Дерек лег спать, Аурика продежурила с ним рядом до рассвета, порой погружаясь в дремоту, но кошмары не мучили бывшего министра инквизиции. Все было хорошо.

И теперь они с Дерекком сидели в общем зале, завтракали омлетом с жареными свиными колбасками и, глядя в окно на то, как здоровенные парни с шутками и прибаутками расчищают снег на одной из крыш, думали, что делать дальше. Дерек несколько раз бросал свою монету, но

связи с Эверфортом не было.

— Ладно, — устало сказал он и убрал артефакт в карман сюртука. — Наука артефакторика нам сегодня отказывается помогать. Если так и дальше пойдет, то придется возвращаться в санях, по старинке. А очень бы не хотелось.

Аурика собралась было ответить, но в этот миг Дерек в прямом смысле слова изменился в лице. Он побледнел и выглядел так, словно с разбегу наткнулся на какую-то преграду и теперь ему больно. По-настоящему больно, должно быть, почти так же, как и в день изувечившего его взрыва. Аурика обернулась, проследив за направлением его взгляда, и увидела молодую женщину, которая разговаривала с хозяином гостиницы возле входа в общий зал. Простая, но стильная прическа, каштановые волосы, за которыми явно ухаживали руки куафера, а не служанки, дорогой дорожный костюм, изящные часы на золотой цепочке — все так и кричало о том, что это столичная штучка. Аурика никогда не видела этой женщины, но поняла, кто она.

Вера, бывшая жена Дерек. Это могла быть только она. Только на нее он мог смотреть вот так, как жертва на своего палача.

Аурике ужасно, почти до боли в груди захотелось что-то сказать — молчание было поистине невыносимым, — но она не могла подобрать нужных слов. Она будто бы онемела от удивления и страха. Дерек с усилием отвел взгляд от женщины и принялся нарезать колбасу на кусочки, всеми силами стараясь сохранять невозмутимый вид. Вера улыбнулась хозяину гостиницы и — Аурика молила, чтоб этого не произошло, — направилась в их сторону.

— Дерек, неужели ты? — удивленно спросила она, одарив бывшего мужа самой очаровательной улыбкой. — В такой глуши?

Он улыбнулся в ответ — правда, тепла в этой улыбке было примерно столько же, сколько в снеге за окном, поднялся со стула и, приветствовав даму легким кивком, ответил:

— Рад тебя видеть, Вера. Неожиданная встреча, правда?

«Господи, только бы она не села с нами!» — взмолилась Аурика, и Вера тотчас же села за их стол. Единственный здешний официант мигом подлетел к ней с подносом. Аурика сидела ни жива ни мертва. Меньше всего ей хотелось сейчас завтракать с этой женщиной. Она не могла сформулировать почему, просто чувствовала обиду и отторжение.

Было еще одно чувство, язвительное и жальщее. Аурика подумала, что именно такой и бывает ревность. Но разве она имеет право ревновать?

— Неужели ты снова леди-детектив? — поинтересовался Дерек.

Вера вновь одарила его очаровательной улыбкой и ответила:

— Снова. Ты же знаешь, я ненавижу сидеть на одном месте.

— А супруг? — лениво поинтересовался Дерек, и его глаза сверкнули, как у хищника при виде беспечной добычи. — Неужели разрешает?

По красивому лицу женщины скользнула тень, словно Дерек задел то, до чего не имел права дотрагиваться.

— Он и сам в разъездах, — уклончиво ответила Вера, похоже, ей не хотелось вдаваться в подробности.

— Дорогая, познакомься. — Дерек устало посмотрел на Аурику, словно неожиданно вспомнил о ней и о светских приличиях, и представил: — Вера Эшвуд, частная сыщица. Вера, это Аурика Тобби, моя жена.

Женщина обернулась к Аурике и посмотрела так, словно встретила лучшую подругу. Аурика улыбнулась и кивнула ей: леди в любой ситуации остается леди. Даже когда встречает такую утонченную даму, похожую на красавицу-фею со старинной фрески, и понимает, что сама напоминает лягушку из болота. В Вере чувствовались какая-то легкость, непринужденность действий и поступков, Аурике такого не добиться. Как ни пыжься, лягушка не станет феей.

Ну и что? Разве это повод чувствовать такую жгучую боль? Разве это повод так покраснеть, словно ее застали за чем-то неприличным?

— Доброе утро, госпожа Эшвуд, — негромко промолвила Аурика, надеясь, что ее голос звучит не слишком угрюмо. — Рада с вами познакомиться.

Желание пнуть эту Веру, да побольнее, становилось все сильнее. Жаль, что леди не положено пинать соперниц. Да Аурика и не соперница Вере, куда уж ей...

— Здравствуйте, госпожа Тобби, — улыбнулась Вера. — Рада нашей встрече.

Некоторое время за столом царила напряженная тишина, нарушаемая лишь легким звоном посуды, а затем Дерек спросил:

— Как поживаешь?

Лицо Веры обрело какое-то мечтательное, почти девическое выражение, и она тепло ответила:

— Именно так, как и собиралась. Все в порядке, и я благодарна тебе за это. Я счастлива только потому, что ты проявил исключительное благородство.

Левая бровь Дерек дрогнула — это было единственным, что выдало его чувства. Аурике подумалось, что слова Веры были завуалированным упреком в слабости. Отодвинув тарелку, Дерек поднялся, натянуто

улыбнулся бывшей жене и произнес, обернувшись к Аурике:

— Дорогая, нам пора.

Когда они поднялись из зала в номер, Аурика поняла: она должна сказать хоть что-то, иначе у нее остановится сердце. Но Дерек закрыл за ними дверь, и Аурика смогла вымолвить только:

— Значит, это и есть твоя жена...

Он усмехнулся. Хозяин уже принес его вычищенное пальто — Дерек набросил его на плечи и, вынув из кармана брюк артефакт, задумчиво подбросил его на ладони.

— Вера Эшвуд во всей красе, — скривился он. — Вот только мы давно расстались. Слава Господу и всем святым, что расстались.

Аурике казалось, что Дерек снова ударится в запой, стоит им вернуться в Эверфорт. Уйдет с головой в страшный многодневный загул, и доктору Вернону не надо будет ничего делать, чтоб опорочить старого врага, — тот замечательно справится сам. И она ничего не сможет с этим поделать. Ровным счетом ничего.

— Дерек... — начала была Аурика и осеклась.

Что она могла сказать? «Не переживай»? «Не смотри так»?

По его губам скользнула неприятная улыбка, но, когда он заговорил, голос звучал вполне непринужденно и почти сердечно:

— Нам пора отправляться. Ты первая. Там нет ничего сложного. — Дерек вновь подбросил артефакт на ладони. — Появится белое марево. Ты должна будешь представить себе офицера Гресяна и назвать его по имени. Потом сделаешь шаг и окажешься в Эверфорте.

— Хорошо, — торопливо кивнула Аурика и опасливо дотронулась до руки Дерека. — Ты только не... Не подумай, что я сую нос не в свое дело, но...

Дерек снова усмехнулся и мягко погладил ее по щеке.

— Все в порядке, — уверенно произнес он, и Аурика услышала мелодичный звон, с которым артефакт упал на доски пола. — Вперед. Офицер Гресян, ты помнишь? В полицейском управлении наверняка сейчас сидит Маркус Хелленберт — расскажи ему все, что случилось.

— Я поняла. Эдвард Гресян. Маркус Хелленберт, — повторила она, и в следующее мгновение вокруг нее уже клубился белый туман.

Сквозь него и комната, и Дерек казались привидениями, легкими карандашными набросками на бумаге. Замечательное изобретение, скоро оно наверняка вытеснит и дилижансы, и поезда.

Аурика готова была думать о чем угодно, кроме встречи с Верой. Она не ревновала. И она все-таки ревновала. Она не могла понять, что

чувствует.

Все мысли о выгодном способе перемещения с помощью артефакта полностью исчезли после того, как Аурика свалилась на затоптанный ковер в полицейском управлении. Страшно болела голова, к горлу подступал ком липкой тошноты, а по лицу заструилось что-то влажное, и все тело сдавило. Да уж, лучше предпочесть простой и привычный дилижанс или скамью в вагоне третьего класса.

— Э нет! — насмешливо сказал кто-то над головой Аурики. — Второй раз ее отпускать нельзя. Ладно, сам пойду. Доктор, вы...

— Немедленно окажу помощь, — узнала Аурика голос Вернона — самоуверенный, как всегда.

— Вот и замечательно. Ладно, я за Дерекком.

Аурика услышала далекий хлопок, а потом ее подхватили и куда-то понесли. В поле зрения очутилось осунувшееся сосредоточенное лицо доктора Вернона, и Аурика еле слышно спросила:

— Август, это вы?

Собственный голос показался ей чужим, хриплым и жалким. Аурика готова была расплакаться — остановило только то, что ее слезы наверняка доставят Вернону удовольствие.

— Да, это я, — ответил он с какой-то непривычной для него душевностью.

У него были очень сильные руки, и сейчас, безвольно прильнув к потертому сукну сюртука на его груди, Аурика слышала, как стучит сердце доктора. Должно быть, тогда, на кладбище, он нес ее именно так...

— Как прошла ночь? — прошептала Аурика. Откуда-то издали донеслись стук и грохот, словно с высоты сбросили мешок с камнями, и голос Дерека выругался так забористо, что Вернон одобрительно покачал головой.

— Вам сейчас вредно разговаривать, — промолвил он.

Хлопнула дверь, закрываясь за ними, — Вернон внес Аурику в какую-то маленькую мрачную комнатушку, осторожно опустил на диван и, вздохнув, принялся расстегивать пуговицы на платье. Для своего побега Аурика выбрала именно это платье, с которым можно справиться без помощи посторонних, но и подумать не могла, что его будет снимать именно доктор Вернон.

— Что вы делаете... — прошептала она. Комната кружилась, так и норовя укатиться куда-то, в голове били огненные молоты, и хмурое лицо Вернона то уплывало вдаль, то приближалось.

— Вы оглушены артефактом, — ответил доктор. — Сейчас я сделаю

небольшой точечный массаж, который приведет вас в чувство. Канал связи оказался не таким четким, как мы все полагали. Буря, чтоб ее. Весь север замело.

Аурика почувствовала, как чужие пальцы давят на кожу под ключицами, ровно посередине. На мгновение головная боль усилилась, но почти сразу Аурика обнаружила, что виски больше не наливаются тяжестью. Вернон довольно улыбнулся, и его руки сместились чуть ниже, а пальцы с силой ввинтились в новые точки.

Тошнота стала отступать, и невидимые клещи, стиснувшие тело, разжались. Аурика наконец-то смогла спокойно дышать и смотреть на мир без пелены перед глазами. Вернон снова улыбнулся и с прежней осторожностью стал застегивать ей платье.

— Вот и все, — сказал он. — Как себя чувствуете?

— Лучше, — ответила Аурика и попробовала сесть. Получилось. Вернон не препятствовал. — Вы так и не сказали, как прошла ночь.

По губам доктора скользнула усталая улыбка.

— У нас был прорыв почти в центре города. И попытка нападения, — произнес он. — Упырь пытался пробраться в комнату Мари Макетом. Дочь директора банка.

— О господи! — воскликнула Аурика. — Его поймали?

— Пытались. Спугнули, преследовали, но он все-таки сумел скрыться. Попробуй поймай кого-нибудь в эту проклятую метель! Офицер Гресян ранен — именно он заметил упыря.

— Бедный Эдвард... — поежилась Аурика. — А говорят, вампиры не нападают в мороз.

В коридоре послышались шаги, затем дверь открылась, и Аурика увидела Дерек в компании высоченного инквизитора с лихо закрученными усами. Вернон сразу же подобрался, словно сделал что-то предосудительное, но бывший министр словно бы не заметил его.

— Как самочувствие, Аурика? — осведомился Дерек.

Он говорил вроде бы вполне доброжелательно, но глаза оставались темными и холодными. Мертвыми. Мимолетная встреча с Верой разрушила его.

— Мне лучше, спасибо, — ответила Аурика, и он, доброжелательно кивнув, сказал:

— Езжай домой. Я буду поздно.

— Хорошо, — промолвила Аурика, но Дерек и усач уже вышли в коридор. Когда за ними закрылась дверь, Вернон сразу же предложил:

— Давайте я отвезу вас. Хочу быть уверен, что с вами все в порядке.

Аурика хмуро посмотрела в его сторону и сказала:

— Вам не о чем беспокоиться, Август, я вполне способна добраться до дома.

— У меня исключительно научный интерес, — произнес Вернон. — Хочу посмотреть, как быстро вы лишитесь сознания повторно. У таких переходов через артефакт всегда бывает вторая волна. Ну а когда вы упадете, непременно понадобится кто-то, кто вас подхватит.

«А с Дерекком вчера все было нормально, — подумала Аурика. — И сегодня артефакт на него никак не повлиял».

Должно быть, Вера Эшвуд действовала похлеще любых артефактов. Аурика не могла признаться, почему ей настолько обидно, почему так щиплет в груди.

«Я не влюбилась», — упрямо подумала она и сказала:

— Хорошо, Август. Едем.

— Август, я могу вас попросить об одной вещи?

Эверфорт замело еще сильнее, чем Бриуотер, но Аурика с удивлением заметила, что почти все дороги уже расчищены до булыжников. Должно быть, потрудились артефакторы, растапливая снег. Мороз ослабил хватку, но людей это не радовало: они встревоженно читали свежий выпуск газеты, где говорилось о введении комендантского часа и формировании добровольной народной дружины, и понимали, что ничего хорошего ждать не приходится.

— Разумеется, — серьезно ответил Вернон.

Сейчас, когда они сидели в гостиной с чашками свежего чая, анатом выглядел не усталым и вымотанным циником, а спокойным джентльменом. Аурика невольно этому обрадовалась.

— Пообещайте, что скажете мне правду, — потребовала она.

Губы доктора дрогнули в улыбке, и он ответил:

— Клянусь. Я не врал вам до этого и не буду врать впредь. Вы что-то хотели узнать?

Аурика помедлила, собираясь с силами. Видит бог, леди не должна спрашивать о таких вещах! Но она уже давно жила не в том мире, в котором можно встретить настоящую леди, такую, как в книгах.

— Вы ведь волочитесь за мной, не так ли? — все-таки вымолвила она, чувствуя, как на щеках вспыхивает румянец. — Хотите меня влюбить, потом бросить и устроить скандал на весь север, чтобы отомстить моему мужу. Это так?

Она с удивлением обнаружила, что Вернон выглядит ошарашенным,

таким, словно Аурика с необыкновенной легкостью прочла его потаенные мысли. Ей стало обидно и горько: значит, Дерек был прав. Он прекрасно знает жизнь и людей, а она, Аурика, наивная дура и верит в то, что люди по своей природе хорошие и добрые. Давно пора бы перестать, а она все верит.

— Аурика, вы... — начал было Вернон, но она перебила, жестко повторив:

— Это так?

Доктор вздохнул, с усилием сжал пальцами переносицу, сразу же сделавшись слабым и беззащитным, а затем ответил:

— Да, вы правы. Это так. Позвольте мне объяснить.

Аурика кивнула. По-хорошему, Вернона следовало бы выставить из дому, устроив скандал на весь север уже для него, изобразив доктора дрянью, которая осмелилась домогаться порядочной замужней женщины, но это не вписывалось в планы Аурики. Она хотела довести до конца ту идею, которая пришла ей в голову по дороге домой.

— Я действительно собирался вас соблазнить, — признался Вернон, и, вопреки ожиданиям Аурики, в его словах звучала искренняя горечь и раскаяние. — Тогда, за ужином у бургомистра, все и придумал. Смотрел на вас, любовался вами и думал, насколько хорошо будет сорвать этот цветок и уничтожить его. Вы очень проникательны, Аурика, вы правы... Но я ошибся. И я наказан.

Он сделал глубокую, почти трагическую паузу, и Аурика готова была поклясться, что в этом нет ни лукавства, ни игры.

— Я узнал вас ближе, — глухо продолжал Вернон, — и понял, что вы удивительная девушка. Исключительная. Таких больше нет. Аурика, я пропал и погиб, я полюбил вас всем сердцем, и мне теперь нет ни спасения, ни прощения.

Аурика молча слушала его, и только подрагивающая в руках чашка чая выдавала ее волнение.

— Простите меня, — промолвил Вернон и наконец-то осмелился поднять голову и взглянуть Аурике в лицо. — Простите, если сможете. Я не смею просить вас о чем-то, кроме этого.

Воцарилось молчание — тяжелое, почти физически ощутимое. Аурика бесшумно отставила чашку на столик, поднялась с кресла и, подойдя вплотную к нервно вставшему Вернону, положила руку ему на плечо и сказала:

— Я прощу вас, Август, если вы ответите на еще один вопрос. И ответите честно.

— Разумеется, — с готовностью кивнул Вернон.

В нем сейчас не было и тени вечного цинизма — лишь откровенность и печаль.

— Это вы наложили на меня заклятие?

Вернон изменился в лице. Похоже, он ожидал чего угодно, только не такого вопроса. И в эту минуту Аурика готова была поклясться, что он ни при чем. Он не имел никакого отношения к мороку, заставившему ее сбежать.

— Клянусь, что я не делал этого, — произнес Вернон, глядя на Аурику с видом преданной собаки, которую хозяин избил за несуществующую провинность. — Даю вам честное слово. Я не имею к этому отношения.

— А к хозяину упыря? И к самому упырю?

Вернон отвел взгляд так, словно хотел что-то рассказать и не решался этого сделать.

— Август, скажите правду. Обещаю, что это останется между нами, — промолвила Аурика. — Если нет... то вы помните, чья я жена. И вы не выйдете отсюда.

— О да! — выдохнул Вернон. Похоже, именно такого поворота событий он и ожидал. — Ваш муж обещал меня кастрировать, если я к вам подойду, но почему-то до сих пор не делает этого. Кажется, я понимаю почему.

— Что вы знаете об упыре? — с нажимом повторила Аурика.

Вернон накрыл ее руку своей, и только теперь Аурика поняла, насколько опасную игру затеяла. На миг ей стало жутко, но, собравшись с силами, она смогла подавить страх.

Что, в конце концов, Вернон ей сделает тут, в этом доме? Не убьет же.

— Я видел его, — произнес Вернон, и Аурика с удивлением обнаружила, что доктору страшно. Сейчас, при свете дня, в просторной комнате и в полной безопасности, он почти дрожал от страха. — Я трижды видел упыря на кладбище. В последний раз — в тот день, когда вы решили навестить могилу дочки папаши Угрюма, буквально за пару минут до нашей встречи. Поэтому я и решил составить вам компанию. Пусть вы не невинная девица, но тем не менее...

— Господи... — прошептала Аурика.

— Высокий, в темном одеянии, бледное лицо и длинные волосы, — продолжал Вернон. — Он видел меня, но почему-то не бросился. Словно позволял себя рассмотреть. Давал понять, с кем я имею дело.

— Почему же вы никому не сказали? — спросила Аурика, испуганно глядя на анатома. Его душевный трепет передался и ей.

Вернон фыркнул:

— Чтобы на меня свалили все убийства? Вот уж нет! — Он выразительно завел глаза к потолку. — Я бывший государственный преступник, да и профессия моя такая, что меня сразу назначат на роль хозяина упыря. А пойти на виселицу ни за что ни про что — нет, это не по мне.

— Я никому не скажу об этом, — пообещала Аурика, и Вернон вздохнул с облегчением.

Помедлив, он поднялся, и она поняла, что расстановка сил поменялась: теперь, встав, доктор подавлял. Он будто играл с Аурикой, до определенного момента притворяясь слабым и пойманным врасплох, но теперь решил, что игра окончена.

— Я вам признателен, — кивнул Вернон. — Кладбище Эверфорта стоит на сети подземных ходов и туннелей, которые проложили еще язычники. Полагаю, где-то там, внизу, и скрывается упырь. Я пытался выследить его, но не смог.

— Вам не страшно ходить одному по кладбищу? — спросила Аурика, чувствуя, что снова попадает под какое-то странное обаяние доктора.

Они по-прежнему держали друг друга за руки.

— Страшно, — признался Вернон. — Я циник и реалист, но все, что относится к магии и темным силам, вызывает во мне ужас. И еще страшнее то, что никто до этого не пробовал остановить упыря и его хозяина. Меня это пугает намного сильнее.

Аурика подумала, что Дерек был прав и образ доктора становится по-настоящему романтическим. Бунтарь, защитник слабых и правдолюб отправлен в ссылку на север, он — человек, который не боится признаваться в своих ошибках и страхах и не скрывает неприятную правду. Он искренен, когда говорит и о любви, и о поражении, хотя его речи по-прежнему полны цинизма. Идеальный герой. Дерек не ошибся. Не будь Аурика готова к такому повороту событий, обязательно влюбилась бы в Вернона по уши.

— Пусть этот разговор останется между нами, — сказала она, и доктор тотчас же спросил:

— Вы не сердитесь на меня?

— Нет, — ответила Аурика. — Потому что вы кое-что для меня сделаете.

— А ты действительно изменился, старина, — вскользь отметил Маркус и тотчас же добавил: — Как-то мягче стал, душевнее.

Вспомнив трупы давешних бандитов, напавших на Аурику, Дерек криво усмехнулся и подумал, что с утверждением приятеля сложно согласиться. Но спорить не стал: Маркусу никогда и ничего нельзя было доказать, если он что-то вбивал в свою лобастую голову.

— Жена хорошо на меня влияет, — улыбнулся Дерек, всем своим видом давая понять, что не желает развивать эту тему. Сейчас, когда они быстрым шагом направлялись в сторону кладбища, где вчера скрылся упырь, он хотел сосредоточиться.

Но кое в чем Маркус все же был прав. С недавнего времени мысли об Аурике делали Дерека другим. Мягче и спокойнее, чем раньше. Здесь, конечно, не было любви, просто какая-то спокойная привязанность к хорошему человеку. Впрочем, сейчас он поймал себя на мысли о том, что совсем забыл о девушке, которая с ним спит. Все заняла Вера.

Она ни капли не изменилась. Сейчас, шагая среди надгробий и склепов, механически отмечая красные ленты, натянутые полицейскими там, где пробежал упырь, Дерек не переставал вспоминать: вот Вера стоит возле хозяина гостиницы, слегка поворачивает голову, и непослушный локон, выбившийся из прически, вдруг становится золотым, подсвеченный зимним солнцем.

Он вспомнил, как когда-то давно, в прошлой жизни, они занимались любовью в первый раз, и тогда волосы Веры, рассыпавшись по подушке, казались рыжим золотом в свете лампы на прикроватном столике. И Вера закусывала губу, чтоб не закричать от наслаждения, и глаза ее были закрыты, словно она хотела видеть в этот момент не Дерека, а другого человека...

— Вот сюда мы его, голубчика, и загнали. — В голосе Маркуса появились алчные голодные нотки. Дерек узнал их. Что может быть желаннее охоты на человека? Только охота на того, кто раньше был живым. — Рухнул под землю и был таков. Ты как, не боишься катакомб?

Катакомбы. Ну конечно, Дереку следовало об этом догадаться. Под старыми кладбищами частенько пролегалла целая паутина подземных ходов, вырытых еще в языческие времена, когда истинно верующие укрывались там для молитв и спасались от преследователей. Странно, что до сих пор никто не додумался поискать упыря именно там.

Насколько Дерек помнил из учебников, упыри любят покой и тишину, поэтому предпочитают устраивать гнезда на чердаках и в подвалах, прячутся в глухих лесах и горных пещерах. Им нужно, чтоб их не трогали до той поры, пока жажда не выгонит из логова и не толкнет на поиски жертвы.

Дьявольщина, они ведь считались истребленными! Упырей изучали в курсе истории, а не на практических занятиях. В свое время инквизиция провела очень серьезную работу, смогла полностью уничтожить все источники с заклинаниями, но все-таки нашелся умник, который сумел все испортить.

— Боюсь, — признался Дерек. Катакомбы и подвалы всегда внушали ему безотчетный глухой ужас. — Но это не значит, что не сделаю.

Возле входа в катакомбы — надо сказать, очень изящно выстроенного — уныло топтался Мавгалли в компании пары инквизиторов. Скучные физиономии и отсутствие привычного запаха говорили о том, что новые приятели еще не успели приложиться к рюмочке и очень переживают по этому случаю. Хотя, возможно, их удручало близкое соседство с упырем. Поди знай, откуда он выпрыгнет! Но Дерек с удовольствием убедился, что подчиненные боятся его намного больше какого-то кровососа: стоило ему появиться из-за могил, как орлы вытянулись по стойке «смирно» и напустили на себя преданный и старательный вид. Молодцы. Внукам будут рассказывать, как на упырей охотились.

— Здесь открыто, господин старший советник. — Мавгалли предупредительно потянул за кольцо, и ворота с тихим стоном начали открываться.

Дерек ощутил мимолетное прикосновение той тошноты, которая появляется, если долго смотреть вниз, но почти сразу же сумел ее побороть. Хуже будет, когда он спустится под землю. Намного хуже.

Снова вспомнилось лицо Веры — она, как всегда, была вежливой, деликатной и милой, только в глазах кувыркались бесенята, точно такие же, как и в прежние времена. Было еще и искреннее удивление.

«Странно, — сказала она после того, как Дерек отправил Аурику через артефакт, который после этого окончательно вышел из строя, а сам отправился в коридор в надежде увидеть Веру еще раз. — Я не ожидала, что ты затеешь брак отчаяния».

Это было как пощечина. Даже больнее. Лучше бы она действительно ударила, так хотя бы было честно.

«Не только ты достойна семейного счастья, — парировал он, понимая, что бледнеет. Надо было отвести взгляд и не смотреть в это нежное лицо, но Дерек, конечно, не мог и не хотел этого делать. — Жаль только, что ты не способна дать его. Ни мне, ни Дамьену».

Теперь уже Вера побледнела. Ну и поделом.

Вход в катакомбы выглядел как прихожая в провинциальном краеведческом музее: чистенько, но убого. Здесь уже зажгли лампы, и

старичок — смотритель кладбища в древнем пальтишке, стоявший возле ступеней, прошамкал:

— Извольте, господа, быть осторожными. Сперва идут надежные ступеньки, а потом разруха. Третий век до нашей эры, не шутка. И карту, карту не забудьте.

Карта вряд ли могла бы им пригодиться: исчерпывающе подробной системы катакомб не было ни у кого. Глядя на ступени, уходящие во мрак, Дерек думал о том, что в подземелье намного холоднее, чем снаружи.

Неужели они с Верой добились только взаимной неприязни? И все кончилось именно так? Эти мысли ранили его намного сильнее, чем Дерек мог позволить, и он решительно шагнул вниз, бросив через плечо:

— Офицер Мавгалли, хватит там топтаться. Идемте.

Мавгалли послушно пошагал по ступеням, бормоча молитву. Да, не один Дерек испытывал страх перед подземельями. Приятно, дьявол побери, знать, что твои чувства разделяет кто-то еще. А вот Маркус был весел и лих, как обычно, отпускал какие-то шуточки и прибауточки, и Дерек, слушая его краем уха, подумал, что это правильно. Во тьму с тобой должен спускаться кто-то веселый и добрый, потому что у спокойного и мудрого всегда найдутся дела поважнее твоей защиты.

Постепенно стало действительно темно — тут-то игодились захваченные у смотрителя фонари. Ступени уперлись в вымощенную стылыми плитами дорогу, которая постепенно превратилась просто в хорошо утоптанную тропу среди земляных стен. Свет фонарей колыхался неровными пятнами, выхватывая то какие-то уродливые горбатые корни, то полустертую каменную кладку, то обрывок цепи, выходящий прямо из стены. По всей видимости, здесь давным-давно никто не появлялся. Смотритель ограничивался проверкой верхней части лестницы, и его можно было понять. Пыль на полу была нетронутой, а вампиры, как известно, все-таки оставляют следы.

— И где его искать? — подал голос один из инквизиторов. — Тут сам дьявол копыта сломит.

— У нас есть средство, — ответил Дерек. В последние десять минут он усиленно сражался с липкой тошнотой ужаса и теперь привалился к стене, чтоб перевести дыхание и хоть немного прийти в себя и подавить стремительно нарастающий порыв со всех ног рвануть обратно. — Этот артефакт называется «Следопыт».

Маркус кивнул и вытащил из кармана пальто лохматый колобок. Артефакт казался живым — да он и был в определенной степени живым существом, готовым гнаться по следу и искать добычу.

— Он, конечно, лучше работает с теми, кто еще не умер, — ободряюще улыбнулся Маркус и подбросил артефакт на ладони. «Следопыт» недовольно вздыбил шерсть, и Дерек увидел мелькнувший в ней золотистый глаз. — Но со жмуриками тоже не оплошает. Давай, дорогой мой! — Он от души поцеловал «Следопыта» и подбросил в воздух.

Это выглядело очень красиво. Артефакт зафыркал, развернулся огненным шаром и, покрутившись на месте, помчался по коридору, словно сразу же кого-то почуял. Забыв о выматывающем страхе, Дерек бросился за ним, на какое-то короткое мгновение отбросив мысли и чувства, отказавшись от самого себя и став охотником на разумную дичь.

Но через несколько минут бега он обнаружил совсем не то, что хотел найти. Когда компания преследователей ворвалась в небольшой подземный зал, который много веков назад служил для молитв, то Дерек увидел, что артефакт с ворчанием крутится возле двух человек, девушки и мужчины, который закрывал ее от «Следопыта».

— Дьявольщина! — воскликнул Маркус, прибавив еще один, совершенно нецензурный оборот. — Доктор Вернон, что вы тут делаете?!

Это действительно оказался Вернон, а из-за его спины выглядывала Аурика: бледная, усталая, но какая-то энергичная и решительная. Сейчас в ней будто горел упрямый огонек, которого Дерек не видел раньше и, в общем-то, не ожидал увидеть в скромной домашней девочке.

— Вы нам сорвали официальную операцию! — рявкнул Мавгалли.

И откуда только взялась смелость! Должно быть, у него были свои причины не любить местного анатома.

Вернон открыл было рот, чтоб объясниться, но Дерек опередил его — тело сработало само, плавно скользнув вперед, и он испытал пронзительную светлую радость, когда схватил анатома за гениталии и сжал руку.

Обещания надо выполнять. Притащить Аурику в катакомбы было очень глупым поступком. Невероятно. И закрывать на него глаза было бы еще большей глупостью.

Вернон зашипел от боли и согнулся пополам. Кажется, Аурика вскрикнула и вцепилась в руку Дерека, кажется, она что-то говорила чуть ли не захлеб, но сейчас это не имело значения. Дерек обхватил анатома за шею свободной рукой, и Вернон уткнулся лицом ему в плечо практически интимно.

— Август, я, кажется, вас предупреждал, — мягко произнес Дерек ему на ухо, так, словно говорил с лучшим другом. — А вы меня не послушали.

Он сжал руку еще сильнее и крутанул влево. Вернон прошипел что-то

неразборчивое, но явно нецензурное. Дерек довольно улыбнулся. Вся пугающая обстановка подземелья отступила на задний план, и он, кажется, даже ощутил дуновение свежего воздуха. На мгновение ему стало легко.

— Ты что-то знаешь про вампира, да, Август? — с прежней тихой нежностью поинтересовался Дерек и почти дружелюбно посоветовал: — Расскажи. Расскажи мне, что ты знаешь. Расскажи, почему решил отдать ему эту дурочку. Что тебе за нее пообещал хозяин упыря?

Вернон рванулся, пытаясь освободиться, — не вышло. Аурика почти повисла на руке Дерек, и в ее всхлипываниях он разобрал что-то вроде: «Я сама попросила». Мелькнула мысль о том, что это ужасная, совершенно отвратительная сцена и остается надеяться, что ее свидетели не будут раскрывать рты.

— Пусти... — прошептал Вернон. — Я его видел, да. На кладбище.

— Маркус, дружище, да у нас ценный свидетель, — громко сказал Дерек. — Оказывается, доктор Вернон видел нашего упыря на кладбище. Надо бы поподробнее расспросить его.

Он оттолкнул анатома, и Вернон, красный и растрепанный, удачно приземлился прямо в руки Мавгалли, невероятно довольного тем, что наконец-то можно проявить служебное рвение. Дерек выпрямился, устало провел ладонями по лицу, чувствуя, как исчезает пыл, а в легкие вновь вползает затхлый воздух подземелья.

— Где именно вы его видели, Август? — спросил он с прежней спокойной деликатностью.

Аурика по-прежнему держала его, вцепившись обеими руками в рукав пальто, и это судорожное прикосновение почему-то раздражало.

— Недалеко отсюда, — ответил Вернон. По его лицу стекали крупные капли пота. — Трижды. Он исчезал неподалеку от входа в катакомбы.

— И какого дьявола вы потащили сюда женщину! — воскликнул Маркус.

Он был потрясен фактом встречи с Аурикой в подземелье больше, чем признанием доктора.

— Я сама его попросила, — еле слышно промолвила Аурика.

И вот теперь все наконец-то посмотрели на нее. Некоторое время в подземелье царила напряженная тишина, а затем Дерек попросил:

— Маркус, проверь ее, пожалуйста, на магическое воздействие.

Аурика послушно подставила лоб под стекло, и, когда Маркус сказал, что никакого воздействия нет, Дерек ощутил пустоту — внезапную и страшную.

— Всем наверх, — сказал он и не узнал своего голоса. — На сегодня

мы закончили.

Когда Дерек вернулся домой незадолго до полуночи, то Аурика не сразу его узнала. Два образа никак не желали сочетаться: привычный щеголь, всегда одетый с иголочки и идеально причесанный, не мог иметь ничего общего с тем растрепанным и припухшим от выпитого мужчиной, который ввалился в комнату.

Сюртук был застегнут не на ту пуговицу. Почему-то это испугало Аурику сильнее, чем просто убийственный запах перегара, так и валивший с ног.

— Дерек? — испуганно окликнула она.

Дерек косо посмотрел на нее, ничего не ответил и, медленно расстегнув пуговицы, бросил сюртук на пол и практически рухнул в кровать. Некоторое время он лежал молча, неподвижно, и Аурика подумала, что он уснул. Но вскоре она услышала:

— Все должно быть не так, да?

— О чем ты? — спросила она. После того как ее привезли домой с кладбища, она была готова ко всему: к скандалу, к ссоре, даже к тому, что ее будут бить, но не к этому.

— Зачем ты полезла в катакомбы? — К удивлению Аурики, в голосе Дерек прозвучала лишь усталость. Ни горечи, ни досады — только усталость.

— Я хотела понять, — медленно начала она, словно бы формулируя для самой себя невнятное стремление, охватившее ее утром в общем зале гостиницы. — Узнать, каково это. Приключения, опасность, погоня. Каково это — быть сильной и красивой женщиной, которая ничего не боится и идет вперед.

Дерек негромко рассмеялся, и Аурика поняла, насколько глупо и жалко выглядит. Вера Эшвуд уникальна. Аурике никогда не дотянуться до нее. Даже близко подойти не получится.

— Приключения? Тебя вчера чуть не убили. Мало?

— Вчера это было не по моей воле.

Аурика всеми силами старалась быть спокойной и твердой, но понимала, что не выдерживает, что готова разреветься от осознания того, насколько глупой оказалась.

— Что с доктором Верноном? — спросила она, пытаясь говорить ровно.

Дерек шевельнулся и медленно сел на кровати. Теперь, глядя на него, Аурика испытывала не страх, а какую-то непонятную жалость.

— Допросили, записали показания и отпустили домой. Должно быть,

лечится.

— Отпустили? — переспросила Аурика.

Дерек кивнул и принялся расшнуровывать ботинки.

— Конечно. Что я, зверь, что ли? Проверили его на всех артефактах, он действительно просто свидетель. Да, видел этого упыря, да, испуган не на шутку. Ну а то, что он пошел у тебя на поводу и повел в катакомбы, — это просто дурак... Причем влюбленный по уши.

Дерек икнул, вытащил из кармана скомканный шелковый платок и нервным движением прижал его к лицу, словно старался сдержать подступающую тошноту. В комнате повеяло пионом.

— Мне не следовало так поступать, — медленно сказала Аурика. — Я сглупила. Мне никогда не стать такой, как Вера Эшвуд.

Дерек отвел руку с платком от лица и посмотрел на Аурику так, словно перед ним вдруг возникло мифическое чудовище с раззявленной пастью и тысячей хвостов.

— Вера Эшвуд, — менторским тоном произнес он, — стала такой не от хорошей жизни. И она всегда мечтала о том, чтоб спокойно сидеть дома с мужем и подтирать сопли и задницы дюжине детей. Но не задалось, а теперь она уже никогда не сможет остановиться. Тут не на что любоваться и не о чем жалеть.

— Я тоже этого хотела, — призналась Аурика. Сейчас ее вдруг потянуло вперед — захотелось подняться с кресла и сесть рядом с Дерекком. — Но для меня это тоже невозможно.

— Я и говорю, все должно быть не так, — устало откликнулся Дерек. — Ты не должна спать с пьяным уродом, не должна бояться... — Он сделал небольшую паузу и очень искренне попросил: — Больше так не рискуй, Аурика. Пожалуйста. Я очень тебя прошу.

— Хорошо, — кивнула она и вдруг обнаружила, что страх разжимает пальцы и уходит, оставляя в душе лишь пустоту и тишину.

— Ты не хуже Веры Эшвуд, — произнес Дерек.

Кажется, Аурика на миг перестала дышать.

— Ты лучше ее, — добавил он. — Намного лучше. Я это говорю не для того, чтобы как-то тебе польстить. Это в самом деле так.

Некоторое время они молчали. Снаружи донесся шум проезжающего экипажа, где-то залаяла собака. Эверфорт погрузился в тревожный сон.

— Это похоже на признание в любви, — промолвила Аурика и тотчас же осадила себя.

Леди не должна говорить таких вещей — но, впрочем, похоже, она уже перестала быть той леди, которой ее воспитывали.

— Почему бы нет? Пусть так, — ответил Дерек. — Давай поженимся по-настоящему. Хочешь?

Аурика вздохнула и все-таки пересела из кресла на край кровати и погладила Дерека по руке.

— Я хочу, чтоб ты повторил это, когда будешь трезв, — ответила она. — А пока давай оставим все как есть. Я тот человек, с которым ты спишь.

На мгновение ей стало непередаваемо грустно — настолько, что она испугалась, выдержит ли сердце. Но тоска почти сразу же отступила, и Аурика подумала, что все правильно. Что так и должно быть.

Нападение произошло в тот момент, когда Аурика меньше всего этого ожидала. Сон Дерека был относительно спокойным, и она, выбрав минутку, отлучилась в уборную. Потом, вспоминая о том, что произошло, Аурика невольно радовалась, что успела закончить со своими делами до того, как из стены выступила тень.

На мгновение она подумала, что ей померещилось, и в тот же миг поняла: нет. Тень становилась гуще, наливалась темнотой, обретала черты, и Аурика, словно замороженная, следила за ней, не в силах пошевелиться и позвать на помощь. Язык одеревенел, стал каким-то тяжелым и непослушным, а знакомые слова молитв путались в голове. Кажется, ноги отнялись. Аурика попробовала двинуться к двери, но не смогла пошевелиться.

Именно так все и происходило. Вампир просачивался в жилище, вводил своих жертв в состояние транса и убивал. Аурика смотрела, как из сгустков мрака проступает лицо: бледное, с крупными тяжелыми чертами, и в голове крутилась лишь одна мысль: «У нас не получилось, мы не смогли его обмануть...»

Потом она обнаружила, что за спиной — стена уборной, а упырь стоит вплотную, держит ее за плечи, и Аурика почему-то не чувствует этого прикосновения, а просто видит чужие руки — сильные, смуглые, жилистые, и по правому запястью бежит толстый белый шрам.

— Прокл, — услышала Аурика. Тонкие бледные губы мертвеца не шевелились, едва слышный хриплый голос шел откуда-то справа. — Меня зовут... Прокл.

Большой Прокл, поняла Аурика, тот самый редактор газеты. Так вот кто оказался упырем...

— Тот самый, — продолжил он, и Аурика готова была поклясться, что рот мертвеца дернулся в нервной улыбке. — Но я не первый и, боюсь, не

последний.

Из комнаты донесся негромкий голос Дерека, но Аурика не разобрала слов. Зато у нее появилась надежда на то, что, увидев кошмар, он проснется и придет на помощь. Лицо Прокла дрогнуло — он тоже услышал голос хозяина дома. Аурика думала, что упырь испугается, но нет — к своему ужасу, она ощутила его радость. Светлую радость, которая приходит в тот момент, когда у зла уже нет власти.

— Это мндигва, — сказал упырь. — Яд, с помощью которого мертвеца поднимают из могилы. Я не верил в Бога... жизнь после смерти. Надеялся, что умру и все закончится. Но не получилось.

— Кто он? — спросила Аурика. Острая жалость пронзила сердце. — Кто это сделал?

Послышался негромкий хрип — упырь рассмеялся.

— Милое мое дитя... — произнес Прокл, отсмеявшись. — Упырь не может назвать имя хозяина. Но он рядом, и он не остановится, пока не добьется своей цели.

— Что за цель? — прошептала Аурика и тотчас же добавила: — Как его остановить?

Мертвые не отвечают дважды — но мертвый и вернувшийся к жизни мог это делать.

— Слушай и запоминай. — Мертвец содрогнулся всем телом, и Аурика услышала, как в груди Прокла что-то с бульканьем лопнуло. — Для начала он хочет сравнить оборотней и людей. Резня — идеальное прикрытие для его дел. Никто не должен узнать об оборотнях. Ты поняла?

— Да, — с готовностью ответила Аурика. Дерек предположил резню сразу же, как только мертвая Лиззи сказала о медведях. — Никто не узнает.

— Хорошо. — Упырь прикрыл глаза. — А самое главное — ему нужно то, что находится под землей. Для этого необходимы и кровь девственниц, и прорывы некротического поля. То, что находится под землей.

— Да, — послушно кивнула она.

В комнате заскрипела кровать, послышался встревоженный голос Дерека:

— Аурика, ты где?

Значит, кошмар все-таки его разбудил. Прокл довольно улыбнулся, словно ждал именно этого.

— Я не знаю, что там, — торопливо произнес он. — Выяснить это — уже ваша задача.

Дверь в уборную резко распахнулась от удара, и выражение лица Дерека, увидевшего, как упырь держит в руках Аурику, стало просто

неописуемым. «Он ведь не спит с саблями», — отстраненно подумала Аурика, а Прокл улыбнулся так, словно наконец-то встретил лучшего друга.

Это было похоже на освобождение.

— Я был порядочным человеком, — сказал он, — и никого не хотел убивать. Помогите мне.

— Помогите мне, — повторила Аурика.

Все произошло очень быстро. Молния сабли сверкнула нестерпимо белым, и Аурика удивилась тому, насколько легко голова Прокла отделилась от тела. Темный шар покотился по полу и исчез, а обезглавленное тело несколько мгновений держалось на ногах, а потом рухнуло, рассыпавшись грудой серого пепла. Прокла не стало.

Потом, когда Дерек отбросил уже ненужную саблю и, подхватив Аурику на руки, вынес в комнату, ее начал бить такой озноб, словно она подхватила легочную жабу. При мысли о том, что несколько мгновений назад она была в полной власти чудовища, Аурику охватывал невероятный ужас и столь же невероятная брезгливость и отвращение. В сочетании с искренней жалостью к Проклу, который предпочел умереть, но не служить Манипулятору, это был поистине ужасающий коктейль. Дерек обнял ее, прижал к себе и долго говорил на ухо что-то неразборчивое, но успокаивающее. Это было словно в детстве, когда Аурика боялась темноты или буку, а родители, тогда еще любившие ее, успокаивали дочь, и тьма отступала.

— Он умер, — промолвила Аурика, когда истерика прошла и она смогла говорить.

Дерек кивнул:

— Да. Я его убил.

— Ты спишь с саблями, да?

— Нет. Они здесь сбоку, под кроватью. Взял, когда понял, что там что-то неладно.

— Это Прокл, редактор газеты. Он пришел, чтоб его убили, — всхлипнула Аурика. — Он не хотел служить Манипулятору. — Она провела ладонями по лицу, вытирая слезы, и продолжила: — Его сделала упырем мндигва, какое-то вещество. Прокл говорит, что Манипулятор хочет развязать войну людей и оборотней для прикрытия. И это, и кровь девушек ему нужны для поисков чего-то, что находится под городом.

Выпалив все это на одном дыхании, Аурика поняла, насколько вымоталась за эти несколько дней. Сейчас у нее попросту не осталось сил, их будто бы выпили.

— Мне так жаль его, — выдохнула она. — Что такое мндигва? Что это за яд?

Дерек неопределенно пожал плечами. Задумчиво погладил Аурику по руке, словно в очередной раз хотел убедиться, что с ней все в порядке.

— Не знаю. Должно быть, что-то южное. Там какой только дряни нет. — Он вдруг прикоснулся губами к ее виску и добавил: — Выясним. Мы все это обязательно выясним. А пока спи. Я тут, с тобой.

Аурика подумала, что сейчас ей нужно именно это — объятия живого человека, которые помогут убедиться, что и сама она до сих пор жива. Она так и заснула у Дерека на руках, и потом, когда во сне над ней вновь возникла тень мертвеца, бывший министр Тобби тронул Аурику за плечо. И тьма отступила.

Глава 6

КОЛЛЕКЦИОНЕР

На следующий день морозы слегка ослабли, но, вопреки опасениям обывателей, новых нападений больше не было. В городе воцарилось сонное спокойствие — конечно, патрули с улиц никуда не делись, но активные граждане, записавшиеся в народную дружину, не обнаружили ничего особенного во время своих ночных дежурств. Дерек, убивший упыря, оказался окружен почти религиозным почитанием. Ну еще бы, человек собственноручно избавил город от монстра! Никто не хотел задумываться о том, что Манипулятор до сих пор на свободе. Это было слишком страшно и неприятно.

Спустя два дня после появления Прокла и его упокоения Дерек утром поднялся с кровати и первым делом полез в кошелек. Аурика, которая почти дочитала «Начала натуральной философии», смотрела, как он отсчитывает рыжие ассигнации.

— Что это? — недоумевая, спросила она.

Дерек посмотрел на нее с таким же удивлением.

— Как что? — спросил он. — Деньги. Мало ли тебе захочется что-то купить. Принарядиться.

— Ах да. Да, — повторила Аурика. — Спасибо.

Дерек ободряюще улыбнулся.

Аурика обнаружила, что эти деньги почему-то ее расстроили. Она так и не смогла объяснить себе, что именно не так, но охватившее ее чувство было тоскливым и горьким. Некоторое время она задумчиво смотрела на свою первую зарплату, а затем решила воспользоваться старым испытанным средством для успокоения нервов — пойти по магазинам.

Леди всегда остается леди, даже в рубище, и уж конечно никогда не упускает возможности изнарядиться. К тому же через два дня бургомистр устраивал зимний предновогодний бал, и Аурика понимала, что к ней как к супруге городского героя будет приковано всеобщее внимание.

Она наткнулась на большой ящик в самом дальнем углу шкафа, когда после завтрака стала собираться на прогулку и искать перчатки, пропавшие невесть куда, и совершила первую ошибку, решив вытащить его. То, что это ошибка, Аурика поняла уже потом. Ящик был тяжелым, всем своим видом так и кричал, что он солидная и очень важная вещь, и Аурика очень

удивилась тому, что на нем простой, даже примитивный замок с ключом, торчащим из замочной скважины.

«Открой меня, — шепнул чей-то призрачный голос. — Открой. Тебе понравится».

Второй ошибкой было то, что Аурика нажала на крышку, и та бесшумно приподнялась, открывая таинственное содержимое. «Я же не делаю ничего плохого», — подумала она, и первый предмет буквально выпрыгнул ей в руку.

Ящик был заполнен плоскими стеклянными контейнерами, и в том, который сейчас лежал на ладони Аурики, находились седая прядь волос и квадратный кусочек чего-то, подозрительно похожего на человеческую кожу. Аурика смотрела и не могла отвести взгляд, и страх, медленно нараставший в животе, перехватывал дыхание.

Это ведь не может быть человеческой кожей. Не может. Это ненастоящее. Но вот светлая родинка, вот почти прозрачные белые волоски...

— Настоящее, — услышала Аурика. — Он снял с меня кожу, когда я еще была жива. Я была царицей болот и топей, я правила над темными заводами, я заклинала лихорадку и насылала чумных крыс, я пила молоко мертвых коров и душила первенцев. Он пригвоздил меня копьём к сухому дереву и срезал клочок кожи со спины.

Картинка немедленно всплыла перед глазами: заболоченный лес, вечер, луна, ползущая над деревьями. Молодая женщина какой-то пронзительной, жестокой красоты, но совершенно седая. Неясно, жива она или нет. Сухое дерево заламывает ветви над ее головой, ветер перебирает растрепанные волосы. Женщина остается неподвижной. Вся ее власть и сила утекли прочь — не вернуть, как ни старайся.

Аурика выронила контейнер, и наваждение исчезло. Не стало ни болота, ни вечера, ни тяжелого душного ветра с запахом тины и пролитой крови. Она снова сидела на полу в спальне, в окно заглядывало веселое зимнее солнце, с улицы доносился детский смех — соседские малыши бросались снежками. Аурика вдруг увидела, что у нее дрожат руки.

Третьей ошибкой было то, что она вынула еще один контейнер. Огненно-рыжая прядь волос, кусочек кожи с поблекшей татуировкой — скорпион на монете. Женский голос в голове Аурики рассмеялся пронзительно и злобно.

— Мы не принимали его всерьез! Никто не принимал его всерьез! Какую опасность может представлять этот хлыщ? А он задушил меня моей собственной косой... — Голос всхлипнул, теряя ярость и напор. — И я

ничего не могла сделать.

Словно глядя на себя со стороны, Аурика убрала контейнеры назад в ящик — не стоило лезть в шкаф, не стоило ворошить чужие омерзительные тайны, не стоило, не стоило. Человек, с которым она спит, действительно ненормальный, действительно изувер и извращенец. С кем же она умудрилась связаться, господи? Одно дело — бороться со злом, и те, кто насылают мор на ни в чем не повинных людей, достойны только смерти. И совсем другое — нежно хранить частички их плоти. Это было отвратительно. Настолько, что ее едва не стошнило.

Аурика и сама не поняла, как в ее руке оказался еще один контейнер. Прядь волос в нем была каштановой, с легкой рыжиной — раньше она принадлежала Вере, сомнений не было. На квадратике кожи красовался какой-то полустертый знак, не то шрам, не то клеймо. Аурика прислушалась, но ничего не услышала. Неудивительно, ведь Вера была жива. Не хотелось думать о том, почему она позволила так с собой поступить.

И Дерек Тобби говорил, что любил ее всем сердцем... Что любит до сих пор.

При мысли о том, что хозяин ящика дотрагивался до нее, Аурику начинало тошнить. Она швырнула контейнер в ящик, захлопнула крышку и оттолкнула его от себя, словно это было какое-то омерзительное насекомое. В эту же минуту дверь комнаты открылась и вошел Дерек: он, похоже, что-то забыл и был вынужден вернуться.

— Аурика, ты не видела мои... — начал было он, потом увидел сидящую на полу Аурику и ящик и осекся.

Некоторое время они молчали, потом Дерек осторожно обошел ее, поднял ящик и убрал на прежнее место.

— Что это? — негромко спросила Аурика, хотя и без того прекрасно знала ответ.

Дерек закрыл дверцу шкафа, помолчал несколько мгновений, собираясь с духом, а потом ответил:

— Моя коллекция. Все это принадлежало особо сильным ведьмам, которых я убил. Кроме Веры... там все было добровольно.

— Пригвоздил копьём к сухому дереву и срезал кусок кожи со спины... — прошелестела Аурика.

Ее тошнило. На мгновение ей показалось, что Дерек сейчас сядет рядом с ней на ковер, дотронется до руки или плеча, попытается как-то успокоить, и от ужаса она едва не перестала дышать.

— Это Мама Клер, — глухо произнес Дерек. — Я не хотел, чтоб ты

это увидела. Прости.

— Но зачем? — Аурика подняла глаза, посмотрела на него: он был бледен и потрясен не меньше ее самой. — Дерек, зачем тебе все это?

Она не знала, как спрашивать, как себя вести и что теперь делать. По большому счету Аурика давно лишилась иллюзий относительно человека, с которым жила. Вангейнский палач не может быть нормальным. Но хранить волосы и кожу мертвецов — это было слишком.

— Это моя коллекция, — устало повторил Дерек. — То, чего я добился в жизни. Мои ордена за страшный труд. Память о том, через что я был вынужден пройти, чтобы стать собой.

Аурика поднялась с пола и слепо шагнула к дверям. Она понятия не имела, куда идет, — ей просто хотелось оказаться как можно дальше от этого места и от этого человека. Но Дерек окликнул ее:

— Не уходи.

Она обернулась, и он добавил:

— Не хочу, чтоб ты снова попала в неприятности.

Он взял с прикроватной тумбы оставленную папку с документами, ради которой и вернулся, и произнес:

— Уйти лучше *мне*.

Кабачок на окраине Эверфорта оказался вполне приличным: Дерек думал, что тут ошиваются обитатели городского дна, и был крайне удивлен, встретив в дверях директора единственной школы. Раскланялись, разумеется.

Устроившись в дальнем углу, он заказал графин коньяка, какую-то немудреную закуску и, выпив первую рюмку, подумал, что Аурика считает его больным ублюдком. Собственно, неудивительно. Душевно здоровые люди не станут хранить такие трофеи. Фетишизм подобного рода близок к некрофилии, и это было явной проблемой.

Дерек Тобби, старший советник инквизиции, психопат и извращенец. Аурика убеждена в этом, и она права.

Дерек и не собирался этого отрицать. Его увлечение нельзя было назвать естественным, но за многие годы он успел убедиться в том, что самые спокойные и порядочные люди хранят в тайниках души такое, рядом с чем его коллекция выглядит вполне безобидно.

Взять хоть Каролинга Люиса, математика королевской академии, доктора наук, который собирал дагеротипные снимки маленьких девочек. Любовался, так сказать, невинной ангельской красотой. Говорят, недавно он купил дагеротипный аппарат и принялся делать снимки невинных

ангелов. Двойное наслаждение, что уж там.

Впрочем, что кивать на других, когда надо решать собственные проблемы — разгребать их, как загаженный хлеб...

Дерек и сам не понял, как за его столом вдруг появилась Вера. Вроде бы ее не было, а три рюмки спустя уже сидит, небрежно положив на стол ридикюль, расшитый жемчугом, и официант ставит перед ней бокал подогретого вина.

Помнится, этот ридикюль Дерек подарил ей после свадьбы. Иногда ему думалось, что после их расставания Вера выбросила все, что напоминало о бывшем муже. Она наконец-то могла быть счастлива с тем, кого любила задолго до встречи с Дерекком, так зачем хранить то, что вызывает неприятные воспоминания?

Но вот надо же, не выбросила. Носит с собой.

— Мне мерещится? — поинтересовался Дерек.

Вера обворожительно улыбнулась, сделала глоток из бокала и поморщилась: слишком крепко. Не на ее тонкий вкус.

— Нет, — ответила Вера, скользнула языком по аккуратно подкрашенным губам, слизывая винную каплю. — Разобралась со своим северным делом, уезжаю в десять вечера.

Дерек покосился на темный циферблат на стене: половина первого. Интересно, как именно Вера планирует скоротать этот день? Неужели не в самой приятной компании бывшего мужа?

— Аурика нашла мою коллекцию, — устало сообщил он.

Вера понимающе кивнула.

— Должно быть, потрясена, — предположила она.

Дерек осушил очередную рюмку, отметил, что мир начинает наполняться глухой хмельной тишиной, а к щекам подкатил румянец, значит, самое время заказать второй графин.

— Да. Потрясена.

Вера улыбнулась. Заботливо погладила Дерекка по руке — он поймал себя на мысли о том, что несколько дней назад душу бы продал за такое незатейливое прикосновение.

— Она тебя любит, — промолвила Вера с тихой, но неколебимой уверенностью. — Она сможет жить дальше с такими знаниями.

— Ты, помнится, испытала определенный душевный трепет, когда увидела ее, — произнес Дерек и поспешил уточнить: — Мою коллекцию. Я понимаю, что она пугает всех, кроме меня.

Он вспомнил тот вечер, когда показал Вере содержимое сундука, — они тогда были веселы, пьяны и почти счастливы, и Вера почти не

испугалась, словно ожидала чего-то в этом роде. Инквизиторам будто бы по чину положено хранить страшные трофеи и рассматривать их долгими зимними вечерами.

— Душевный трепет? — Вера пожала плечами. — Что ж, это можно назвать и так. Но я не твоя Аурика, на меня не следует равняться. Она хорошая девушка из приличной семьи, а я в этом плане человек все-таки испорченный.

Дерек подумал, что у нее остался широкий шрам под правой лопаткой после того, как он срезал квадрат кожи. А ведь Аурика держала в руках именно этот контейнер, с частичкой Веры. Что она могла подумать? Что ее работодатель и фальшивый муж калечит своих любовниц?

Пожалуй, да. Он бы на ее месте так и подумал. Мало того, что безжалостный убийца, так еще и извращенец, которого возбуждают немислимые вещи. Куда там Каролингу Люису с его ангелами.

— Я не ожидал, что твое семейное счастье будет настолько коротким. — Дерек решил сменить тему и посмотреть, как отреагирует Вера.

Оказалось, что никак, — его бывшая жена, как выяснилось, прекрасно владела лицом и сейчас выглядела доброжелательно-равнодушной.

— С чего ты решил, что все кончено? — ответила она вопросом на вопрос.

Дерек пожал плечами, осушил очередной бокал.

— Ну, если жена любит мужа, то не поскачет неведомо куда, едва закончился медовый месяц. Тебе бы сейчас дома сидеть, вышивать салфетки. Из кровати, прости господи, не вылезать. А ты — тут. В моей, смею надеяться, приятной компании.

По губам Веры скользнула тонкая улыбка, не сулившая ничего хорошего. Дерек понял, что задел ее глубже, чем ожидал.

— Деньги нужны, — сказала она.

Дерек презрительно фыркнул:

— У вас денег, что ли, нет? Мне-то не ври.

Насколько он помнил, муж Веры был профессиональным переплетчиком, известным на всю Хаому мастером. И заодно — одним из наследников кондитерской империи Таккервитов. Вера могла навсегда забыть о том, что такое проблемы с деньгами. В конце концов, она и сама была обеспеченной дамой.

— Хорошо. — Она промокнула губы салфеткой и сказала: — В какой-то момент мне действительно стало не по себе. Я не домохозяйка и при всем желании не смогу ею стать. Я люблю риск и приключения, а не

сидение дома возле окошка. — Вера сделала паузу и добавила: — И Дамьен это понимает. Он сказал, что не против моей работы, лишь бы я возвращалась к нему живой и здоровой, как раньше.

Дерек пристально посмотрел на Веру — вроде бы говорит совершенно искренне. А там поди знай, что у нее на душе.

— Я прошу прощения, а по мужской части он как, нормален? — Вопрос был абсолютно хамским, но Дерек проигнорировал мелочи.

Зато Вера тотчас же покраснела и выпалила:

— Да ты... Как ты смеешь!

Наверняка с превеликим трудом удержалась от пощечины — только потому, что никогда не любила скандалов на людях.

— Ну, просто если бы он был нормальным здоровым мужиком, то не отпустил бы тебя за тридевять земель, — уточнил Дерек. — Особенно в те края, где ты можешь встретиться с прошлым. Старая любовь не ржавеет, как говорится. — Он сделал небольшую паузу и добавил: — Я бы не отпустил.

— А у нас разве была любовь? — Вера говорила спокойно, но ее глаза стали ледяными.

— Разве нет?

— Дерек, не ври себе, — устало вздохнула Вера. — Я была просто предметом в твоей коллекции. Женщина с любовным проклятием, которое убивает всех, кто проведет с ней ночь... Тебя интересовало только это.

Во многом Вера была права. Дерек и сам не заметил, когда страсть коллекционера сменилась страстью мужчины к женщине. Но сначала его привлекло именно проклятие. Когда-то давно юную Веру отдали замуж за некроманта, который и «одарил» ее такой страшной особенностью — убивать любовников сразу же после акта любви. Дерек, помнится, привлек лучших артефакторов страны, чтоб суметь разомкнуть цепь проклятия, — и Вера вышла за него замуж, и они оказались в одной постели, и никто не умер ни тогда, ни потом.

— Это не совсем так, — сказал Дерек. — Но это уже не имеет значения по большому счету. И мы оба это понимаем. — Он осушил еще один бокал, подумал, что, к счастью, не обзавелся дурацкой привычкой закусьвать, и продолжил: — Я умею ценить тех, кто дарит мне тепло, и не гонюсь за теми, кто счастлив без меня. Ты счастлива, Вера?

Она не ответила. Упрямо смотрела в сторону, и некрасивые пятна румянца на ее щеках становились все больше.

— Скажи мне честно: ты счастлива? — продолжал наседать Дерек. — Или ты наконец-то получила то, о чем мечтала, и тебе стало скучно?

Скучно и тошно, потому что одно дело — любить человека недостижимой любовью, и совсем другое — каждый вечер ложиться с ним в кровать.

— Да, — устало сказала Вера. — Ты, конечно, хотел бы услышать другой ответ, но да, я счастлива. Мне просто непривычно и странно. Не больше. У меня нет опыта спокойной семейной жизни с любимым человеком, но он будет. Сейчас я хочу именно этого. А я обычно получаю то, чего хочу.

Дерек словно опомнился: понял, что говорил слишком громко, что выпил больше, чем мог себе позволить, что в кабаке набился народ, — веселые люди, предвкушающие наступление Нового года.

Он вдруг отчетливо понял, что Вера действительно была счастлива без него все эти месяцы. Понял и удивился тому, что не испытывает из-за этого боли. Значит, надеяться больше не на что и незачем. Все прошло.

Его душа напоминала пустую осеннюю улицу — ветер гнал по бульжной мостовой рыжие листья, а впереди была только зима.

— Вот и хорошо, — улыбнулся он, чувствуя почти физическую боль в груди от этой улыбки. — Тогда зачем ты здесь? Могла бы увидеть меня и пойти в другое заведение.

— А для чего? — усмехнулась Вера. — Я не бегаю от прошлого. Ты хороший человек, Дерек, и я меньше всего хочу с тобой ссориться.

Она казалась совершенно искренней, и Дерек решил, что ей можно верить. В конце концов, Вера права — перелистывать страницы минувшего лучше с легким сердцем.

— Что ж, — вздохнул Дерек, — тогда мне остается только пожелать тебе всего доброго. Счастливого пути.

— Нам нужно быть с другими людьми, — ответила Вера, и в ее глазах появились веселые искорки, знакомые Дереку по старым временам. — Нам обоим. Думаю, мы заслужили счастье, пусть и не друг с другом.

Что ж, с этим не поспоришь. Дерек и не собирался.

Потом они вышли из заведения и побрели по переулку в сторону гостиницы Веры. Сейчас, когда она каким-то небрежным, очень естественным жестом держала Дерек под руку, ему казалось, что нет ни упырей, ни Манипулятора — ничего нет, кроме зимы и этой женщины, которая больше ему не принадлежала. Шел снег, в переулке никого не было, и рука Веры казалась невесомой. Когда они приблизились к дверям гостиницы, Вера осторожно поцеловала Дерек в щеку и промолвила:

— Спасибо, что проводил.

От ее лица веяло холодом, а губы были теплыми и живыми. Дерек подумал, что она права. Раз уж расстаешься со своими несбывшимися

надеждами, то расставайся с ними по-хорошему. Он благодарно сжал тонкую руку в легкой вязаной перчатке и произнес:

— Счастливого пути.

И когда Вера скрылась за дверями, Дерек признался себе в том, что хотел сделать в эту минуту, — подняться вслед за бывшей женой в ее номер и отыметь ее, как последнюю шлюху. А потом убить. Его остановило лишь то, что он понимал: после этой смерти он никогда не сможет смотреть в глаза Аурике. Поэтому Дерек вздохнул, поправил шляпу и неспешным шагом двинулся в сторону дома.

Он вернулся домой поздно вечером. Аурика находилась в отчаянно-мрачном расположении духа. За этот день она успела поплакать от страха, уверить себя в том, что ничего страшного не произошло, и разревется снова.

Человек, в которого она почти влюбилась, был беспощадным убийцей. Аурика прекрасно помнила, с каким спокойным лицом он расправлялся с бандитами в лесу, — выпускал им кишки так, словно делал привычную работу.

В конце концов, чего она ждала от Вангейнского палача? И, стоит оставаться честной, он всегда был с ней добр и заботлив. Настоящий джентльмен... Тут Аурика вспоминала о локоне и куске кожи Веры, и слезы вновь подступали к глазам. Если Дерек так поступил с любимой женщиной, то даже представить страшно, что он может сделать с ней, когда перестанет нуждаться в ее услугах.

Внутренний голос кричал, что надо бежать. Взять деньги, что ей оставил Дерек, и немедленно уехать. С такими средствами она купит хорошенькую квартирку на берегу моря и забудет об этих снежных краях и о Дерекке Тобби с его страшной коллекцией. Но Аурика прекрасно понимала, что ничего у нее не получится. Она уже попробовала один раз — и чем все закончилось?

Ведь нет ничего гадкого и пугающего в том, что охотники вешают на стены головы убитых зверей, прославляя свою доблесть. По сути, Дерек делает то же самое. Убитые им колдуньи ничем не отличаются от хищников.

Успокоиться не получалось. Никак. Поэтому, когда Дерек вошел в комнату, Аурика испытала мгновенное облегчение: больше не нужно метаться в раздумьях, сейчас все решится так или иначе.

Дерек снова был нетрезв, и почему-то это испугало Аурику сильнее найденной коллекции. Она подумала, что алкоголь может подействовать

как спусковой крючок и высвободить то, что глубоко скрыто в этом изящном джентльмене. В конце концов, Аурика знает его тайну, и что ему помешает сейчас расправиться с чрезмерно любопытной работницей?

Потом положит в ящик еще один контейнер, вот и все. Пополнит коллекцию очередным экземпляром и будет рассматривать на досуге.

Некоторое время Дерек пристально смотрел на Аурику так, словно впервые ее увидел, потом подошел к креслу и произнес:

— Меня всю жизнь учили убивать. Делать живое неживым. А быть сволочью я научился сам. Это оказалось трудно. Даже очень трудно, но я справился. — Он помолчал и добавил: — Ну вот, теперь ты все обо мне знаешь. Больше никаких тайн у меня нет.

Откровенность далась ему тяжело, словно душу вывернули наизнанку.

— Да, — кивнула Аурика. — Знаю.

Сейчас ей невероятно, до спазма в горле, было жаль этого человека, имевшего огромную власть, но лишённого обычных радостей — любви, душевного тепла, дружеского участия.

— Я не хочу тебя терять, — промолвил Дерек с такой горечью и тоской, что Аурика едва не перестала дышать. — Ты делаешь меня тем, кем я никогда не был. Но если тебе тяжело, то я не настаиваю. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Дам тебе расчет в любую минуту и обеспечу всем на новом месте.

Аурика поднялась со стула и шагнула к нему. Книга, которую она машинально перелистывала весь день, пытаясь отвлечься, соскользнула с ее коленей, но Аурика этого не заметила. Дерек встал ей навстречу, обнял, и она, уткнувшись лицом в его плечо, поняла, что Дерек знобит то ли от страха, то ли от растерянности.

— Все хорошо, — промолвила она, всем телом чувствуя, как быстро и гулко колотится его сердце. — Я останусь.

На мгновение ей стало очень страшно, почти до обморока, но, когда Дерек осторожно взял ее лицо в ладони и поцеловал, страх исчез. Вместо него пришло тепло — оно пробилось откуда-то из самой потаенной глубины тела, заставило сердце биться быстрее и сделало ноги ватными. Аурика испугалась, что упадет.

Комната скользнула в сторону, над Аурикой проплыл потолок, и опора нашлась — Дерек опустил ее на кровать и негромко произнес:

— Похоже, нам сегодня не придется спать...

— Не придется... — так же тихо откликнулась она.

Весь знакомый мир будто бы исчез, сжался, и больше не было ничего, кроме этой комнаты, окна, за которым идет снег, и тихой ночи.

А потом была непривычная сладостная нега в чужих объятиях и желание раствориться в этой ласке, в этих медленных, изучающих прикосновениях. И Аурике казалось, что она падает, не удержалась на нити, протянутой над пропастью, и сорвалась. Это было настолько хорошо и сладко, что Аурика хотела, чтобы томительное глубокое чувство не кончалось.

Ей хотелось, чтоб так было всегда. Чтоб Дерек целовал ее властно, словно имея на это полное право, и в то же время с бесконечной, трепетной нежностью. Чтоб тепло, которое сейчас собиралось в низу живота, не таяло, а росло, туманя разум и заставляя кровь приливать к щекам в какой-то отчаянной попытке устыдиться самой себя. Чтобы горячие, слегка шершавые пальцы плыли по ее коже, оставляя мучительно жгучие следы, словно иероглифы.

Она опомнилась только тогда, когда пришла боль, — пронзительная, помрачающая рассудок, она буквально вытряхнула в реальность. Аурика вскрикнула, вцепилась в плечи Дерека, пытаясь оттолкнуть его, но тот удержал ее, легонько поцеловал в висок и успокаивающе шепнул:

— Все. Уже все. Уже прошло.

Чужая плоть по-прежнему заполняла Аурику, опалая и заставляя почти задыхаться, но боль действительно почти прошла, оставив лишь желание стать с Дерексом единым целым. И он как-то понял это, потому что улыбнулся светло и почти беззащитно и произнес:

— Ну вот и все. Ты моя. А я твой.

— Я твоя... — отозвалась Аурика. — А ты мой.

А потом боль исчезла совсем — Аурика запомнила лишь огонь, который разрастался в душе: он превращал скромную домашнюю девушку в бесстыжую фурию, сгорающую от желания. Они почти сразу поймали нужный ритм, и Аурика кусала губы, пытаясь сдержать крик. Леди никогда не кричит, даже подаваясь навстречу любовнику, даже когда ощущение наполненности заставляет дрожать, почти лишаясь чувств от наслаждения, даже...

Она все-таки не удержалась от крика — пылающая волна острого, ни на что не похожего удовольствия прокатилась по ее телу, заставив почти умирать. По животу и бедру мазнуло чем-то горячим, и Аурика, мокрая, растрепанная, балансирующая на грани обморока, вдруг поняла, что Дерек прав. Она принадлежит ему, каким бы он ни был.

«Я твоя, — подумала Аурика. — А ты — мой».

Она заснула почти сразу — казалось пережитое. Дерек лег поудобнее, прикрыл ее краем одеяла и подумал, что отвратительный день все-таки

закончился хорошо. Сейчас он чувствовал себя опустошенным и прощенным, грешником, наконец-то искупившим вину.

Сейчас можно было попробовать наконец-то расслабиться и не думать ни о чем плохом. На сегодня все плохое уже осталось позади. Не получилось. Мысли возвращались к тому, что сегодня случилось.

Он вновь и вновь вспоминал, как на улице шуршащий комочек «Письмовника», артефакта для мгновенной пересылки писем, ударил его по голове. Столичная вещица — в этом медвежьем углу о таком способе ведения переписки никто и слыхом не слыхивал. Упав на протянутую ладонь, «Письмовник» раскрылся с сердитым нетерпеливым чириканьем, и Дерек прочел сообщение, написанное знакомым почерком на плотной бумаге:

«Номер семнадцать. Ты мне нужен. Приходи».

Это было как неожиданный удар, выбивающий дух. В тот миг Дерек забыл обо всем, он рванулся назад так, словно от этого зависела его жизнь. В холле гостиницы никого не было, на стойке портье остывала чашка с кофе, и со стороны кухни доносился запах свежей выпечки. Дерек взбежал по мрачной неосвещенной лестнице на второй этаж. Нужный ему номер был в самом конце коридора.

Остановившись возле обшарпанной двери, он подумал, что все еще можно изменить. Что это его последний шанс на счастье, который нельзя упустить. Он был словно безумный или одержимый в эту минуту.

Дорожное платье Веры валялось на полу комнаты, словно сброшенный панцирь какого-то насекомого. Сама Вера, полностью обнаженная, светлая, похожая на фею или эльфа, скользнула к Дереку откуда-то сбоку, словно из засады. Хлопнула, закрываясь, дверь; губы Веры были теплыми и мягкими, а вся она — податливой, зовущей, утопающей в желании, и Дерек понял, что сейчас ему нужно только это.

Быть с ней. Обладать ею так, словно ничего не изменилось и не было никакой разлуки. Они снова были вместе, Вера вернулась и никогда не принадлежала другому.

В тот момент Дерек словно лишился разума. Он забыл обо всем — в его мире существовали только маленькие женские руки, снимающие с него рубашку. В висках пульсировало: «Моя. Не отдам никогда, никому. К дьяволу ее муженька». Но при всей одержимости на какой-то миг он все-таки смог оторваться от Веры — она удивленно посмотрела на него

затуманенным от желания взглядом и спросила:

— Что-то не так?

— Ты... — начал было Дерек, но Вера коснулась его губ, словно приказывала молчать.

— Ни слова, — прошептала она. — Ты мне нужен. Сейчас.

Все было как раньше: чистая страсть, обжигающие объятия и поцелуи, невозможность насытиться и утолить свое желание. И все оборвалось и рухнуло в тот момент, когда Вера мягко толкнула Дерек и медленно опустилась на него сверху, двинув бедрами в томительной жажде наслаждения.

Это была не Вера. Теперь он понял это совершенно точно, и наваждение пропало.

Вера могла бы бросить любимого мужа и уехать якобы на заработки. Вера могла быть циничной до жестокости. И да, Вера вполне могла бы затащить Дерек в постель просто потому, что старая любовь не ржавеет, или от скуки.

Но Вера никогда не была бы сверху. По каким-то личным причинам именно эта поза была для нее запретной. Кем бы ни было это существо, общение с ним не сулило ничего хорошего.

На мгновение Дерек расслабился, позволив рукам лже-Веры скользить по его груди, а водопаду каштановых волос с рыжим отливом — обрушиться на его лицо. Она ведь и пахла точно так же, как настоящая Вера, которая сейчас, должно быть, спокойно сидит дома с дорогим и любимым человеком и даже в мыслях не держит ничего похожего на интимные радости в компании бывшего мужа.

Потом он нанес удар. Такой, что лже-Вера захлебнулась воздухом и свалилась на кровать. Она почти мгновенно поняла, что ее разоблачили, и попробовала соскользнуть на пол, но Дерек не позволил: навалился сверху, вдавил в скомканные простыни и произнес:

— Кто ты?

Лже-Вера зашипела, дернулась в сторону в напрасной попытке освободиться. Черты ее лица налились злобой, и под ними проступило что-то темное, чужое и хищное, словно знакомое лицо смотрело на Дерек из глубин болота.

— Навка, — понял Дерек.

Лже-Вера издала разочарованный стон голодного хищника, от которого ускользнула добыча.

— Догадался... — проговорила она.

Дерек хищно ухмыльнулся. По счастью, его сюртук лежал на краю

кровати, и он мог добраться до него, не выпуская навку. Лезвие привычно легло ему в руку и с обманчивой легкостью прочертило полосу по груди лже-Веры.

Навка заверещала на всю гостиницу. Дерек отстраненно подумал, что на такой вопль обязательно сбежался бы народ, да вот только тут никого нет. Логово паука пусто. От раны, оставленной заговоренным лезвием, стал подниматься дымок.

Пожалуй, он все-таки недооценил Манипулятора. Создать навку намного сложнее, чем упыря. Манипулятор был очень опытным и очень сильным колдуном, и он был готов на все ради достижения своих целей.

— Где твой хозяин? — спросил Дерек.

Навка усмехнулась, обнажив ряды мелких острых зубов. Теперь, когда не было нужды притворяться, она медленно обретала собственный облик чудовища из страшных сказок.

— Ближе, чем ты думаешь, — рассмеялась она. — Гораздо ближе! Он смотрит в твои сны и знает все, о чем ты...

Лезвие вошло под правую грудь, и навка захлебнулась хриплым криком и умолкла, окончательно став собой: жутким чудовищем из снов, которое не имеет никакого сходства с Верой. Потом по комнате прошел ветер, и тварь рассыпалась по кровати грудой серого пепла.

Все закончилось. Наваждение исчезло.

Некоторое время Дерек сидел неподвижно, стараясь восстановить дыхание и хмуро глядя по сторонам. Теперь, когда больше не было необходимости поддерживать маскировку, гостиница постепенно обретала свой подлинный облик — старая развалюха, давно покинутая обитателями и не снесенная только по недосмотру. На кухне никто не пек хлеб, никто не пил кофе за стойкой регистрации. Тьма ушла, и призраки рассеялись.

Он не запомнил, как оделся, как выбрался на улицу, едва не свалившись на полуразрушенной лестнице, как прошел по давно заброшенному переулку, который населяли только пауки да крысы. Дерек вновь стал осознавать себя только после того, как пришел в полицейское управление и, сев за магофонический аппарат, набрал номер Веры.

— Полицейское управление Эверфорта, старший советник инквизиции Тобби, — официально представился он, когда установилось соединение и знакомый женский голос сказал: «Слушаю вас». — Мне нужна госпожа Вера Эшвуд.

— Дерек? — удивленно спросила Вера. — Это ты?

Дерек вздохнул, откинулся на жесткую спинку кресла и прикрыл глаза. Вера не покидала столицы, Вера готовилась встречать Новый год, и теперь

она действительно была просто частью его прошлого. Хорошей, светлой частью.

— Да, это я. У тебя все в порядке?

— Да, все хорошо, — ответила Вера. — Вот, утку запекаю по личному рецепту... А что случилось?

Вера на кухне. Вера — образцовая жена и хозяйка.

— Все в порядке, — ответил Дерек и с силой сжал переносицу. — Просто кое-что проверял. С Новым годом, Вера, счастья вам с мужем.

— Спасибо, — тепло ответила она. — Я рада, что ты позвонил. С Новым годом, Дерек.

Все оказалось именно так, как он и предполагал раньше. Вера была счастлива с мужем, а навка, принявшая ее облик по велению Манипулятора, осталась грудой пепла в полуразрушенном доме. Когда зеленый огонек на крышке телефонного аппарата погас, Дерек почувствовал себя свободным и легким, словно долгая болезнь миновала.

Он наконец-то исцелился.

Аурика вздохнула во сне. Дерек обнял ее, в очередной раз удивившись тому, до чего же она маленькая и хрупкая, и подумал, что, должно быть, все-таки заслужил право быть счастливым. Хотя бы ненадолго.

Но ему снова снилась Вангейнская резня. Он стоял перед огромным зеркалом в особняке Мейерна, аристократа королевских кровей, устроившего переворот, который почти удался.

Дерек был весь в крови. Лицо, одежда, руки, волосы были испачканы теплой липкой жидкостью с тяжелым металлическим запахом; кровь капала с лезвий его сабель, а в ушах шумело. Он прошел через особняк Мейерна в одиночку, и смерть шла с ним рядом. Ее негромкие шаги доносились откуда-то справа, и, косясь туда, Дерек видел высокую темную тень, которой никогда не отбрасывал сам.

Мейерн попробовал дать ему отпор. Сейчас его тело со вспоротым брюхом валялось этажом ниже.

За спиной зашуршало. Он не обернулся — просто прищурился, глядя в зеркало. Наброшенное на кресло покрывало шевельнулось и сразу же замерло. Под креслом кто-то сидел. Обычно Дерек не разбирался, кто прячется во тьме, а сразу наносил удар, но теперь просто сказал:

— Выходи. Я знаю, что ты там.

Разумеется, никто не вышел. Возможно, в эту минуту его брали на прицел. Но он просто повторил:

— Выходи.

Послышалось короткое всхлипывание, и из-под кресла вылезла девушка в сорочке. За ней выполз мальчик. На вид ребенку вряд ли было больше десяти лет. Да и девушка была очень юной... Тоненькая, бледная, с растрепанной каштановой косой, она казалась испуганным привидением.

Девушка была чем-то похожа на Аурику — правда, сейчас, во сне Дерек не знал, кто такая Аурика. Но от ее имени веяло весенним теплом, и темнота за плечом отступала.

Это были дети Мейерна, которые спрятались, когда Дерек вошел в дом. Каким же идиотом был этот толстопуз, мечтавший о короне, даже детей не увез подальше на случай провала! Видно, был уверен, что победит.

Мятеж не может кончиться удачей. Особенно когда в дом и штаб бунтаря входит инквизитор Тобби с саблями наголо.

Несколько минут они смотрели друг на друга. Мальчик спрятался за сестру, испуганно хватаясь за подол ее сорочки, а девушка не сводила взгляда с сабель. Несмотря на юный возраст, она прекрасно понимала правила игры и отлично знала, чем все закончится.

— Не убивайте Мишу, — прошептала она. — Я... Со мной делайте, что хотите. Но не убивайте Мишу, он же маленький... Умоляю вас. Не трогайте Мишу.

Конечно, Дерек их не тронул. В той реальности, которая уже давно стала историей, Вангейнский палач положил свои сабли на каминную полку, устало опустился в кресло и сказал: «Одевайтесь. Я выведу вас отсюда». И девушка бросилась к шкафу, потащила за собой брата, и на сборы у них ушло всего пять минут. А потом они вышли из комнаты и спустились на улицу по черной лестнице — и дети Мейерна не увидели ни крови, ни мертвецов, Дерек позаботился об этом. Он никогда не обольщался на свой счет и называл вещи своими именами — Дерек Тобби был изувером и душегубом, но к детям у него всегда было особенное, трепетное отношение.

При колоссальном состоянии Дерек содержание сирот было совершенно необременительным. Миша Мейерн раньше учился в кадетском корпусе, а Юлию Мейерн он опекал до тех пор, пока она не вышла замуж.

Но только сон живет по своим законам. И как только во сне Дерек сделал шаг в сторону девушки с растрепанной косой, наяву он начинал ворочаться и метаться в постели. Тогда Аурика гладила его по плечу, и кошмар отступал. Как и сейчас: сквозь сон Дерек ощутил прикосновение теплой ладони, и комната с зеркалом растаяла.

Дерек никогда не убивал детей. Ему и в голову не пришло бы насиловать девушку практически на трупах ее родителей. Кем бы он ни был, кем бы его ни считали, но у Дерека были свои принципы, и он строго их соблюдал. Только вот сон считал по-другому.

Большой новогодний бал, организованный бургомистром Говардом в собственном доме, был очень похож на те праздники, которые устраивали родители Аурики. В центре гостиной — огромная елка, украшенная золотыми шарами, таинственно мерцающей мишурой и алыми звездами, множество гостей, музыка, накрытый стол... Отличие было лишь в огромном количестве мясных блюд, но Аурика этому уже не удивлялась. Если хозяева и половина гостей — оборотни, то чего от них еще ждать?

Часть гостей действительно не отбрасывала тени. Аурика, которая уже знала, на что обращать внимание, делала мысленные пометки: вот почтмейстер, вот угрюмый господин из банка, который усердно старается веселиться, вот полицмейстер — он был настолько обрадован деятельностью Дерека, что ушел в бессрочный отпуск с сохранением жалованья. И то верно, лучше сидеть дома и не лезть в кровавую кашу, когда за тебя так и жаждет поработать столичный выскочка.

Оборотней было много, очень много. Кружась с Дерекком в незатейливом народном танце, Аурика думала о том, что в городе действительно случилась бы резня, узнай его жители о том, кто ими правит. И почему-то тишина и покой ее настораживали. Прокл предупреждал о намерении Манипулятора столкнуть людей и оборотней, но тот до сих пор не предпринял никаких действий, словно каким-то образом узнал о словах упыря и предпочел затаиться.

О том, что находилось под землей, пока ничего не было известно. Дерек усадил половину полицейского состава за архивные документы, но стражи порядка так ничего и не выяснили. То ли плохо искали, то ли искать было нечего.

— Ты слишком задумчива, — негромко заметил Дерек. — Это праздник, не стоит тащить сюда серьезные мысли.

В чем-то он был прав — Аурика понимала, что упускает очарование этого вечера. А ведь елка, только утром привезенная из леса, так свежо пахнет смолой и хвоей, так нежно горят огни, так легка и красива мелодия... В конце концов, Новый год — ее любимый праздник, первый праздник, который Аурика отмечает вдали от дома, и рядом с ней человек, которого она полюбила и который полюбил ее.

Аурика не обольщалась: она отлично понимала, что это будет трудная любовь. У бывшего министра Тобби слишком много тайн и скелетов в

шкафу, а работа сделала его упрямым и жестоким. Но Аурика видела от него лишь доброту, тепло и понимание и надеялась, что так будет и дальше.

Сейчас она чувствовала себя окрыленной: впервые за долгое время будущее действительно давало ей надежду.

— Я подумала, что надо написать родителям, — вдруг сказала Аурика. Конечно, они вычеркнули ее из жизни, но она-то про них не забывала. Может быть, теперь, когда прошло время и страсти улеглись, ее простят? — Рассказать, что со мной все в порядке, что я в Эверфорте...

— И что ты — моя жена, — добавил Дерек. — Документы готовы, теперь все официально.

На мгновение Аурика ощутила злость — ведь мог бы и у нее поинтересоваться! — но темное чувство растаяло почти сразу. Она ведь уже привыкла считать себя женой Дерека, носила его кольцо, и теперь все стало по-настоящему — они не стояли на коленях перед священником, но это было не важно.

— Мог бы и меня спросить, — шутливо ответила Аурика.

Танец закончился, и они пошли к столу с закусками и мороженым, возле которого смущенно топтался офицер Гресян, утром выписанный из больницы. Его рыжие волосы, казалось, стали еще ярче, а новенький парадный костюм сидел так, словно Гресян не знал, как с ним быть и куда в таком одеянии девать руки. Увидев Дерека и Аурику, он смутился еще сильнее.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась она после того, как мужчины обменялись приветствиями и Дерек потянулся к бокалу с вином.

Гресян ей нравился — было в нем что-то очень искреннее.

— Жив-здоров, — бодро отрапортовал офицер. Кажется, он был доволен тем, как смог проявить себя в бою с чудовищем. — Он меня так полоснул, что я в сторону улетел, о надгробие шмякнулся. Ну, думаю, все, конец мне. Буду кишки по кладбищу собирать. — Тут, видимо, Гресян решил, что в разговоре с дамой все-таки стоит избегать кровавых подробностей, и пробормотал: — Извините, госпожа Тобби. Ну, в общем, жив-здоров. Даст Господь — надеру еще Манипулятору то, на чем он сидит.

В конце зала Аурика заметила доктора Вернона. Как всегда взлохмаченный и подчеркнута небрежно одетый, анатом разговаривал с инквизитором Маркусом — вот тот искренне радовался празднику, спиртному и закускам, а уж количество дам, которым нравилась парадная инквизиторская форма, просто-напросто зашкаливало. Аурика подумала, что после случившегося в катакомбах доктор Вернон и близко к ней не

подойдет, но в ту же минуту анатом заметил ее и улыбнулся.

Дерек тоже уловил эту алчную улыбку и негромко шепнул Аурике на ухо:

— Пообщайся с ним. Этак ненавязчиво.

Аурика вопросительно посмотрела на него, словно не могла взять в толк, о чем он говорит. Гресян понял, что ему лучше отойти в сторонку и отдать должное большому серебряному блюду с мясными сэндвичами. Когда он удалился, Дерек произнес:

— Он так и не рассказал нам всей правды. Я уверен, что он узнал в упыре Прокла, раз видел его целых три раза.

— Почему же он промолчал? — удивилась Аурика и почти сразу подумала, что удивляться нечему, — страх надежно запечатал рот анатома.

— Во время допроса он утверждал, что разглядел только бледное пятно на месте лица, — произнес Дерек.

Аурика недоверчиво усмехнулась:

— Все три раза...

— Да, я тоже об этом подумал, — сказал Дерек и легонько подтолкнул ее в сторону анатома. — Мы с Маркусом сейчас разыграем партию в карты, а ты вымани доктора в малый зал. Там и побеседуете спокойно.

Аурика понимающе кивнула, смутно представляя, что именно она должна узнать и каким образом. В это время к ним приблизился Маркус и, поцеловав руку Аурике, весело предложил, словно прочел мысли Дерек:

— Друг мой, а не разыграть ли нам партию? Начнем с золотого с двойным повышением. Как тебе?

— Смотрю, дружище, тебе не терпится проиграться. — Дерек одобрительно похлопал приятеля по плечу, и они направились к карточным столам, где уже сидели важные господа с серьезными лицами, тасовались колоды и сытно позвякивало золото.

Доктор Вернон тем временем пригласил на танец какую-то девушку в скромном светло-сиреневом платье, но Аурика заметила, что он проследил, как она идет в сторону малого зала. Здесь было тихо и сумрачно. Закрыв дверь и словно отдалившись от музыки и голосов, Аурика подумала, что очутилась в каком-то другом таинственном мире. Малый зал был пуст — бал начался недавно, и сюда еще никто не пришел, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть от танцев. В камине весело трещал огонь, на столике нашлись нетронутое вино и закуски, возле окна стояла елка, украшенная красными и золотыми шарами, и в зале было почти по-домашнему уютно. Аурика опустилась на диван и подумала, что обязательно напишет родителям. Возможно, они решили, что блудная дочь пропала и погибла,

возможно, они обрадуются, что это не так.

Но, скорее всего, родители испытают смешанные чувства: чванливой гордости, потому что Аурика, при всех своих пороках, все-таки нашла мужа в чинах и с деньгами, да еще так быстро, — и откровенного презрения, смешанного со страхом, потому что чиновный и денежный муж — Вангейнский палач.

Скрипнула дверь, и в зал вошел доктор Вернон. «Быстро же он закончил с танцами», — подумала Аурика и почему-то ощутила внезапный холодок страха, пробежавший по спине. Хотя, казалось бы, чего ей опасаться? В доме полно народу...

Хотя упырь тоже нападал тогда, когда в домах было полно народу. Его ничто не останавливало.

— Здравствуйте, Август, — улыбнулась Аурика, стараясь выглядеть милой и спокойной. — Вы не сердитесь на меня?

— Не сержусь, — с какой-то залихватской простотой ответил доктор. — Я просто удивляюсь.

— Чему же? — любопытствовала она.

Вернон сел на диван рядом с ней, сцепил пальцы на колене и непринужденно ответил:

— Тому, что под маской наивной простодушной девушки оказалась вполне себе светская дрянь.

— Вы негодяй, — холодно промолвила Аурика и поднялась: после такого оскорбления она не желала и минуты оставаться в обществе доктора, и Дерек ее бы понял. Но Вернон удержал ее, схватив за запястье.

— И я снова ошибся, — сказал он. — Будь вы светской дрянью, не оскорбились бы так. Вы сочли бы мои слова за прямодушный комплимент, это уж точно.

— Пустите, — прошипела она, пытаясь выдернуть руку.

Вернон одарил ее мягкой понимающей улыбкой.

— Отпущу. Но с вас причитается.

Он тоже встал, не выпуская запястья Аурики.

— И чего вы хотите? — спросила она, вновь понимая, что теряет способность сопротивляться этому бешеному напору.

Доктор Вернон просто сминал ее, подавляя волю, и Аурика начинала чувствовать себя совсем маленькой и слабой. И покорной, точно глина в умелых руках скульптора.

— А чего мужчина может хотеть от женщины? — Вернон смотрел так, словно удивлялся тому, что Аурика не понимает элементарных вещей. — Вас, Аурика. Вернее, ваш поцелуй.

В общем-то Аурика была готова к чему-то похожему, но все равно растерялась. Взгляд доктора теперь был оценивающим: он ждал, как отреагирует Аурика, и она подумала, что это какая-то очередная провокация. Что он просто хочет посмотреть, как она поступит: выйдет из зала, закричит или все-таки согласится. За ней наблюдали, как за мухой под микроскопом, и это было самым гадким.

— Мой муж в соседнем зале, — промолвила Аурика, словно это могло что-то изменить.

Вернон ободряюще улыбнулся:

— Ну, здесь-то его нет. Дорогая моя, по вашей милости я провел три часа на допросе. Не говоря уж о членовредительстве в самом прямом смысле этого слова. Думаю, я заслужил небольшую компенсацию.

— Нас могут увидеть... — беспомощно промолвила она, вновь понимая, что сдается перед напором доктора.

Он вроде бы не говорил и не делал ничего особенного, но Аурикой овладевали вязкая слабость, покорность и желание не сопротивляться. Будь что будет.

— Мы одни, — негромко проговорил Вернон и мягко провел кончиками пальцев по щеке Аурики. — Там подали мясной пирог, так что сюда никто не сунется.

Ну конечно. Какой оборотень откажется от сытного мясного блюда? Все сидят за столом и набивают животы.

— Хорошо, — выдохнула Аурика. — Ответьте на мой вопрос, и тогда... ладно. Поцелуй так поцелуй.

Вернон довольно улыбнулся:

— Сколько угодно, дорогая.

— Что такое мндигва? — спросила Аурика, пристально глядя анатому в лицо.

Вернон нахмурился и ответил вопросом на вопрос:

— А вам это зачем?

Романтическое очарование момента, которое доктор так тщательно создавал, ментально улетучилось. Наваждение исчезло, и Аурика снова осознавала себя, не собираясь подчиняться чужой воле.

— Просто скажите, — с напором потребовала она.

Доктор не успел ответить. Пол под ногами мелко задрожал, и дом встрянуло, словно огромное здание хотело сбросить с себя что-то неприятное. Аурику буквально швырнуло в объятия Вернона, из большого зала донеслись грохот, звон разбитой посуды и крики боли.

— Что-то под землей, — прошептала Аурика. — Оно проснулось.

И кажется, Вернон понял, о чем она говорит.

Подземный толчок был всего один, но вероятность повторения землетрясения исключать было нельзя. Оставив Аурику в доме бургомистра, где практически мгновенно развернули штаб в кабинете хозяина, Дерек в компании Маркуса, Гресяна и пары инквизиторов двинулся в сторону заколоченного дома семьи Анхель. Он имел все основания полагать, что Манипулятор сейчас находится именно там. Если уж землетрясение подстроено, то заброшенный дом в точке некротического пробоя — как раз то, что нужно хозяину упырей, решившему перейти к непосредственному выполнению своих планов. Конечно, это место постоянно осматривали и проверяли, но ничего, кроме пауков и навалившейся тяжелейшей головной боли, так и не нашли.

Часть полицейских была отправлена на кладбище — Дерек думал, что, возможно, у Манипулятора появились новые упыри, тогда надо ждать нового нападения.

— Ну что, дружище, готов надрать задницу этому уроду? — Несмотря на то что осколок стекла ободрал ему правую щеку, Маркус был бодр, весел и готов к подвигам, как обычно. — Поймаем эту тварь до Нового года, сделаем всем подарочек?

Дерек хотел сказать, что не разделяет оптимизма приятеля, но промолчал. В трудные времена лучше сохранять бодрость духа, а не кислую физиономию.

Подземный удар прошелся по всему городу. Обитатели Эверфорта высыпали из домов, в ужасе похватав самое ценное, и теперь топтались во дворах, не зная, о чем думать, и предсказуемо ожидая худшего. «Ничего так старый год уходит, громко», — нахмурился Дерек и невольно обрадовался тому, что Аурика осталась в доме Говарда под присмотром. Вряд ли Манипулятор и его слуги станут нападать там, где находится множество народа.

Он вдруг подумал, что Манипулятор сейчас может быть не в заброшенном доме, а как раз у бургомистра. Дерек почти сразу же отогнал эту мысль как нелепую, но его успело пробрать почти могильным холодом. Ему вдруг стало ясно, что он никогда и никого не боялся потерять настоящему.

Возле дома семьи Анхель уже стояло несколько крепких ребят из народной дружины, вооруженных дедовскими охотничьими ружьями. Тени расчерчивали сугробы, и Дерек невольно подумал, что именно из этих ружей могли бы убивать городских оборотней, вот только Манипулятор

почему-то не спешил развязывать бойню. Готовился или выжидал? А может, передумал? Поменял планы?

— Ну что, орлы? — поприветствовал Маркус народную дружину. — Что заметили подозрительного?

— Ничего, — тотчас же отрапортовал самый мордатый из дружинников. От него вполне предсказуемо пахло крепким красным вином и страхом, но держался он молодцом. — Когда трянуло, мы сразу же сюда побежали. Обошли дом, в прихожую заглянули — ничего. Тихо. Даже стекла не побило.

— Может, это просто землетрясение? — задумчиво предположил Гресян. Судя по его мертвенно-бледному лицу, он хотел спрятаться куда-нибудь подальше и не отсвечивать рыжими волосами там, где творятся такие опасные дела. — Ну... то есть... обычное землетрясение без привязки к нашим проблемам.

Дерек усмехнулся. Иногда его просто поражала людская наивность. Впрочем, в случае Гресяна это, скорее, были необразованность и юность.

— Эверфорт стоит в самом центре равнинной плиты, Эдвард, — скучным голосом учителя географии произнес Дерек. — Тут не бывает никаких подземных толчков и никогда не будет, можешь не переживать. Так что, дорогой мой, к сожалению, это как раз наше дело. — Он обернулся к дружинникам и поинтересовался: — Фонари есть?

Фонари нашлись почти сразу, но когда все вошли в просторную прихожую выстуженного мертвого дома, Дерек подумал, что дополнительное освещение не понадобится. Из-под двери, ведущей в подвал, вырывались тонкие лучики оранжевого света, словно там медленно разгорался пожар.

Кто-то испуганно охнул и дотронулся до виска, отгоняя нечистого. Дерек мрачно подумал, что рыжие отблески не имеют никакого отношения к обычному пламени — он с товарищами сейчас стоял перед набирающим силу некротическим провалом.

В одном из учебников он когда-то читал описание этого явления. Рыжие всполохи сливаются в незримую волну, а за ними следует удар.

— Назад, — произнес Дерек каким-то хриплым, не своим голосом. Ему вдруг стало действительно страшно: он не испытывал такой пробирающей дрожи даже тогда, когда судьба сталкивала его с сильнейшими ведьмами. — Медленно и спокойно.

В эту минуту послышался сильнейший хлопок. На какое-то мгновение Дереку показалось, что он оглох, а этот мелодичный звон в ушах останется с ним до конца жизни. Потом его накрыло огненной волной, но огонь не

обжигал. Скотившись с тела дымящимися каплями, пламя свернулось вниз, на грязном полу. В воздухе повис тяжелый запах гари.

— Прошло, — неуверенно сказал кто-то, и Дерек увидел лицо Маркуса с шевелящимися губами. — Прошло! — повторил Маркус, встряхнул его и добавил: — Эй, старина! Вроде живы. Очнись, прошло все!

И тогда Дерек обернулся к остальным и увидел, как Гресян, стоявший позади всех, медленно-медленно оседает на пол, словно марионетка с перерезанными ниточками. По лицу офицера бежала кровь, а глаза были растерянными, очень детскими и несчастными — умирая, он не верил, что все это происходит именно с ним.

Потом Гресян рухнул на пол, и его глаза стали похожи на мутные стекла. Смерть подошла к нему, взяла за руку и сказала: «Пойдем, что ли? Нам пора».

— На него основная волна пришлась... — растерянно пробормотал Маркус, стягивая шапку.

Дерек прошел по прихожей, присел на корточки рядом с мертвым Гресяном, дотронулся до еще теплой шеи — пульса не было. По вискам расползлась темная сетка — именно там и ударила некротическая волна, и Гресян умер от кровоизлияния в мозг. Кто-то сзади горестно всхлипнул, и Дерек подумал, что коллеги любили рыжего офицера, причем любили очень искренне.

— Дьявольщина, — выдохнул он, выпрямляясь. — Какой хороший парень был.

Он вспомнил, как Гресяна облапошили ортодоксы и как пришлось приводить его в чувства холодной водой, как Гресян, словно ребенок, испугался заспиртованных уродцев в кабинете доктора Вернона и испытал мгновенную острую жалость — ту, что проникает в самое сердце, на мгновение лишая возможности дышать. Гресян действительно был хорошим человеком и погиб трагично и нелепо...

— Его нужно вынести отсюда, — произнес Дерек. — А мы пойдем в подвал... волна уже прошла, так что опасности нет.

Маркус посмотрел на него как на идиота.

— Дерек, — сказал он с той вкрадчивой мягкостью, с которой обычно говорят с душевнобольными, — ты предлагаешь проникнуть в свежий некротический прорыв?

— Волна нас не затронула, так что мы по большому счету в безопасности, — упрямо повторил Дерек. — Что ты предлагаешь, дружище? Пойти домой? Ждать, когда Манипулятор снова ударит?

Маркус хотел было добавить что-то еще, наверняка весьма

убедительное, но в это время один из дружинников, поднимавший тело Гресяна, удивленно ахнул, и Дерек услышал звон.

Из-под пальто мертвеца посыпались монеты — тяжелые грубые квадраты цвета медового золота с отверстием в центре. Маркус оторопело вздохнул и пробормотал что-то нецензурное. Дерек вполне разделял его изумление: это были золотые дублоны царя Хевельта, которые выглядели так, словно только что были вынесены из монетного двора. Но такие монеты давно вышли из обращения, и теперь их можно было увидеть только в музеях. Каждая из них стоила целое состояние, и практически нищему офицеру Гресяну, который с трудом сводил концы с концами и штопал мундир на локтях, просто неоткуда было их взять.

Последняя монета гулко стукнула о доски пола, и Дерек произнес тем тоном, который отбивает желание спорить:

— Это золото — улики. Даже не думайте о том, чтобы что-то забрать.

— Улики? — оторопело переспросил Маркус.

Видно, блеск дублонов слегка затуманил его разум, и он никак не мог опомниться.

— Их принесло волной, — объяснил Дерек. — Клад — вот что ищет Манипулятор. Вот что ему на самом деле нужно.

— Убийца... — негромко выдохнул сумрак и рассыпался звонким девичьим смехом. Так могла бы смеяться Вера в прежние времена, и навка об этом знала. Заглянула в сознание Дерека и прочла. — Убийца...

Манипулятор не сделал ничего особенного. Поймать навку на болоте — большого ума не надо. А дальше она все сделает сама, подчиняясь воле хозяина. Дереку еще очень повезло, что нечисть не все узнала о Вере, а то бы он умер счастливым. И возможно, не поверил бы, что умирает.

Гресян вот тоже не верил.

Дерек, который шел по подвалу, озаренному рыжими всполохами, сделал вид, что призрачный голос Веры не имеет к нему отношения. Некротическая энергия забирается в голову и запугивает тем, чего человек уже боится, не придумывая ничего нового, — правило, которое Дерек знал назубок. Пройди сквозь собственный страх и стань сильнее. Только так можно победить тьму снаружи и внутри.

Огненная волна давно схлынула, но подвал до сих пор был неплохо освещен: в воздухе мелькали остаточные золотые искры, озаряя каменную кладку. Маркус осторожно поддел что-то носком ботинка и каким-то не своим голосом произнес:

— Еще одна монета, старина. Озолотимся, если живыми выйдем.

Он хотел не говорить и искать улики — он хотел собирать золото. Дерек прекрасно его понимал: сам с трудом смог подавить в себе такое же болезненное стремление.

— Осталось понять, откуда их выносит, — глухо промолвил он. Вот и еще один дублон заманчиво сверкнул в пыли, словно подмигивая идущим; Дерек поднял его и механически убрал в карман. Монета была теплой и тяжелой. — Ради такого клада Манипулятор действительно горы свернет.

— Убийца! — рассмеялся сумрак, и Дерек увидел тень, которая с мерзким хихиканьем метнулась от него в дальний угол, к куче мусора. Он сперва подумал, что ему мерещится, но один из инквизиторов, который до этого предпочитал топтаться за спинами начальства, тотчас же подал голос:

— Господин старший советник! Там что-то есть!

Дерек и Маркус тщательно исследовали угол, в котором скрылась тень, но ни артефакты, ни обычный визуальный осмотр ничего не обнаружили. Когда Маркус разочарованно выпрямился, рыжий сумрак снова наполнился смехом и вышвырнул ему под ноги еще пригоршню монет, что со звоном раскатились по полу.

— Сдается мне, дружище, нас заманивают, — сказал он, собрав золото и спрятав в карман.

Двое инквизиторов смотрели на начальника с такой холодной алчностью, что Дерек невольно перевел потайной кинжал в рукаве в боевое положение. В конце концов, он видел, как убивали и за меньшее, а дублонов они собрали уже пятнадцать, с учетом того, что попало в несчастного Гресяна: с такими деньгами можно купить, например, половину Южной Лекии, стать владыкой и жить припеваючи. Заманчиво. Даже очень.

— Подбрасывают нам сладкие косточки, — поддакнул Дерек, — и внимательно следят, как скоро мы за них перережем друг другу глотки. А мы обязательно перережем, если не возьмем себя в руки. И тогда Манипулятору останется только прийти и унести все, что мы тут собрали.

Он уловил в своем голосе мягкие, почти томные интонации — ему в этот момент хотелось, чтобы кто-то из ребят Маркуса все-таки напал и получил по заслугам. «Убийца», — звонко рассмеялась навка в его голове, и наваждение исчезло. Волна ушла окончательно и унесла с собой чужую волю.

Всех остальных тоже отпустило. Люди в подвале выглядели так, словно очнулись после глубокого похмелья, и Дереку почему-то стало весело.

— Манипулятор хочет, чтоб мы сейчас перебили друг друга за это

золото, — сказал он, и один из инквизиторов тотчас же опустил глаза. Видно, и правда готов был убивать. А кстати, еще вопрос, настоящее ли это золото? Может, очередная дрянь от Манипулятора. — Четверть часа назад он жестоко расправился с нашим коллегой, так что я предлагаю всем взять себя в руки и не играть на стороне этой сволочи. Если вы со мной согласны, то я собираюсь забрать улики и подняться наверх. Больше мы здесь ничего не увидим.

К нему прислушались, пусть и без всякого удовольствия. Шагая по лестнице следом за Маркусом, Дерек думал о том, пустил бы его старый друг в ход свое оружие или нет. Деньги у Маркуса не задерживались, карточные долги долго не ждут, а прелестницы нуждаются не только в красивых словах.

Наверняка эти мысли тоже нашептывал Манипулятор. Если начинаешь сомневаться в лучших друзьях, то дело совсем худо. Это никогда не кончится ничем хорошим.

Снаружи снова началась метель, и народ, видя, что больше ничего страшного не происходит, потихоньку расходился по домам. Не топтаться же в новогоднюю ночь возле собственного порога, когда в доме есть что выпить и чем закусить. Единственное, что можно заработать на улице, — это отморозенный зад.

Тело Гресяна уже успели отправить в морг, и Дерек подумал, что доктор Вернон со всех ног поскачет туда — что может быть лучшим новогодним подарком для анатома, чем труп, особенно если анатом искренне влюблен в свое дело. Разве что Аурика? Но такого подарка ему точно не видать.

Интересно, Аурика действительно приняла своего мужа таким, каков он есть? Или просто выкупает себе жизнь и здоровье с помощью ласкового обращения, понимая, что даже такому изуверу, как Вангейнский палач, необходимы душевное тепло и понимание? И она дает их в тех количествах, которые не позволят заподозрить ее в неискренности, а сама просто терпит и радуется тем простым выгодам, которые у нее есть.

Дерек решил об этом не думать. Аурика сейчас в доме бургомистра, ей ничего не угрожает, вот и хорошо. Вкрадчивый шепот навки больше не имел над ним власти.

Монеты отвезли в полицейский участок, где Дерек составил опись и запер их в шкафу. Пятнадцать золотых продырявленных квадратов, каждый весом в четыре унции. Интересно, сколько их всего, если Манипулятор с такой легкостью расстался с ними? Воображение рисовало тяжелые, окованные железом сундуки с кладом. Да за такое сокровище можно не то

что невинных девушек-оборотней, а весь город уничтожить. Дерек откинулся на спинку кресла и устало отхлебнул безвкусный кофе, расторопно заваренный кем-то из полицейских.

Значит, Манипулятору просто нужны деньги. Город трясется от страха, родители прячут дочерей и пакуют вещи, изыскивая хоть малейшую возможность переехать, оборотни дрожат в страхе разоблачения и неминуемой гибели, полиция, как ей и полагается в таких случаях, трясется и бездействует, а Манипулятор знай себе таскает дублионы, открывая некротические провалы с помощью крови девственниц-оборотней. И волна приносит ему денежки прямо в руки. Удобно — не надо затевать раскопки в центре города, не надо делиться с государством большей частью найденного. Сплошная выгода и комфорт.

Гресяна жалко, из парня мог выйти толк. Да и вообще, умирать таким молодым — несправедливо и глупо. Вот только Дерек ничего не мог поделать с этой несправедливостью.

Интересно, чем сейчас занимается Аурика? Разумеется, праздничное настроение всех покинуло — особенно тех, кто был ранен при землетрясении. Но когда Дерек уходил из дома бургомистра, она была жива, здорова и полна решимости, которая позволяет сворачивать горы. «Должно быть, она занималась тем, что помогала пострадавшим, — подумал Дерек и хмуро добавил: — В компании доктора Вернона».

После того как переполох, вызванный землетрясением, несколько улегся, а часть гостей спешно покинула праздник, отправившись домой, Аурика обнаружила, что в доме бургомистра ей нравится намного больше, чем до этого. Слуги приглушили свет, и обстановка в гостиной сразу же стала сказочной, новогодней и таинственной, но эта тайна была доброй. Тайна пахла еловой хвоей, глинтвейном и яблочным пирогом, который предложили тем, кто предпочел никуда не уезжать. Все-таки главный праздник года остается праздником, даже когда рядом бродит серийный убийца.

Оставшиеся гости скоро разбились на группы и теперь взволнованно обменивались впечатлениями и прогнозами, не забывая при этом наполнять бокалы вином и класть на тарелку очередной кусок пирога. Аурика улыбнулась: вечер был похож на пикник.

Она часто ездила на пикники с родителями и соседями. Давнее милое время, когда она еще не умела говорить с мертвыми, а жизнь была тихой и предсказуемой, казалось сном, который почти выветрился из памяти. Осталось лишь легкое ощущение тепла и света, да и то — еле уловимое.

Должно быть, родители теперь не ездят на пикники. Аурика с невольным злорадством подумала, что друзья, наверное, задают им много лишних вопросов насчет дочери, так поспешно покинувшей дом. А рассказывать правду они бы никогда не стали.

Впрочем, батюшка был не лыком шит. Наверняка придумал какую-нибудь историю о внезапном наследстве в столице или о помолвке. Если Аурика напишет, что вышла замуж, то это подтвердит их возможные рассказы.

Доктор Вернон быстро оказал помощь тем, кто в ней нуждался, — по счастью, таковых было немного — и, вооружившись двумя бутылками вина и тарелкой пирога, решительно направился к Аурике, спугнув юную племянницу полицмейстера, которая до этого составляла ей компанию, сидя на противоположной стороне дивана с крайне строгой душеспасительной книгой.

— Целоваться не будем, — мрачно сказала Аурика, надеясь, что этим сразу же поставит доктора на место.

Вернон только улыбнулся. Его, похоже, ничем было не пронять.

— В другой раз поцелуемся, — невозмутимо ответил он. — Пока мне хватает того, что вы настолько удачно свалились в мои объятия. А потом вы снова передо мной провинитесь, это вопрос времени, а я вас так сразу не прощу. Тогда и заберу свой поцелуй, ну и что-нибудь еще. Вина?

Аурика подумала и не стала отказываться. Вино из бургомистровых погребов оказалось замечательным, тому, что подавали на праздниках в родительском доме, было до него далеко. Все-таки надо написать родителям, поздравить их — наступление Нового года в Запольских землях празднуют две недели. Вдруг мать с отцом обрадуются и простят ее...

Вдруг они волнуются и ищут Аурику? Вдруг им все-таки стало стыдно за то, что единственную дочь выгнали из дому? Вдруг мама плачет и смотрит в окно, надеясь увидеть Аурику, бредущую по дороге?

— О чем задумались? — поинтересовался Вернон. — Об упырях? Так они вам не страшны, их интересуют только невинные девы.

— О родных краях, — призналась Аурика и тотчас же спросила: — Август, почему вы такой едкий тип? Неужели вам самому это приятно?

— Едкий — чтоб не сожрали всякие зубастые, — рассмеялся Вернон, открывая одну из бутылок. Терпкая винная струя ударила в подставленный бокал, и в воздухе поплыл запах винограда, прогретого южным солнцем. — Каким мне еще быть? Я ссыльная сволочь, которая умудрилась войти в высший свет этого городишки, копаюсь в потрохах здешних покойников и имею полное право быть злым болтуном. Это моя, так скажем, законная

привилегия.

— Вам не идет, — откровенно заметила Аурика. — Вы бы мне больше нравились, если бы в вас было чуть меньше яда.

Вернон вновь улыбнулся, но его глаза остались серьезными и трезвыми, хотя запах говорил о том, что доктор уже успел как следует поклониться хмельным духам.

— Людей стоит принимать такими, какие они есть, и либо оставаться с ними, либо идти своей дорогой, — с тихой печалью произнес Вернон. — Впрочем, вы и без меня в курсе. Как еще можно жить с Вангейнским палачом, если не смириться с его особенностями?

Сегодня утром после того, как Дерек ушел в полицейский участок, Аурика заглянула в шкаф, но ящика со страшной коллекцией не обнаружила. Она не обольщалась: вряд ли он взял и отвез все на свалку, просто перепрятал так, чтобы Аурика не нашла. Убрал куда-нибудь на чердак или в подвал. Почему-то ей стало легче: когда не видишь, можно представить, что этого нет. Что миниатюрного персонального кладбища Дерек Тобби не существует и ей все просто приснилось. Бывают ведь страшные сны, после которых весь день ходишь сама не своя, не в силах найти себе места, — вот и это был такой же сон.

— Я не люблю прятать голову в песок, — сказала Аурика, тотчас же напомнив себе, что именно этим и занимается, стараясь не думать о жуткой коллекции. — Но и не люблю молчать, если мне что-то не нравится.

— То есть вы и мужу делаете внушения, когда бываете им недовольны? С этакой важной строгостью законной супруги? — удивился Вернон.

Аурика невольно улыбнулась. Что случилось бы, попробуй она попросить Дерек избавиться от коллекции? Как минимум он сказал бы, что не следует совать нос не в свое дело. А как максимум... Нет, лучше подумать о чем-то более приятном и спокойном. Спрятать голову в песок, да поглубже.

Мимо бесшумно прошел слуга с бутылками вина и бокалами на большом подносе. Из дальнего угла зала донесся смех. Праздник все равно остается праздником, даже если рядом неслышно бродят чудовища и заглядывают в окна. Или самые страшные чудовища живут в человеческих душах, а не где-то за гранью реальности?

— Разумеется, говорю. Это мой непосредственный долг и обязанность как хорошей жены, — улыбнулась Аурика и добавила: — Вы очень ловко делаете вид, что забыли про мой вопрос, Август.

Взгляд Вернона стал тяжелым и цепким. Собеседница оказалась не так

проста, как ему бы хотелось: он давно успел это понять и теперь просто убедился в очередной раз. Мимо прошел слуга с подносом, но Вернон отрицательно качнул головой.

— А зачем вам мндигва? — поинтересовался он, когда слуга отошел к поманившим его дамам. — Хотите кого-то погрузить в летаргический сон?

— Видела упоминание об этом зелье в «Истории Южной Лекии», — быстро нашлась Аурика. — Но без деталей.

— Как это мило, — ухмыльнулся Вернон. Разумеется, он понял, что Аурика соврала. — Юная леди читает книги по истории вместо вышивания и сплетен с подружками.

— Вы отпугнули мою подружку, — парировала Аурика. Племянница полицмейстера уже нашла себе компанию среди девиц, обсуждающих способы гадания на женихов. Одна из девушек, достав зеркальце из расшитого южным бисером ридикюльчика, показывала, как надо его правильно держать, чтоб в прозрачной глади появилось отражение суженого-ряженого. — Итак?

— Это яд одноименного южного растения, — сухо сказал Вернон тоном ученого за кафедрой лектория. — Добывается, насколько я помню, из листьев. Такие толстые, мясистые листья... Вводит человека в кому, неотличимую от смерти. После похорон заказчик выкапывает погребенного и оживляет с помощью определенных техник. Но в наших краях, разумеется, мндигва не растет, тут слишком холодно. А теперь скажите, почему это вас интересует на самом деле?

Аурика улыбнулась.

— Исключительно в познавательных целях, — искренне ответила она. — Я вообще любопытна от природы.

— О, я в этом убедился, когда имел глупость пойти с вами в катакомбы. — Вернон поморщился, явно вспомнив общение с Дерексом. — В ваших краях все такие любопытные? Откуда вы родом, кстати?

— Из Запольских земель, — ответила Аурика. — Далеко отсюда.

— Я жил еще дальше, — вздохнул Вернон, и в его голосе прозвучала неподдельная печаль. — Большое Приморье — знаете, где это?

Аурика кивнула. Большое Приморье было крошечным полуостровом, этакой каменной запятой на южном подбрюшье материка. «Юг, — подумала Аурика. — Причем дикий юг. И там вполне можно обнаружить мндигву».

Она провела вчерашний день в библиотеке и вычитала про это ядовитое растение намного больше, чем собиралась показывать доктору Вернону. В том числе и о том, что в Большом Приморье находится один из

очагов произрастания мндигвы.

— Вы, наверно, давно не были дома, — с сочувствием сказала Аурика. Вернон неопределенно пожал плечами.

— Не сказать, что очень, — произнес он. — Я выбирался весной на похороны однокашника. Печальный повод вернуться на родину. Да и чуть больше месяца назад тоже уезжал.

Мысленно отметив, что убийства начались как раз по весне, она призналась:

— А меня родители выгнали из дому. Во мне открылись способности к некромантии, и дома был страшный скандал. Так что даже не знаю, когда я смогу вернуться и смогу ли вообще.

«Должно быть, никогда», — печально подумала Аурика. Некромантка и супруга Вангейнского палача. Родители на порог не пустят.

— Мне жаль. — Вернон взял Аурику за руку, мягко погладил по запястью. — Но, возможно, они простят вас? Вы пробовали помириться?

— Все собираюсь им написать, — призналась Аурика. — Но никак...

Она не договорила: в гостиную вошел Дерек с полицией и, бегло осмотрев негромко беседующих гостей бургомистра, быстрым шагом двинулся в сторону Аурики.

— Доктор Вернон, — произнес он, подходя, — вы арестованы.

И офицер Мавгалли, топавший за ним, сразу же достал наручники.

Глава 7

ЗОЛОТО

Из-за того что доктора Вернона уволокли в участок, придавая скорость пинками и затрещинами, вскрытие офицера Гресяна было перенесено на неопределенный срок. Стоя в прозекторской перед столом для вскрытия, Аурика смотрела на мертвого Эдварда и с трудом сдерживала слезы.

Мавгалли, топтавшийся в дверях и нервно крутивший в руках форменную кепку, вздохнул:

— Госпожа Тобби, может, вам все-таки не стоит...

Сейчас Гресян казался совсем молодым, не мужчиной, а подростком, которого по какой-то злой и нелепой случайности забросило сюда, на этот ледяной стол. Хмурый работник анатомического театра — помощник Вернона подготовил тело для вскрытия, и Аурика, с жалостью глядя на мертвеца, думала, что все гадкое безобразие смерти заключается как раз в том, что она обнажает, но не дает возможности ни защититься, ни прикрыть свою наготу. Руки Гресяна тяжело вытянулись вдоль тела, и весь он был похож на марионетку, которую скоро уберут в коробку и уже никогда не достанут.

Аурика взяла чистое полотно из стопки на столе и набросила на мертвеца. Ей казалось, что так будет правильно. Что Гресян заслужил хоть какую-то часть посмертной заботы. Что человек не должен лежать вот так. Что люди — не вещи.

— У него есть родственники? — спросила она.

Мавгалли мотнул головой:

— Сирота. — Он сунулся было за трубкой, но вспомнил, что в морге нельзя курить. — Он приبلудный вообще-то. Лесники однажды обход делали и нашли его в лесу: то ли ортодоксы откуда увели и заморочили, то ли что колдовское... Воспитывался при храме, там у нас традиционно побродяги отираются. А потом господин Макс приметил, что паренек-то шустрый, ну и приспособил к нашей работе. Справлялся — любо глянуть...

Мавгалли шмыгнул носом и вдруг провел ладонью по глазам. От этого стало еще горше, и Аурика отвела взгляд.

Значит, семьи нет. Некому похоронить, некому оплакать. Коллеги все-таки не в счет — вряд ли они будут долго горевать по Гресяну. Так, помянут иногда на посиделках, когда поднимут стакан за тех, кого нет рядом. Гроб

опустят в мерзлую землю кладбища, на могиле поставят памятник за счет города, и через пару недель никто и не вспомнит, что Гресян был на свете, что кого-то любил и на что-то надеялся.

Аурика погладила покойника по спутанным рыжим волосам и все-таки не удержалась — слезинка сорвалась и упала на стол для вскрытия.

— Эд... — вздохнула Аурика. — Ох, Эд... Мне очень жаль. Господи, мне так жаль...

— Хороший парень был, — поддакнул Мавгалли дрогнувшим голосом. — Лопух, конечно, невероятный, но хороший.

После того как Вернона увезли, Дерек выслушал быстрый рассказ Аурики о том, что она смогла выяснить в беседе с доктором, и велел собираться: Мавгалли было приказано отвезти ее в анатомический театр к телу Гресяна.

Почему-то Дерек был уверен, что мертвец заговорит и расскажет о Манипуляторе. Аурика не могла сказать, откуда взялась такая уверенность, но спорить не стала — смерть несчастного Гресяна, неожиданная и нелепая, поразила ее до глубины души.

Эдвард лежал тихо и недвижимо, как и полагается мертвецу. То ли не хотел говорить с Аурикой, то ли ему просто было нечего сказать.

— Мне очень жаль, — повторила Аурика, понимая, что все слова сейчас лишены смысла. Важным были лишь сочувствие и понимание — именно то, что она могла дать несчастному Эду, то, что она давала всем остальным ушедшим, пусть они больше и не нуждались в этом.

Аурика не уловила тот миг, когда Гресян повернулся к ней, просто поняла, что мертвец уже какое-то время пристально смотрит на нее. Его взгляд был тихим и спокойным — Эд смотрел на оставленный мир без боли и печали.

«Ты хорошая, — прошептал в голове призрачный голос, похожий на шуршание бесчисленных льдинок. — Ты очень хорошая, Аурика. Мне будет очень жаль, если ты погибнешь».

Аурика вздрогнула, отшатнулась от стола, но та сила, которая заставляла Гресяна говорить, не позволила ей отойти.

— Эд... — прошептала она и погладила мертвеца по холодной щеке. — Ты знаешь, кто Манипулятор?

До Аурики донесся слабый вздох сожаления. Шуршание льдинок приблизилось, и Аурика услышала в нем тихий звон колокольчиков.

«Я чувствую, что он где-то рядом, — откликнулся Гресян. — Береги себя, Аурика, постарайся выжить. — Он сделал паузу и добавил: — А еще лучше — уезжай отсюда как можно дальше. Уезжай, пока у тебя еще есть

время».

И все закончилось. Аурика опомнилась, отошла от стола и практически без сил опустилась на расторопно подставленный Мавгалли колченогий табурет. Похоже, дела развивались от плохого к худшему, и Аурика сейчас не знала, что со всем этим делать. Дерек, к сожалению, тоже не знал — у нее сложилось впечатление, что он прицепился к Вернону просто ради того, чтоб прицепиться.

Анатом не нравился ему с давних-предавних времен. Вот и выдался случай снова свести счеты.

— Плохо, да? — Мавгалли с прежней расторопностью поднес Аурике стакан воды, и она подумала, что этот краснолицый офицер по большому счету неплохой человек. Что он надежный и готов прийти на помощь, как и полагается офицеру. — Что он сказал?

— Что Манипулятор рядом, — ответила Аурика.

Мавгалли печально вздохнул.

— Эх... — уныло проронил он и устало махнул рукой. — Это мы и без него знаем.

— Дерек, дружище, прошу тебя. — Бургомистр, который отправился в полицейский участок за инквизиторами и арестованным Верноном, повторял эту немудреную фразу уже в пятый раз. — Ты только без членовредительства, хорошо? Это единственный анатом на весь регион. Его помощники всего лишь санитары.

Говард придерживал Дерекa под локоть, словно пытался остановить руку, которая готова ударить. Дерек отстраненно подумал, что ему хватило бы одного движения, чтоб, например, освободиться и выбить старому другу большой палец.

Впрочем, Говард пока не мешал и не раздражал, просто заботился о делах города, как и полагается грамотному бургомистру. Дерек удивился бы, если б дела складывались иначе, и Говард, например, советовал бы: «Давай, подвесь его за ноги и вытряхни все, что скрывает этот тощий мешок».

Вернона, который уже стал завсегдаем полицейского участка в качестве подозреваемого, несколько попинали по дороге. Как в таком случае выражается протокол, доктор Вернон трижды упал возле экипажа лицом на ступеньки. Бывает. Зима, скользко, а джентльмен еще и нетрезв.

— Хорошо, — хмыкнул Дерек в очередной раз. — Не переживай, не покалечу. Я легонько, правда.

Бургомистр вздохнул с облегчением, но, кажется, все-таки не поверил до конца, и Дерек, оставив его в своем кабинете, направился в допросную. На месте бургомистра он бы тоже не поверил Вангейнскому палачу.

Дерек с удовольствием убедился, что доктора Вернона уже успели подготовить к допросу третьей степени. Он пока еще просто сидел на табурете, но одежду с подозреваемого сняли, не оставив даже белья. Бывший министр заметил свежие синяки, которые наливались на боку и левом предплечье доктора.

Инструменты для допроса здесь содержались в идеальном порядке, лежали в открытом ящике чуть поодаль. Вернон мрачно косился в их сторону, но пока не терял присутствия духа. Дерек заглянул ему за спину, посмотрел на старые шрамы, делавшие человеческую кожу похожей чуть ли не на драконью, и деловито заметил:

— Должно быть, они сильно ноют на погоду, эти ваши отметины. Ноют?

Вернон криво ухмыльнулся. Он старался бодриться, но обстановка допросной уже начала ломать его: доктор был бледен, и Дерек заметил, что на его виске нервно бьется синяя жилка.

Они оба знали, чего ждать друг от друга. Это тоже была встреча старых знакомых, пусть и в столь оригинальном месте.

— Значит, это правда — то, что о вас говорят, — процедил доктор. — То, что вы предпочитаете рассматривать мужчин, а не дам.

Дерек мысленно похвалил Вернона за такую лихость. Надо иметь большую силу духа, чтоб хамить палачам, находясь в допросной без порток. Или же это не сила духа, а несусветная глупость?

— Нет, я по женскому полу... в основном, — многозначительно сказал он и, сев за стол, придвинул к себе папку с бумагами по делу Манипулятора. — Итак, Август. Отвечаете честно — идете домой, и мы с вами остаемся хорошими друзьями. Со мной лучше дружить, чем враждовать, вы это прекрасно понимаете. Если вы сохраняете привычную дерзость и не отвечаете — ну что ж, тогда я зову своих коллег, и мы устраиваем вам маленький личный Левенфосс. Или... — Дерек посмотрел на Вернона настолько холодно и плотоядно, что анатом отшатнулся и побледнел. — Или вами займусь я лично. И вы сможете судить о моих интимных пристрастиях уже с позиций личного опыта. Правда, вряд ли кому-то потом об этом расскажете — вам будет стыдно вспоминать.

— Только не это, — прошептал Вернон.

С него мигом слетел весь кураж, он будто очень четко понял, что сидит в допросной и что с ним не собираются шутить.

— Вот и ладненько. Тогда у нас просто спокойный разговор старых товарищей. — Дерек ободряюще улыбнулся, поднялся и, подойдя к анатому вплотную, произнес: — Итак. Меня сейчас интересует только одна вещь: кто поджег архив морга?

— Я не знаю, — прошептал Вернон и как-то сжался, словно пытался защититься.

— А почему его подожгли, знаете? — поинтересовался он. — У вас наверняка есть предположения. Ведь есть?

— Из-за бумаг по вскрытию Большого Прокла, — торопливо ответил Вернон. — В его крови и тканях было повышенное содержание экстракта мндигвы. Я знал, что он поднимется. Это было предсказуемо. А поджигатель хотел все это скрыть.

Дерек печально усмехнулся. Конечно, Манипулятору надо было замести следы.

— Почему же вы об этом не рассказали? Сразу же, когда я спросил о поджоге? — доброжелательно поинтересовался он. Вернон поднял голову и хмуро посмотрел ему в лицо.

— Чтобы меня сразу же записали в убийцы? — В голосе анатома звучала настоящая дрожь.

Куда-то делись и дерзость, и отвага: сейчас перед Дерекком сидел изможденный и несчастный человек, готовый шарахаться от собственной тени. Видно, за время деятельности Манипулятора Вернону многое пришлось пережить и обдумать.

— Бывший каторжник — первый подозреваемый, правда? Кто бы стал меня слушать? Сперва сквозь строй, потом разберемся, уж я-то знаю.

Дерек неопределенно пожал плечами. По большому счету Вернон прав. Он бунтарь, который не оставил прежних вольнодумных затей, а такие затеи требуют денег. Например, квадратных дублонов.

Ему показалось, что он хватается за соломинку, а та выскальзывает у него из рук.

— Зачем вы ездили на родину? — продолжал Дерек.

— На похороны товарища, — ответил Вернон. — Там меня видело множество людей. Мндигву не привозил, если вы об этом.

— Кому вы говорили о том, куда и зачем едете?

Вернон неопределенно пожал плечами.

— Да все знали, куда я подался, — ответил он. — Что тут скрывать?

Все правильно: маленький город, в котором ни у кого нет секретов. Дерек покосился на старые часы на стене — половина второго ночи. Думал ли он, что встретит Новый год в допросной? — и вновь одарил Вернона

ободряющей улыбкой.

— Вас хотят подставить, Август, это совершенно понятно, — сказал он. Вернон вздрогнул, и в его глазах появился недоверчивый блеск. — Я вам верю, у вас не было злого умысла. Скажите мне вот еще что... Вы ведь много знаете и много подмечаете. Куда делись все артефакты после того, как здешнее отделение инквизиции было закрыто?

Он прекрасно знал ответ: по протоколу закрытия все документы и вещи опечатываются и отправляются в столицу, но хотел услышать, что скажет об этом Вернон.

— Их увезли, — ответил анатом, нервно поежился и тотчас же добавил: — В ваше министерство, по-моему. Тогда многих позвали участвовать. Мы с полицейскими помогали собирать, Гресян таскал в экипаж. Коробки были большие, но он не жаловался...

— Понятно, — кивнул Дерек. Пройдя взад-вперед по допросной, он подошел к Вернону, дружески похлопал его по влажному плечу. Анатом содрогнулся всем телом, дернулся в сторону, но кандалы не дали ему сбежать. — Ну что ж, Август, ваша честность меня радует. Но отпускать вас я, конечно, не собираюсь. Посидите тут еще какое-то время... знаете почему?

— Почему? — спросил Вернон.

Дерек подумал, что такие перепады настроения на допросе иногда полностью уничтожают человека. Но доктор все-таки был крепким орешком. Он держался, и, в общем-то, держался неплохо.

— Потому что вы станете приманкой для Манипулятора, — ответил Дерек. — Не бойтесь, больно не будет. Теперь вы работаете со мной.

Одежда Вернона была аккуратно сложена на скамеечке в углу допросной. Дерек освободил доктора и с удивлением заметил, что тот дрожит даже теперь, когда ему уже не угрожали и допрос окончился. Вернон доковылял до скамейки и практически рухнул на нее, закрыв лицо ладонями. Все-таки сломался.

— Ничего, Август, это все ничего, — с усталым сочувствием произнес Дерек. В столе по протоколу всегда была бутылка крепкого спиртного и стакан — поправлять нервы от особо упрямых подозреваемых. Дерек сунулся в стол, вынул бутылку и, плеснув в стакан отвратительного рома, подошел к доктору. — Сейчас оклемайтесь. Ну-ка, выпейте, не стесняйтесь.

Вернон принял стакан и сделал глоток. Его руки мелко тряслись, и на какое-то короткое мгновение Дерек ощутил жалость и сочувствие.

— вспомнились, знаете ли, прежние времена, — промолвил

Вернон. — Не верилось, что уйду от вас дважды.

Дерек вздохнул, взял из стопки одежды рубашку и, расправив, накинул ее на плечи анатома. Тот поежился и снова отпил из стакана.

— Я невинных не мучаю, — хмуро сказал бывший министр.

Вернон поежился и, отставив стакан, сунул правую руку в рукав. Вряд ли он думал, надевая эту рубашку перед праздником у бургомистра Говарда, что ее снимут с него полицейские в допросной.

— И с вашей женой я не спал, — вдруг признался Вернон.

Дерек пристально посмотрел на него: в груди что-то дрогнуло, словно кто-то далекий подцепил пальцем туго натянутую струну.

— Я знаю, Август, — мягко ответил он. — Знаю.

Передав доктора Вернона полицейским, которые искренне удивлялись тому, что Вернон трясется от страха, Дерек решил отправиться в анатомический театр. Он велел Аурике дожидаться его там и рассчитывал, что общение с Гресяном принесет какие-то плоды.

Доктора должны были запереть в той части здания, которая носила гордое название Южной башни. Дерек заглянул туда перед допросом и убедился, что там все готово для его плана. Можно было спокойно уходить.

Новогодняя ночь была морозной и звездной. По опустевшим улицам гулял ветер, швырял по мостовой скомканную полосатую упаковку от коробки с подарком. Откуда-то со стороны набережной доносились веселые крики, пение и хлопки — несмотря на землетрясение и происки Манипулятора, праздник оставался праздником, с весельем и петардами, которые запускали над рекой. Дерек вдруг понял, что со всей этой суетой так и не купил подарок для Аурики, и посмотрел по сторонам: вроде бы где-то здесь, в районе моста, был ювелирный магазин.

Что еще дарить красивым женщинам, как не дорогие украшения?

— Собак спущу! — рявкнул мужской голос из-за дверей лавки после того, как Дерек несколько раз повернул пуговку звонка.

Надо же какой негостеприимный.

— Двести золотых карун! — ответил Дерек той волшебной фразой, которая способна открыть любой замок.

Дверь тотчас же распахнулась, и хозяин, который, судя по криво сидящему на голове колпаку и халату нараспашку, уже собрался почивать, самым любезным и сладким тоном проговорил:

— Добро пожаловать! Чего изволите?

Несмотря на всю провинциальность Эверфорта, здешний ювелирный магазин оказался очень достойным местом. Дерек вдумчиво изучил предложенные ювелиром украшения — разумеется, не те, что лежали на

витринах, хозяин вытащил из сейфа несколько коробок для особых покупателей. Дерек выбрал комплект с розовыми бриллиантами и жемчугом.

Аурике должно понравиться. Она не выглядела избалованной красоткой, которая морщит носик при виде недостаточно дорогих подарков, — и Дерек вдруг поймал себя на мысли о том, что ему хочется наряжать ее, словно куклу. Дать красивую жизнь, которой она не знала.

Вряд ли это, конечно, возможно, пока Манипулятор не пойман. Дерек неожиданно обнаружил, что совершенно не имеет представления о том, какой должна быть нормальная семейная жизнь. Да и доступно ли обычное семейное счастье такому, как он?

Где-то снова хлопнула петарда. «Дьявольщина! — выругался Дерек. — Два часа назад убили офицера полиции, Манипулятор снова высунул рыло, а я думаю о каких-то пустяках! Впрочем, пустяки ли это...»

Несколько окон анатомического театра были освещены. Дерек прикинул их расположение и понял, что Мавгалли хватило ума увести Аурику из зала для вскрытия и устроиться в кабинете доктора Вернона. Так и оказалось: быстро пройдя по коридору мимо пугающих масок и банок, парящих в полумраке бледными призраками, и поднявшись по тускло освещенной лестнице, Дерек заметил приоткрытую дверь и услышал негромкое, но очень энергичное:

— И я ему кричу: «Волыну на пол и грабли в гору, харя! И без шуток, понял?» И тут тумба со свистом проносится мимо меня и пробивает стену. Во-о-от такая дырища! Фришт так заорал — галки с веток попадали! А еще офицер...

Все понятно: Мавгалли делится захватывающими историями из бравой жизни полицейского. Выдуманными, конечно. Правильно, в общем-то, делает: если приходится сидеть в морге, то лучше травить веселые и героические байки, чем шарахаться от каждой тени. Молодец Мавгалли. Из него тоже выйдет толк.

Мавгалли оказался молодцом еще и потому, что решил: лучшее средство от девичьих нервов, да еще и в новогоднюю ночь, — это стаканчик крепкого. Крепкое, разумеется, нашлось в закромах доктора Вернона, которые Мавгалли выпотрошил с истинно полицейской небрежностью, и теперь Аурика выглядела намного спокойнее и веселее, чем ожидал Дерек.

— Ничего я не узнала, — разочарованно сказала она после обмена приветствиями. — Эд со мной заговорил, но не сказал, кто Манипулятор. Посоветовал уезжать отсюда, потому что он рядом.

Неудивительно. По большому счету Дерек и сам бы предпочел, чтоб Аурика уехала и переждала мрачное время где-нибудь в более безопасном месте. Может, лучше прямо с утра отправить ее в столицу? Поживет в его доме, в уюте и тишине, пока все это не кончится...

Но он, конечно, никогда не сказал бы этого вслух. Дерек понимал, что не сможет расстаться с нею, и знал, что она никуда не уедет, даже если он прикажет. Ему хотелось верить, что Аурике тоже не хочется оставлять его.

Когда они добрались до дома и шли по заснеженной дорожке к дверям, гостеприимно освещенным теплым светом фонаря, Дерек вспомнил про футляр с украшениями во внутреннем кармане пальто. Вытащив его, он запоздало подумал, что подарки не дарят вот так, на ходу, но Аурика уже успела заметить футляр, и Дерек чуть ли не смущенно произнес:

— Это тебе. С Новым годом.

А потом затылок взорвался невыносимой болью, заснеженная дорожка вдруг очутилась как-то очень близко, и в лицо ударил лед, обдирая кожу. Кажется, Аурика закричала, но Дерек уже рухнул в темноту, пахнущую зимой и ветром, и в ней растаяли все звуки. Все исчезло.

Доктор Вернон опустил невесть где найденную битую для лапты, пнул распростертого в снегу давнего врага и произнес:

— Не будем терять время даром, милая. Нам пора.

— Вы... вы убили его! — вскрикнула Аурика и попыталась нагнуться к безжизненному телу, но Вернон тотчас же подхватил ее под локоть и крепко прижал к себе.

— Чтоб его убить, одной биты мало, — заверил он. — Вот идиоты, заперли меня в Южной башне. А там в нужнике такая дыра, что слон пролезет.

— Вы его убили! — повторила Аурика, и по ее лицу потекли слезы.

Вернон усмехнулся и что-то бросил на снег. Кругляш артефакта был похож на те, которые раньше использовал Дерек для перемещения, но только золотой, а не серебряный.

— Нам пора, милая, — произнес он, и Аурику затянуло в серый дым, чтобы через несколько мгновений выбросить на деревянный пыльный пол во мрак нежилого помещения.

Вернон рухнул рядом и тотчас же вскочил и помог подняться Аурике. Она увидела, что находится в мрачной гостиной. Единственным источником света служила луна, которая слепо таращилась в грязное окно и едва обозначала своими лучами очертания скудной мебели.

— Не королевские палаты, разумеется. — Вернон с видимой неохотой выпустил Аурику и продолжил: — Но есть все, что нужно для жизни. Вы

не похожи на неженку, моя радость, так что вам будет вполне уютно.

Аурика растерянно огляделась. Темный дом обступал ее, нависал со всех сторон, словно хотел задушить. Обернувшись, она увидела очертания лестницы, ведущей на второй этаж, и лохмотья паутины, свисавшие с остатков люстры, словно рваные пиратские паруса. Вернон сбросил пальто на кресло, и Аурика заметила, что через плечо доктора переброшен ремень артефакторской сумки.

— Вы подготовились, — сказала она.

Господи боже, что с Дерекком, жив ли он... Аурике вдруг подумалось, что его могут не найти до утра, а тогда он обязательно замерзнет в снегу.

— Разумеется, — кивнул Вернон, и его слова прозвучали, словно ответ на мысли Аурики. Запустив руку в сумку, он принялся что-то искать. — Вот, захватил с собой кучу полезных вещиц. Не надо так дрожать, моя дорогая, вам в моей компании ничто не угрожает.

Он прошел по гостиной, и вскоре Аурика услышала треск — в камине вспыхнуло пламя и принялось весело облизывать заготовленные поленья.

— Зачем я вам? — подала голос Аурика.

Вернон усмехнулся. В свете камина его лицо отнюдь не выглядело зловещим — просто бесконечно усталым.

— Не за тем, чтоб тешить плоть, — серьезно ответил доктор, и в его голосе прозвучало сожаление. Далекое, почти неразличимое. — Вы моя заложница.

— Так, можно отсоединять. Медленно, медленно. Не спешите... вот. Все.

Дерек почувствовал неприятный запах горелого отработанного артефакта, и по тьме, которая окутывала его, пробежала волна. Он понял, что лежит на чем-то прохладном, что страшно болит грудь и голова, а еще — что Вернон, судя по силе нанесенного удара, не поверил в благие намерения давнего врага. И по-настоящему сбежал с Аурикой.

— Жить будет? — спросил встревоженный женский голос, и Дерек едва не вскрикнул от удивления.

Тетушка Аврения? Откуда она взялась в Эверфорте? Или ему мерещится?

— Разумеется, ваше величество, — подобострастно ответил еще один, судя по интонациям, крайне скверный тип. — К вечеру уже будет на ногах. А может, и раньше поднимется, организм-то крепкий.

— Что ж, это хорошо. — В голосе государыни прозвенели металлические нотки, и Дерек моментально вообразил, как окружающие

подобрались в ожидании неприятностей. — Придет в себя — дайте знать.

— Я уже пришел, — медленно проговорил Дерек. Слова царапали сухое горло, говорил он тихо и не знал, услышат ли его.

Услышали.

— Ну, живой, слава господу! — воскликнула тетушка Аврения. Дерек с трудом разлепил глаза и увидел знакомые фрески на потолке, изображавшие триумф Отты-врачевательницы. Он попал в Госпиталь святого Марка в центре хаомийской столицы.

— Какое сегодня число? — прошептал Дерек.

Послышались шаги, какой-то мелодичный звон, и в край рта уткнулась тонкая металлическая трубочка. Дерек послушно сжал ее губами, втянул: вода. Холодная чистая вода.

— Первое. — Судя по синякам под глазами и небрежно подкрученным локонам, тетушка Аврения до сих пор не ложилась. Должно быть, приехала сюда сразу после праздничной ночи, набросила халат поверх расшитого золотом платья и ждет ответов. — Помнишь, что случилось?

— Нет, — откликнулся Дерек. Стакан опустел как-то уж очень быстро, и он чуть ли не застенчиво попросил: — Можно еще воды?

По мрамору пола зашуршала форменная обувь: сестра милосердия, похожая на призрак, пошла к столу с графином. Лысоватый невзрачный медикус нагнулся, покрутил несколько ручек, и стол, на котором лежал Дерек, превратился в импровизированное кресло.

— На вас напали, господин старший советник, — донеслось откуда-то из-за спины тетушки Аврении: там копался в инструментах еще один джентльмен в белом халате. — Очень сильный удар, хорошо, что вас вовремя нашли ваши коллеги и перебросили сюда. Я задействовал несколько особых артефактов...

Перебросили... Видимо, Маркус с помощью «Разрывника» отправил истекающего кровью товарища в столицу.

— Ваше величество... — прошептал Дерек. — Особое хранилище личного банка королевской семьи.

Тетушка Аврения изменилась в лице, словно Дерек со всего маху закатил ей пощечину. Значит, он мыслил в верном направлении.

— Золотые дублоны царя Хевельта, — продолжал Дерек.

Горло снова стиснуло корявыми ручищами, и на мгновение ему показалось, что он сейчас задохнется.

Аврения устало вздохнула и велела:

— Вон. Все вон.

Когда зал опустел, Аврения прошла к столу, плеснула в стакан воды и,

нервно сунув в него трубочку, подошла к Дереку.

— Поухаживаю за тобой, — вновь вздохнула она. — Откуда ты знаешь про дублионы?

Дерек с нескрываемым удовольствием выпил воду и почувствовал, что возвращается к жизни. Конечно, Вернон не должен был его бить — они договорились, что после побега анатом придет к особняку, они вместе все объяснят Аурике, а затем Дерек спокойно проводит их в укрытие. Но доктор не вытерпел, все переиграл и приголубил старого недруга искренне и от всей души. Дерек надеялся, что место, куда анатом отправился с Аурикой, достаточно комфортно для юной леди. Жаль только, он не успел ей сказать, что похищение подстроено. Ну ничего. Они с этим разберутся.

— Сундук с дублионами царя Хевельта был похищен из хранилища триста пятьдесят лет назад, — проговорил Дерек. Мысли бегали по кругу, вокруг Аурики рассыпались золотые квадраты дублионов, и он никак не мог сосредоточиться. — Во время Большого мора в столице. Повезли его вроде бы на север, но золота так и не нашли. Не удалось.

Он вдруг подумал, что у Вернона мог быть и свой план. Например, взять в заложники жену Вангейнского палача и добиться беспрепятственного проезда в ту же Лекию. Иногда ведь хочется поменять климат...

— Какой проезд? — нахмурившись, переспросила Аврения, и Дерек понял, что задумался и вслух сказал то, о чем думал. — При чем тут Лекия?

— Ни при чем. — Он устало прикрыл глаза. Как всегда после работы с артефактами, мысли путались и разбегались, как встревоженные зайцы при появлении волков. — Сундук с дублионами был зарыт на Северной пустоши до лучших времен, но похититель не знал, что там очень скоро появятся переселенцы из столицы. И заложат город Эверфорт.

— Ты нашел золото? — спросила Аврения.

Мягко, почти материнским жестом погладила Дерек по голове. Он подумал, что действительно заслужил каплю заботы и тепла.

— Нашел, — ответил Дерек. — Помнишь серийного убийцу в Эверфорте? Он убивает невинных девушек-оборотней, чтобы с помощью особенностей их крови открывать некротические провалы над кладом. Разница потенциалов буквально выбрасывает монеты ему в руки. Запросите Маркуса, он подтвердит. В полицейском сейфе этих дублионов пятнадцать штук.

— Ты уверен, что это именно те дублионы? — с прежней мягкостью уточнила Аврения, но Дерек заметил, что в ее глазах появился хищный блеск.

— Те самые. На них маленькая буква «м», это именно пропавшая серия. И у них неоформленный гурт — наносить засечки стали двести лет назад...

В горле снова запершило, но теперь Дерек чувствовал себя намного лучше. Медикус оказался прав — у него сильный организм. Аврения помолчала, а затем спросила:

— И кто же убийца? Ты знаешь?

Дерек устало прикрыл глаза и ответил:

— Да. Теперь я знаю.

Спустя триста пятьдесят лет после исчезновения золото приобрело не только финансовую, но и культурную ценность. Дерек с определенным удовольствием убедился, что тетушка Аврения весьма радеет за хаомийскую культуру: за возврат клада ему посулили возвращение на пост министра, орден святого Лотто первой степени и кое-что по мелочи. Деньги, дома и земли никогда не бывают лишними.

— Кстати, что там за история с твоим очередным браком? — поинтересовалась Аврения с самым невинным видом.

— Благовоспитанная девушка достойных кровей, — ответил Дерек, мысленно прикидывая, как скоро сможет подняться на ноги и отправиться к артефакторам за самой крупной партией «Разрывников» в истории Хаомы. — Почему вы спрашиваете?

— Некоторое время назад о тебе очень осторожно наводили справки в самых разных слоях общества, — сообщила Аврения. — Служба безопасности встревожилась.

— Правильно сделала, — пожал плечами Дерек. — Я в курсе, ваше величество. Только не ожидал, что у нашего Манипулятора настолько широкие связи.

— Манипулятор? — переспросила Аврения. — Интересное прозвище для серийного убийцы.

— Пока я не назову вам его настоящего имени, — ответил Дерек. — Нельзя его спугнуть. У меня есть подозрение, что он способен подслушивать тех, кто его интересуется. Или читать мысли.

Аврения решила не спорить.

Когда она ушла, Дерек провел несколько минут за ментальной гимнастикой, пытаясь сосредоточиться, окончательно взять себя в руки и хотя бы приблизительно прикинуть дальнейшее развитие событий. После того как врач даст добро, надо будет отправляться к артефакторам. Личное распоряжение ее величества откроет их сундуки и закроет не в меру

любопытные рты. Он наберет «Разрывников», открывающих проходы в пространстве, вернется в Эверфорт и, забрав инквизицию и полицию, двинется к Вернону и Аурике.

К этому времени Манипулятор будет там. Останется лишь взять его тепленьким. Он не может не отправиться туда, Дерек был в этом уверен.

Врач не торопился, и Дерек, угрюмо таращась на фрески, вспомнил, как несколько месяцев назад вышел из соседней палаты, где лежала Вера. Вышел, отдав ей свидетельство о расторжении брака. В тот момент он искренне надеялся, что она вернется.

Она не вернулась. Сейчас Дерек с искренним удивлением обнаружил, что воспоминания о Вере уже не ранят его. Прошлое утратило власть над ним, он стал свободен. И девушка, с которой он спал все это время, была его будущим.

По залу пронесся смех — легкий, едва уловимый. Так могла рассмеяться навка, которую Дерек зарезал в развалинах гостиницы. Так смеялась тьма в подвале заброшенного дома.

— У вас нет общего будущего, — проворковал странный голос, не мужской и не женский. — Ты можешь стать министром, да хоть королем... Ты все равно останешься чудовищем. А красавицы живут с монстрами только в сказках.

Почему-то Дерек не удивился. Да, Манипулятор наконец-то заговорил с ним лично, но он был к этому готов.

— Ты забрал сундук? — спросил он.

Манипулятор снова рассмеялся, и теперь в его голосе звучали очень знакомые нотки.

— Нет. Но вытащил из него половину содержимого. Остальная часть пойдет нам на десерт. Любишь сладкое?

Дерек пожал плечами. Похоже, Манипулятор использовал заклинание со смешным названием «Слушай ушмя», и наложить его можно было только при непосредственном контакте с жертвой.

Дерек мысленно перебрал всех, с кем рядом был в последние несколько часов, и спросил:

— Мечтаешь жить с красавицей? Я мог бы сказать, что у тебя их будет много... с твоими-то капиталами. Да вот врать не хочу.

Манипулятор помолчал. По залу прошел легкий сквозняк.

— Не стоило мне так тебя бить, — наконец сказал он. — Надо было убивать сразу. Теперь тетушка Аврения наверняка запрудит весь север своими людьми, и я не смогу уйти. Что им всем одна девчонка в заложниках? Пусть даже твоя жена. Мало ли кто на ком женат?

Погорюешь, найдешь потом новую.

А вот такого поворота Дерек не ожидал. Он прикрыл глаза, стараясь не показать охватившего его замешательства. Этого не могло быть. Вернон не мог быть Манипулятором, потому что тогда выходило, что Дерек собственными руками отдал Аурику серийному убийце. Неужели он совершил чудовищную ошибку?

— А, вот теперь ты удивлен. — Голос Манипулятора окреп, и Дерек окончательно убедился в том, что с ним говорит доктор Август Вернон, пламенный революционер и мститель. — Не ожидал, правда? Мне нравилось водить вас всех за нос, но теперь пора покончить с этим.

— Надоело играть? — спросил Дерек и с удовольствием убедился, что голос его остался равнодушным.

— Надоело, — усмехнулся Вернон. — Мне вообще надоел север. Холод, сырость да снега... На юг хочу, дружище Дерек, к солнышку.

— Деньги есть. Можешь ехать.

— Да, — согласился Вернон. — Решим одну проблему с тобой — и вперед, к морю. Приходи к нам. Я отпущу Аурику и возьму тебя.

Дерек вдруг подумал, что смертельно устал и уже не может угадывать, куда выведет очередная интрига Манипулятора. Оставалось расслабленно обмякнуть на столе и позволить руке Господа сделать все остальное.

— Я-то тебе зачем? Предпочитаешь мужчин, а не женщин?

Вернон презрительно фыркнул:

— Не в этом дело. Я недавно выяснил, что кровь врага обладает невероятной силой. Я осушу тебя, некротическая волна вынесет мне остатки денег — и все. Хмурому северу можно будет сказать нежное «прощай».

Ну что ж, ну что ж... Все-таки это было предсказуемо.

— Разве я могу тебе верить? — спросил Дерек. — Где гарантии того, что ты не убьешь Аурику?

Похоже, вопрос озадачил Вернона, и это было хорошо. Чем больше неуверенности, тем лучше.

— Веру-то я не убил, — ответил он. — Хотя имел такую возможность, когда добывал ее волос для создания навки.

И Дерек наконец-то почувствовал злость. Не ту, что помрачает сознание и лишает разума, заставляя совершать немислимые и совершенно глупые вещи, — нет, это была очень деятельная злость, которая не позволяет свернуть с намеченного пути и не оставляет времени на напрасные размышления.

Эта тварь прикасалась к Вере. Наверняка анатом воспользовался чем-

то вроде «Разрывника», чтоб быстро попасть в столицу и так же быстро вернуться. Впрочем, не важно. Не стоит ломать над этим голову.

— Так что же ты предлагаешь в знак честности твоих намерений? — продолжал наседавать Дерек. — Боюсь, твоего слова будет недостаточно.

— Она на твоих глазах уйдет через «Разрывник», — ответил Вернон. — А я не стану ее искать... С такими деньгами я найду женщин получше.

Дерек не сомневался.

— Согласен, — кивнул он, мельком подумав: как же хорошо, что Манипулятор сейчас его не видит.

Потому что вряд ли маньяку понравилось бы выражение лица Вангейнского палача.

Аурика стала заложницей, но больше ничего плохого не случилось. Вернон отвел ее на второй этаж, закрыл в одной из комнат и хмуро пожелал доброй ночи. Когда в коридоре стихли его шаги, Аурика огляделась: в свете маленькой тусклой лампы, оставленной анатомом, комната казалась тихой и зловещей. В прежние времена она, должно быть, служила спальней хозяев дома. Аурика хмуро посмотрела на большую кровать, накрытую темным покрывалом, и брезгливо подумала, что ей придется ночевать на этом грязном и пыльном ложе. Кто еще ложился на эту кровать? И когда?

Она подошла поближе и с удивлением убедилась, что покрывало чистое, а простыни и наволочка — свежие, будто только что принесенные заботливой горничной. Выходит, Вернон старательно ко всему подготовился. Этого следовало ожидать: анатом всегда производил впечатление человека, которого трудно застать врасплох.

Сейчас Аурика всеми силами гнала от себя мысль о том, что анатом и есть Манипулятор. Это действительно было ужасно: она все это время находилась рядом с серийным убийцей, который притворялся ее другом. Который, дьявол его побери, дотрагивался до нее своими ручонками! Стало мерзко.

Подойдя к окну, она отодвинула тяжелую пыльную штору и увидела, что дом стоит на холме, а впереди расстилается зимний лес. Над деревьями медленно плыла луна, заваливаясь набок, и до рассвета было еще далеко. Весь мир сейчас спал, и ему не было дела до того, в какую беду попала Аурика.

Первый день нового года обещал быть просто невероятным. Аурике хотелось верить, что они с Дерекком переживут его.

Вернон ударил со всей силы, где он только взял эту проклятую битую! И

Аурика слышала хруст и треск — в тот миг она не поверила, но сейчас не было смысла отрицать: анатом проломил череп своему заклятому врагу. Только бы Дерек выжил! Только бы его нашли до того, как станет поздно! Ведь ночь глухая, слуги наверняка спят — вдруг никто не обратил внимания на шум? Мало ли, веселятся люди, на то и праздник...

Аурика едва не расплакалась. Что, если Дерек умер? Что тогда делать? Впрочем, отчаиваться было рано. Аурика подергала щеколду на окне и с удовольствием убедилась в том, что раму можно открыть. В комнату ворвался прохладный ветер. Аурика выглянула вниз, прикидывая, как лучше удрать. Второй этаж этого дома вполне сошел бы и за невысокий третий, а снега внизу почти не было. Прыжок может закончиться переломами, а пришедший на крики Вернон потом будет долго издеваться.

Аурика разочарованно вздохнула и закрыла окно. Спускаться по стенам, словно паук, она не умела и теперь подумала, что побег сейчас просто не имеет значения. Куда бежать? Она представления не имеет, где находится, в лесу наверняка волки и какие-нибудь чудовища похлеще волков, а Вернон сразу же пустится в погоню. Далеко ей не уйти.

Вздохнув, Аурика принялась расстегивать крючки на праздничном платье. Смутный план действий, возникший в ее голове, становился все четче, и, избавляясь от наряда, она думала, что это может сработать. Сбросив платье и корсет, она осталась в одной сорочке и тонких чулках, поежилась и, нырнув под одеяло, запустила пальцы в прическу и растрепала волосы.

Выждав несколько минут, она закричала так громко, что где-то на чердаке испуганно забили крыльями разбуженные голуби.

Доктор Вернон ворвался в комнату буквально через пять минут. Судя по его виду, он уже прилег отдохнуть и подскочил от вопля Аурики так, словно началась война или конец света.

— Что случилось? — выпалил он.

Пытаясь не думать о том, что переигрывает, Аурика спрыгнула с кровати, всем телом прильнула к доктору и, уткнувшись мокрым от слез лицом в его плечо, сбивчиво проговорила:

— Там... там, у окна...

— Что там? — Голос Вернона тотчас же стал мягким и взволнованным. Анатом хотел подойти к окну и взглянуть, но Аурика, вцепившаяся в него обеими руками, разумеется, не позволила этого сделать. — Что там, Аурика, что?

— Там... там чья-то тень... — всхлипывая, пробормотала Аурика.

Вернон обнял ее, мягко погладил по растрепанным волосам и

произнес:

— Там никого нет. Тебе почудилось.

— Нет, есть... Там был человек, точно был...

Вернон осторожно отстранил Аурику, усадил ее на кровать и сел рядом.

— Тебе почудилось, — повторил он.

Аурика отметила, что анатом перешел с ней на «ты», и это ей понравилось. Она поправила сползшую сорочку, бесстыдно обнажившую левую грудь, и, заметив, что в глазах Вернона появился тяжелый блеск, промолвила:

— Мне так страшно, Август... Ты не представляешь, как страшно. Господи, что же ты наделал...

Вернон отвел взгляд и некоторое время сидел так, словно боролся с желанием что-то сказать, в чем-то признаться.

— Мы погибнем оба, — продолжала давить Аурика. — Ты убил моего мужа, тебя никто не выпустит отсюда живым. Август, ну зачем...

Вернон вдруг рассмеялся и, погладив Аурику по плечу, произнес:

— Ладно, признаю, я был не прав. Мне не стоило так сильно бить господина старшего советника. Но он жив, можешь поверить специалисту на слово.

— Не стоило бить? — возмущенно воскликнула Аурика.

Даже если Вернон и не был Манипулятором, ему доставляло несказанное наслаждение издеваться над ней.

— Не мог удержаться, — признался Вернон и провел ладонями по лицу. — Вспомнил старые деньки и решил вернуть кое-что по левенфосскому счету. На моем месте ты поступила бы так же.

— Никогда, — твердо сказала Аурика. — Я не стала бы разбивать человеку череп. И не стала бы убивать несчастного Эда, Прокла и всех этих девушек. Нет, ни за что.

Она прекрасно понимала, что все идет именно к этому, но все-таки оказалась не готова. Вернон поцеловал ее: сперва очень осторожно, чуть ли не трепетно, но через несколько мгновений трепет сменился почти грубым напором человека, имеющего власть над ситуацией. Аурика автоматически вскинула руку для пощечины, и Вернон перехватил запястье.

— Мне нравится такой подход, — шепнул он ей на ухо. — Решила меня соблазнить, чтоб потом сбежать? К тому же забрав артефакты? Умница, отличный план. Готов поучаствовать.

Легонько толкнув ее на кровать, Вернон навис сверху: тяжелый, мрачный, подавляющий. От того, насколько быстро и легко он ее раскусил,

Аурике захотелось расплакаться. Губы анатома скользнули по шее к ключице, рука нетерпеливо потянула сорочку вниз, обнажая грудь. «Что ж, — подумала Аурика, — я сама этого хотела. Осталось немного».

Она передвинулась чуть вниз, чтоб разместиться поудобнее. Робко потянулась к пуговицам на рубашке Вернона, но анатом тотчас же схватил ее за руку.

— Не стоит торопиться, — промолвил он. — Времени у нас много.

— Убийца... — прошептала Аурика.

Вот и сложилась головоломка... Но доктор вдруг легко и беззаботно расхохотался и растянулся на кровати рядом с Аурикой, каким-то беспечным жестом заложив руки за голову.

Там, где Вернон целовал ее, кожа горела, словно обожженная. Аурика села, натянула сорочку на плечи. Вернон дотронулся до ее запястья, и, когда она обернулась, его пальцы заплясали в воздухе в языке глухонемых. Аурика как-то обмолвилась, что знает его.

— Помедленнее! — взмолилась Аурика. — Я его плохо знаю!

«Он нас слышит и чувствует, — произнес Вернон. — Но не видит. Надо было сказать раньше, но я хотел тебя помучить немножко...»

Когда-то давным-давно у семейства вин Селлан была глухонемая родственница, седьмая вода на киселе, с которой они встречались только на Новый год. Но мать все равно заставила Аурику выучить язык жестов — никогда не знаешь, что тебе в жизни пригодится. Думала ли Аурика, что эти знания понадобятся ей теперь!

«Мы с твоим мужем обо всем договорились, — продолжал Вернон. — Это засада для Манипулятора. По какой-то причине он придет сюда за тобой. Ты ему нужна. Господин старший советник будет здесь утром... То есть я надеюсь, что будет».

Аурика ошарашенно смотрела, как движутся пальцы анатома, и никак не могла понять, что происходит. Наконец она подняла руки и спросила:

«Вы решили поймать его на живца?»

Вернон кивнул.

«И ты не Манипулятор, да? А кто он?»

Вернон пожал плечами:

«Понятия не имею. Но твой муж, похоже, знает. Манипулятор каким-то образом слышит нас. Поэтому нам стоит не болтать лишнего, а делать вид, что я беглый заключенный, а ты — моя заложница. Сюда подтянут полицию и инквизицию якобы для моего ареста. На самом деле — чтоб взять Манипулятора. Он придет. Он обязательно придет».

— Это ужасно, — промолвила Аурика. — Господи боже, это ужасно.

Вернон понимающе качнул головой.

— Согласен, ужасно. Но скоро все закончится.

Он уверенно привлек Аурику к себе: движение было быстрым и решительным, Аурика успела только ахнуть — и вот она снова лежит на кровати в объятиях анатома. От его сильного жилистого тела веяло жаром, и Аурика невольно начинала чувствовать расслабленную вязкую покорность.

— Не бойся, — шепнул Вернон ей на ухо. Тяжелая ладонь поползла по ноге, задирая сорочку, и Аурика услышала, как щелкнул замок ремня. — Не бойся, олененок. С тобой все будет хорошо. А вот я вряд ли выйду отсюда живым...

Анатом отстранился от девушки и произнес на языке жестов:

«И что ты планировала со мной сделать?»

«Надавить на точку и-линь, — ответила Аурика, чувствуя, как краснеет. — Ты бы уснул на полчаса, а я забрала бы артефакты и ушла».

— Ловко, — сказал Вернон. — Ты умная девочка, я сразу это понял.

Он сел и принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Дело принимало совершенно конкретный оборот. Аурика готова была дойти до определенных границ, чтоб обрести свободу, но теперь, после того как стало ясно, что Вернон не имеет отношения к Манипулятору...

Дом сотрясло от толчка. Сперва легонько, а потом так, что Вернон едва не слетел с кровати. С потолка посыпалась труха, откуда-то из-за стены донесся грохот — свалилась какая-то мебель. Комнату наполнил нудный звон, настолько противный, что заложило уши.

— Провал! — прокричал Вернон. — Новый некротический провал!

После того как подземные толчки прекратились, пыль осела на грязный пол, а в доме воцарилась тишина, Вернон велел Аурике одеться. Они спустились на первый этаж, и Аурика увидела, что стекла в окнах гостиной выбиты, а входная дверь болтается на одной петле.

В пыли на полу лежали золотые квадраты монет — тяжелые, наполненные масляным блеском. Вернон равнодушно поддел один из них носком ботинка и произнес:

— Он совсем рядом. Я думаю, это золото как раз для него.

Раннее утро было тихим и свежим: выйдя из дома, Аурика плотнее укуталась в шубку и несколько мгновений просто вдыхала чистый лесной воздух, наслаждаясь им, словно необычным напитком. Белый снежный холст, тянувшийся до леса, был исчерчен провалами. В сером утреннем свете казалось, что кто-то оставил послание на снегу.

Ей захотелось хоть ненадолго забыть о Манипуляторе. Хоть на

несколько минут.

— Что это за дом такой? — спросила Аурика, оглянувшись.

Дом был старым, очень старым. Она искренне удивилась тому, что здание до сих пор не развалилось. По черным камням стены тянулись сухие плети плюща, и Аурика подумала, что летом, когда тепло и солнечно, это место выглядит даже романтично. В лучах заката дом на краю леса, увитый плющом, кажется настоящим приютом романтиков. Но не теперь. Сейчас это место навевало смертную тоску. Дом казался надгробием на могиле.

— Скажем так, это конспиративная квартира, — сухо ответил Вернон. — Несколько дней назад ее покинул один из моих товарищей.

Так вот почему на кровати было свежее белье. Хозяйева этого места провожали одних гостей и готовили все необходимое для других.

— Жутковато здесь, — призналась Аурика.

Вернон кивнул.

— Скоро будет еще страшнее, — хмуро произнес он.

Аурика не могла с ним не согласиться.

— Постоим тут, — как-то неуверенно сказал Вернон. — Если толчки повторятся, дом может рухнуть. Не хочу остаться под завалами.

— Ты говорил, что не покинешь этого места, — промолвила Аурика. — Почему?

На мгновение она испытала какое-то непонятное ощущение. Анатом предчувствовал свою гибель, и ночь, проведенная с девушкой, стала бы последней хорошей вещью в его жизни. Усилием воли Аурика оборвала эту мысль. Она любила Дерека и не собиралась ему изменять. Одно дело — спастись, пытаясь выкупить свою жизнь у негодяя, и совсем другое...

— Со мной не станут церемониться, — усмехнулся Вернон. В его голосе послышалась былая лихая бравада, но она была тихой, почти незаметной. — Жаль, что у нас так ничего и не вышло.

Что-то темное мелькнуло за стволами деревьев, и Аурика вцепилась в руку анатома:

— Там! Там кто-то идет!

— Это просто тень, — неуверенно произнес Вернон, и в тот же миг сгусток непроглядной тьмы показался из-за деревьев и, вздрогнув, растекся по снегу чернильным пятном.

Аурика смотрела, не в силах оторвать взгляд. Вот мрак зашевелился, пополз вперед и вдруг взмыл темной свечкой, раскинул крылья, затрепетал и сложился в фигуру человека в плаще. «Манипулятор», — жалобно подумала Аурика, чувствуя, как ее охватывает полуобморочная слабость. Если б не Вернон, вовремя подхвативший ее под руку, она наверняка

свалилась бы на снег.

Манипулятор был высокого роста и, судя по легкости и скорости движений, молод и силен. Под низко надвинутым капюшоном плаща клубилась тьма, складываясь в черты лица, но как только Аурика начинала всматриваться, все менялось, рассыпаясь серым дымом, словно Манипулятор не хотел, чтобы его рассмотрели.

— Это он, да? — прошептала Аурика.

— Это я, — негромко ответил Манипулятор. Когда до крыльца осталась пара метров, он остановился и произнес: — Пададь, в дом.

Вернон вздрогнул, словно его ударили, возможно, так и было. Будто повинуюсь чужой воле, он выпустил руку Аурики и сделал несколько шагов назад, к разломанному дверному проему. Аурике почудилось, что переливы тьмы под капюшоном сложились в презрительную улыбку.

— Золото собери, — приказал Манипулятор.

Когда Вернон исчез в доме, Аурика нервно подумала, что анатом просто обязан что-то предпринять. Наверняка у него есть какие-то артефакты, которые смогут если не убить Манипулятора, то хотя бы оглушить его. В сумке должно что-то быть! Он ведь планировал защищаться от нападения!

— Вы оба такие милые, — сказал Манипулятор. Аурика ожидала услышать язвительную насмешку в его голосе, но насмешки не было. Просто констатация факта. — Прекрасная пара. Честное слово, мне жаль тебя убивать.

— Так не убивай, — промолвила Аурика. — Я не невинная дева, моя кровь тебе ничем не поможет.

Манипулятор рассмеялся. Аурика с ужасом подумала, что это человек из ее круга. Воспитанный, образованный, настоящий джентльмен. Как много смех, поворот головы, движение руки в перчатке могут сказать о том, кто смеется...

— Дело не в невинности, — проговорил Манипулятор. — Дело в том, что ты умеешь говорить с мертвыми. И этот прекрасный талант нужен для того, чтоб я смог завершить свою работу.

Это было сказано так, что Аурика поняла: все кончено. Она умрет через несколько минут, ей никто не поможет.

— Будет больно? — прошептала она.

Манипулятор сделал несколько шагов вперед и осторожно взял ее за руки. От него легко пахло одеколоном и чем-то еще: Аурика сталкивалась с этим запахом совсем недавно, но сейчас никак не могла дать ему название.

— Нет, — мягко заверил Манипулятор. — Как комарик укусил. Я не

люблю ненужную жестокость. Никому из них не было больно.

Тьма под капюшоном, жидкая и текучая, обрела плотность и форму. Аурике было страшно поднять глаза и взглянуть Манипулятору в лицо. Все умерли: невинные девушки-оборотни, Эмма, Лиззи, Большой Прокл, Гресян.

Пришла и ее очередь.

Откуда-то сверху сорвалась маленькая шипучая звездочка, окатила капюшон Манипулятора мелкими язычками пламени, и Аурика услышала крик Вернона:

— В дом! Аурика, в дом! Беги!

Манипулятор оттолкнул ее, захлопал руками по голове, пытаясь сбить огонь, но рыжая гудящая волна неотвратимо поползла по его плечам и спине. Аурика поскользнулась на заснеженных ступенях, с трудом удержалась на ногах и, подхватив юбки, кинулась к входу. Доктор даром времени не терял: высунувшись из окна, он швырял в Манипулятора все новые и новые огненные звездочки. Взяв по лестнице на второй этаж и пытаясь понять, где Вернон, Аурика слышала торжествующие возгласы анатома:

— Бронебойно-зажигательными — пли! За Левенфосс!

Потом на мгновение стало темно. Тьма затопила дом, она была физически ощутима — на Аурику, которая безвольно опустилась на ступени, будто накинули тяжелый саван. Дом погрузился во мрак и тишину, и Аурика растерянно гадала, что происходит: то ли Манипулятор умер, то ли, наоборот, нашел, как поддержать силы.

Может, она сама умирает? И Манипулятор вытягивает из нее кровь и силы, чтоб завершить свой ритуал?

Потом Аурика услышала тяжелые шаги на первом этаже и почувствовала запах гари. Тьма стала понемногу отступать — за лесом поднималось солнце, его первые лучи осветили гостиную, и Аурика увидела высокую человеческую фигуру. Плащ Манипулятора стекал с его тела рваными лохмотьями, обнажая обычный мундир офицера полиции. Старый мундир, залатанный на левом локте.

Аурика вскрикнула и тотчас же зажала рот ладонями. Вернон, который выбежал из комнаты, увидел Манипулятора и медленно сел на ступени рядом с нею. А потом прозвучал выстрел. Короткий, оказавшийся неожиданно громким в заброшенном доме, он отшвырнул Манипулятора к стене, и Аурика наконец-то поняла, где именно смогла раньше уловить тот запах, который окружал убийцу.

Зал вскрытия в анатомическом театре был весь им пропитан. Хвенское

масло, отбивающее запах разложения.

В гостиной слышались знакомые шаги, и Вернон негромко пробормотал:

— Дьявольщина... Господи, кто бы мог подумать...

— Вставайте, Эд! — звонко сказал Дерек. — Простите за нарушенные планы.

— Ты догадался, — утвердительно произнес Эдвард Гресян, поднимаясь с пола. На темно-синем сукне полицейской формы остались белые полосы пыли. — Как?

Дерек шагнул вперед, и Аурика увидела, что выглядит он просто ужасно. Осунувшееся лицо было мертвенно-серым, из-под повязки, охватывавшей голову, сочилась кровь на белый воротник рубашки.

Они оба были словно мертвецы. Казалось, даже рыжие волосы Гресяна побледнели.

— Я ждал, когда стравят оборотней и людей, — произнес Дерек. Несмотря на то что он едва держался на ногах, пистолет в его руке не дрожал. — Но этого так и не произошло. Ты слышал разговор в кабинете бургомистра и все переиграл.

Гресян усмехнулся. Аурика смотрела на него и не могла понять, как принимала этого молодого мужчину за наивного и доверчивого простака. По гостиной заброшенного дома неспешно двигался матерый хищник, и ему больше не нужно было носить маску.

— Потом нападение, — продолжал Дерек. — Твои слуги не могут назвать имя хозяина. Но Прокл попытался тебя убить во время метели на кладбище. После того, как у него ничего не получилось, он пришел к Аурике.

Гресян понимающе кивнул.

— Только и всего? — полюбопытствовал он.

Вернон осторожно дотронулся до локтя Аурики и, когда она покосилась в его сторону, тотчас же приложил палец к губам, приказывая молчать.

— А самым главным была некротическая волна, — глухо откликнулся Дерек. — Ты стоял позади меня и Маркуса, она должна была поразить именно нас. Но ударила в тебя, потому что несла твои деньги. Ты вызвал ее, и она пришла к тебе. И ты воспользовался этим, чтоб инсценировать свою смерть.

Сейчас, когда Гресян смотрел на Дерека, было самое время попробовать спастись. Вернон потянул Аурику к себе, мотнул головой в

сторону второго этажа, и его руки заплясали в жестах глухонемых:

«Окно. Спустимся по плющу, он растет с этой стороны дома».

Аурика хотела было ответить, что ни за что не оставит Дерека, но в это время Гресян покосился в их сторону и произнес:

— Я вас вижу, мышки! Незачем там возиться. — Он перевел взгляд на Дерека и сообщил: — Знаешь, дружище Дерек, они замечательно провели время вместе. Мне даже жаль было разлучать.

Возможно, он ожидал более бурной реакции, но Дерек даже не изменился в лице. Так, дрогнула левая бровь, вот и все.

— Неправда, — промолвила Аурика. — Дерек, не верь ему...

— Это не имеет значения, — равнодушно откликнулся Дерек, и Аурика вдруг поняла, что кровотечение усилилось и он сейчас упадет. — Ты достал все золото?

Вернон запустил руку в карман. Гресян улыбнулся и кивнул в сторону грязного дивана с торчащей наружу набивкой. Там лежали монеты, собранные анатомом.

— Собрал. Очень доволен.

— Хорошо. — Дерек качнул головой, и пистолет в его руке едва заметно дрогнул. — Тогда сдержи слово, отпусти мою жену, и закончим с этим.

Гресян повернулся к лестнице и некоторое время пристально смотрел на Аурику — перепуганную до смерти, растерянную. Взгляд Манипулятора был ужасен. В нем не было ничего человеческого. Если когда-то на свете и существовал добрый и наивный Эд, то теперь от него не осталось и следа. Маска нормального человека окончательно исчезла.

— Извини. — Он обаятельно улыбнулся и развел руками. — Она говорит с мертвыми. Ее кровь намного сильнее крови заклятого врага.

Похоже, именно поэтому несколько часов назад в зале для вскрытия Гресян и сказал, что Аурике нужно уезжать, — чтобы она сорвалась с места и попала в его ловушку. Дерек неопределенно пожал плечами и вдруг выронил пистолет.

Аурика вскрикнула и тотчас же зажала рот ладонями.

— Я мертвый, — проговорил Дерек. — Этого достаточно.

Гресян несколько минут смотрел на него, оценивая сказанное, а затем, не оборачиваясь к лестнице, произнес:

— Бегите, мышки.

Вернону не надо было повторять дважды: схватив Аурику за руку, он бросился бежать, волоча девушку за собой. Она едва не рухнула с лестницы, наступив на платье. Обернувшись к Дереку, она увидела, что он

слабо улыбнулся краешком рта и поднял руку в прощальном жесте. Этого не могло быть. Все не могло кончиться вот так.

Вернон вытащил Аурику на свежий воздух и наконец-то вынул руку из кармана. Аурика увидела, как Гресян медленно двинулся в сторону Дерека, и вдруг подумала: Манипулятору не нужна была говорящая с мертвыми. Она действительно была простой приманкой для того, чтобы полностью завладеть старым врагом.

А они в самом деле были врагами, и Аурике стоило догадаться об этом раньше, когда она открыла «Исторический журнал», чтоб прочитать о Вангейнском мятеже.

Эдвард Гресян был очень похож на Амикуса Мейерна, мятежника, убитого Дерекком. Похож так, как сын на отца. Аурика не знала, почему Дерек не заметил этого раньше.

— Привет, Миша. — Дерек говорил тихо, но Аурика услышала его. Вернон, едва слышно чертыхаясь, тряс сжатым кулаком, и сквозь его пальцы начинал просачиваться ядовито-желтый дымок. — Я тебя узнал.

Гресян вновь рассмеялся. Сделал несколько шагов вперед, теперь они стояли почти вплотную.

— Ты очень похож на отца, — продолжал Дерек. Манипулятор опустил руку ему на плечо, то ли поддерживая, то ли принуждая встать на колени. — Мальчик, которого я не стал убивать вместе с Амикусом-бунтарем. За что тебя выгнали из твоего кадетского корпуса?

— Как ты узнал, что выгнали? — Теперь в голосе Гресяна прозвучали удивленные нотки.

— Я оплачивал твою учебу, — признался Дерек. — А потом мне вернули деньги и сказали, что Миша Мейерн больше не кадет.

— Как трогательно, — произнес Гресян. — Убийца содержит сына своей жертвы. Я не думал, что ты приедешь в Эверфорт, Дерек. Ты все испортил.

— Да включайся ты! — прошипел Вернон, еще раз нервно дернул рукой и, выругавшись, разжал ладонь.

То, что случилось потом, Аурика запомнила на всю жизнь. Вернон швырнул в пустой дверной проем огненный шарик настолько прицельно, что пылающий плевок угодил в правое плечо Манипулятора. И если выстрел Дерека почти никак на него не повлиял, то бросок артефакта оказался очень болезненным. Гресян дернулся и зашипел от боли, схватился за тлеющий на плече мундир. Этих нескольких секунд хватило для того, чтоб Дерек выбросил лезвие сабли из рукава.

Вернон растерянно опустил руки и выругался так забористо, как,

должно быть, выражался в старые времена, на флоте. Аурика увидела, как мундир вздулся на спине Гресяна, увидела, как хищно высунулось окровавленное лезвие сабли...

А затем Гресян вспыхнул — так сильно, что гудящая стена пламени поднялась до потолка, и Аурику обдало настолько нестерпимым жаром, что на какое-то время она лишилась чувств.

Потом Вернон подхватил ее на руки и бросился прочь от пылающего дома. Тихое утро рассыпалось от людских криков: раскрывались провалы в пространстве, выпуская полицейских и инквизиторов, как всегда, подоспевших в последний миг.

Все это было потом.

Глава 8

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

— Так что скоро золото будет в столице. А в истории Манипулятора и его несчастных жертв наконец-то можно поставить точку.

Дерек говорил уверенно и спокойно, и Аурика обрадовалась: значит, он жив и здоров. Значит, все в порядке.

Она открыла глаза, шевельнулась в постели, и откуда-то справа тотчас же подошла девушка в белом с большой миской в руках. С края миски свисала ткань.

— Проснулись? — Девушка улыбнулась и, взяв ткань из миски, провела по лбу Аурики. Сразу же стало легче: мятный запах принес прохладу и отогнал слабость. Аурике показалось, что она готова встать и перевернуть весь мир.

Впрочем, теперь, после того как с Манипулятором покончено, это вряд ли потребуется. Мир будет жить и без всяких переворотов.

— Ловко, очень ловко. — Аурика услышала голос инквизитора Маркуса. — Ну что, дружище, поздравляю тебя с возвращением в министерское кресло. Мы все скучали, честно тебе говорю.

— Приятно слышать, — откликнулся Дерек, и Аурика вдруг представила, как он пожимает товарищу руку на прощанье.

— Когда ты все-таки догадался, кто убийца?

— После того как он притворился мертвым, — ответил Дерек после небольшой паузы. — В том подвале у меня все сложилось. Манипулятору надо было выходить из игры, а что может быть лучше смерти? Анатом был на допросе, вскрытие не проводили.

Кто бы мог подумать, что за какой-то месяц Аурика сможет попасть в такие приключения... Серийный убийца, мертвые девушки-оборотни, таинственное золото — покидая дом, она и подумать не могла ни о чем таком.

Девушка опустила ткань обратно в чашу, довольно улыбнулась и сказала:

— Пойду позову вашего мужа.

Дерек выглядел гораздо лучше, чем в заброшенном доме. К нему вернулся румянец, прическа была, как всегда, идеальной, а сюртук — исключительно модного сиреневого цвета. Все было как всегда, но вот

выражения его лица Аурика не поняла.

— Он обманул, — выпалила она, глядя Дереку в глаза. — У нас ничего не было. И быть не могло.

Дерек понимающе кивнул, осторожно присел на край кровати.

— Я знаю, знаю, — устало сказал он. — Артефакт Вернона взорвался, тебя контузило. Тебе нужно лежать и не волноваться.

— Что с Гресяном? — прошептала Аурика.

Дерек усмехнулся.

— Сгорел. Теперь уже умер окончательно, — сделав паузу, он добавил: — Меня восстановили на посту министра, так что мы вернемся в столицу, как только ты поправишься. — Он вновь умолк, задумчиво рассматривая одно из колец, а затем произнес, будто через силу: — Если ты, конечно, захочешь.

«Он мне не поверил», — с ужасом подумала Аурика. Слова Манипулятора оказались ядом, который проник слишком глубоко, и, что бы она ни сказала и ни сделала, все равно не сможет вытянуть этот яд из раны. Фраза, брошенная вскользь в заброшенном доме, легла между ними, словно пограничная черта.

— Дерек... — начала было Аурика, но от волнения голос перехватило. Собравшись с силами, она продолжила: — Он сказал это специально, чтобы тебя задеть. У меня ничего не было с Верноном и быть не может.

— Я знаю, — повторил Дерек, и по его лицу стало ясно, что ему слишком тяжело говорить на эту тему. — Все прошло, Аурика, отдыхай. Отдыхай и ни о чем не думай.

Некоторое время они молчали, а затем она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

Дерек пожал плечами. Аурика почувствовала, что он ждал этого вопроса, но теперь, когда его все-таки задали, уже не хотел отвечать.

— Вернусь в столицу — сразу пойду к знакомым артефакторам, — сказал Дерек. — Пока меня только подлатали наскоро. Но тебе не о чем волноваться. Все будет хорошо.

Если бы Аурика могла ему верить!

— Не уходи, — сказала она, когда он поднялся с дивана, собираясь покинуть комнату. — Давай посидим еще немного.

Дерек ободряюще улыбнулся, но Аурика не могла убедить себя в том, что он искренен. Старалась, но не могла.

— Мне нужно поговорить с Говардом, — ответил Дерек. — И связаться с ее величеством по поводу золота. Ты спи, я зайду попозже.

И Аурика поняла, что с ним сейчас не стоит спорить. Дерек вышел из

комнаты, и вскоре его шаги затихли в коридоре. Где-то хлопнула дверь — должно быть, кабинет Дереха, где ждал бургомистр. Должно быть, Говард места себе не находит от счастья.

Аурике казалось, что Дерек просто взял и ушел из ее жизни. Ей станет легче, она поднимется с постели и обнаружит, что он уехал в столицу, собрав самые необходимые вещи. И между ними всегда будет лежать утро в заброшенном доме и измена, которой не случилось.

Дело было не только в ней, поняла Аурика. В конце концов, Дерек всегда ей верил, а она ему не лгала. Случилось что-то еще. Что-то очень важное и тяжелое. И Аурика должна была собраться с силами и выяснить это.

Бургомистр уехал из дома Дереха четверть часа назад. Дело Манипулятора было закрыто, оборотни больше не находились под ударом, и город мог вздохнуть спокойно. Жизнь возвращалась в прежнее ленивое русло, где самым значительным событием года становился украденный на базаре кошелек.

Дерек снова вспомнил, как ортодоксы ограбили Гресяна, как он окунул его головой в воду, и испытал болезненный укол тоски. Пусть будет так: был Эд Гресян, хороший и добрый человек, и был Миша Мейерн, Манипулятор. Лучше думать о них по отдельности — тогда будет проще.

Войдя в кабинет, Дерек обнаружил на столе поднос с кофе и обедом, накрытым крышкой. Подняв ее, он увидел рис с овощами и мясные рулетки в виноградных листьях, источавшие просто невероятный запах. Повариха расстаралась, надо будет увеличить ей жалованье. Впрочем, его слуги во многом работали не за деньги, а за совесть, и Дерек с удовольствием успел в этом убедиться. Только вот есть не хотелось. Совсем.

Дерек переставил поднос на диванчик, расчищая место на столе. Ящик с коллекцией, который теперь переехал в один из дальних углов книжного шкафа, показался неожиданно легким. Дерек вытащил его, поставил на стол и щелкнул замком.

От Миши Мейерна осталось немного. Дерек устало опустился в кресло и вынул из внутреннего кармана сюртука стеклянный контейнер с крупинками праха. Манипулятор был сильнее всех, с кем ему приходилось сталкиваться за годы работы, вот только теперь, глядя на очередной экземпляр коллекции, Дерек не испытывал ни радости, ни удовлетворения. Ничего. Только серая пустота.

Он подумал, что, возможно, имеет смысл отказаться от карьеры и

денег. Надо взять и уехать к морю, провести остаток жизни в красивом доме с белыми колоннами, по утрам ловить рыбу с причала и не думать ни о зле, ни о том, что злу надо противостоять. Из этого противостояния все равно не выходит ничего хорошего, хоть ты голову разбей.

«Меня всю жизнь учили убивать. Делать живое неживым, — вспомнил он слова, которые сказал Аурике после того, как она нашла ящик с коллекцией. — А быть сволочью я научился сам. Это оказалось трудно, но я справился». Может, пришла пора измениться? Он не знал. Он не мог сказать точно.

Дерек сидел за столом, смотрел на контейнер с тем, что осталось от Манипулятора, и слушал, как за окном шумят люди и хлопают фейерверки. Новый год и избавление от чудовища — есть что отпраздновать.

Когда дверь скрипнула, открываясь, и в кабинет скользнула Аурика, уже поздно было что-то прятать. Увидев контейнер, она остановилась так резко, словно на полной скорости налетела на невидимую преграду. Ее бледное лицо посерело. Дерек молчал — сказать ему было нечего. Наконец Аурика овладела собой и, сделав несколько шагов, опустилась в кресло возле стола.

— Тебе надо отдыхать, — произнес Дерек, задумчиво крутя в руках стекляшку. По губам Аурики скользнула нервная усмешка, и девушка выдохнула:

— Так вот в чем дело... В пополнении коллекции.

Дерек вздохнул. Устало положил контейнер на стол.

— Когда Вангейнский мятеж был завершен, — произнес он, — я нашел в штабе Амикуса его детей. Старшую дочь и сына. Мейерн был так уверен в победе, что не считал нужным вывезти их из города. И Юлия тогда предложила сделать с ней все, что я сочту нужным, лишь бы Миша был жив.

Аурика ахнула. Нервно прижала пальцы к губам. Дерек смотрел на нее и видел темную комнату, огромное зеркало на стене и в отражении — себя, запачканного кровью врагов.

— Я вот задумался... Если б я тогда убил их, ничего этого не случилось бы. Все эти девушки остались бы живы. Но нам не дано знать последствий наших поступков и бездействия, к счастью это или нет, не знаю. Манипулятор больше никого не убьет и никого не использует в своих целях.

— Выброси это, — негромко попросила Аурика и кивнула в сторону раскрытого ящика с коллекцией. — Вот это все, Дерек. Просто возьми и выброси. Нельзя жить на кладбище. Это неправильно.

Дерек не мог с ней не согласиться. И не мог принять ее правоту.
— Себя-то я не выброшу, — усмехнулся он. — Все это — моя история, мой пройденный путь. Это я, и это во мне.

Несколько минут Аурика молчала.

— Я некромант, — наконец сказала она. — Когда я тебе надоем, ты тоже снимешь с меня кожу? Как с Веры Эшвуд?

Это было как пощечина. Дерек даже глаза закрыл.

— Нет, никогда, — прошептал он. — Я тебя люблю, я не причиню тебе боли. И вообще... — Он вдруг ощутил, как в груди вскипают гнев и обида. — Как ты можешь сравнивать себя с ними?

Взгляд Аурики был тяжелым и яростным. Он обжигал до костей.

— Веру ты тоже любил, — сказала она и едва ли не с мольбой добавила: — Выброси это, Дерек. Избавься от этого. Я тоже тебя люблю, но я не смогу жить в могиле.

Дерек устало откинулся на спинку кресла. Когда любишь, то принимаешь человека таким, каков он есть. Кто это сказал, мудрец или идиот?

Никто никого не принимает. Всем нужно только свое, а если ты не соответствуешь общепринятым представлениям о том, что правильно, а что грешно, то тебя поспешат выбросить из жизни с брезгливой усмешкой.

— Тебе лучше отдохнуть, Аурика, — наконец промолвил Дерек. Не надо спорить и что-то доказывать, это уже было ни к чему. — Давай поговорим об этом завтра. На свежую голову.

Она вдруг посмотрела на него так, что Дерек понял: птица в его руках собирается взлететь. И он мог сильнее сжать ладони, чтоб не выпустить ее, или, наоборот, дать ей свободу. Он ведь привык отпускать своих птиц.

— Хорошо, — кивнула Аурика и поднялась. — Доброй ночи.

Спустя два дня они вернулись в столицу. Собирая чемоданы, Аурика с удивлением обнаружила, что у нее стало очень много вещей, — куда уж там тому убогому узелочку, с которым она покинула дом.

С доктором Верноном она не прощалась. Анатом не заходил ее проведать, и Аурика была этому только рада. При воспоминаниях о ночи в заброшенном доме она начинала чувствовать себя неловко и двусмысленно, и, возможно, Вернон испытывал то же самое. Он выбрался оттуда живым — вот и хорошо. Об остальном лучше забыть.

Отношения с Дерекком оставались прежними: спокойно-натянутыми, без ссор и без нежностей. Под предлогом того, что супруге нужен покой после контузии, он проводил ночи в соседней комнате, и Аурика, которой

не спалось, слышала, как Дерек ходит туда-сюда, негромко покашливает после сигары и перемещает какие-то вещи. Несколько раз он вскрикивал во сне — услышав этот негромкий, мучительный возглас в первый раз, Аурика вскочила с кровати и, выбежав в коридор, дернула дверь соседней спальни. Она оказалась заперта изнутри.

Утром, когда они исключительно куртуазно встретились за завтраком, Аурика сказала, не отрывая глаз от тарелки с омлетом:

— Я слышала, как ты кричал.

Дерек устало кивнул. Нож, которым он нарезал омлет на ломтики, двигался с профессиональной размеренностью. Аурика представила, как такими же неспешными, аккуратными движениями Дерек свежует очередной экземпляр для своей коллекции, и по ее спине пробежал холодок.

Она все сделала правильно. Нельзя жить, храня у себя маленькое личное кладбище. Нельзя собирать страшные трофеи — и если Манипулятор и Мама Клер были мертвы, то Вера-то была жива. И Аурика видела контейнер с ее кожей и волосами.

— Мне приснился дурной сон, — спокойно ответил Дерек. — Ничего особенного. Работа такая.

— Моя работа — отгонять твои дурные сны, — сказала Аурика и наконец-то отважилась поднять голову и взглянуть Дереку в лицо.

Он выглядел спокойным, но это спокойствие было сродни перекаленному стеклу. Вроде бы оно выглядит надежным и крепким, но стоит только ткнуть пальцем, и все рассыплется на осколки.

— Тебе надо выздоравливать, — промолвил Дерек. — Хорошо есть и хорошо спать.

Аурика вздохнула. Чего-то в этом роде она и ожидала.

— Ты предлагаешь мне смириться? — спросила она. — Сделать вид, что я ни о чем не знаю?

Дерек резко выдохнул и нервным движением отложил нож и вилку.

— Аурика, я... — начал было он, а потом усмехнулся и произнес: — Как там говорят? «Если любишь, то принимай любимого таким, каков он есть». Мне казалось, что ты приняла.

Аурика поняла, что сейчас скажет ту фразу, после которой возврата к спокойной жизни уже не будет. Но и не сказать она не могла.

— Я не смогу так, — проговорила она. — Для меня это слишком тяжело. Нет, Дерек, прости, я так не смогу.

Он не изменился в лице — похоже, был готов к такому развитию событий. Аурика поняла, что он все продумал и уже принял решение. В

новых жизнях их друг у друга не будет. Каждый пойдет своим путем.

— Я хочу быть с тобой, — признался Дерек. — Но я не могу измениться. Птица не сможет жить в воде, знаешь ли...

В ушах зазвенело, и Аурика испугалась, что сейчас упадет в обморок. Неужели это все? Неужели это действительно все и их история закончилась вот так? Разрушена не Манипулятором где-то в лесу, а солнечным утром, в столовой, с шумом новогоднего города за окнами.

— Дерек... — начала было Аурика, но он нервно вскинул руку, призывая ее молчать.

— Я не хочу тебя мучить, — с искренней горечью произнес он. — Это действительно тяжело, я понимаю. Ты замечательная девушка, и ты достойна хорошей и спокойной жизни с тем, кто не причинит тебе страданий.

Вот, значит, как... Аурика едва не расплакалась, но потом горечь в ней заглушил гнев.

— Понятно, — кивнула она. — Мне очень жаль, Дерек. Но, видимо, нет смысла настаивать.

Она взглянула в глаза Дереку и увидела, что ему тяжело и больно не меньше, чем ей. Он тоже рвал по живому, он тоже прощался с тем, что было ему дорого.

— Я не хочу, чтоб ты мучилась, — вздохнул он. — Но измениться не могу. Аурика, прости меня, если сможешь, ты достойна счастья без боли. Это единственное, что я могу для тебя сделать.

— Ты можешь выбросить свой ящик, — горячо сказала она. — Мы можем начать все заново.

Но они не могли.

Наедине они больше не разговаривали: Дерек попросил Маркуса о том, чтобы тот составил им компанию в пути до столицы. Господин Хелленберт балагурил всю дорогу и был настолько мил и дружелюбен, что Аурика даже улыбнулась паре каких-то незамысловатых шуток. Когда Эверфорт остался далеко позади, ей вдруг стало казаться, что в столице все будет по-другому. Они приедут в дом Дерека и смогут все начать сначала.

Экипаж остановился у ворот, к распахнувшейся дверце подбежали слуги, чтобы принять багаж, и Дерек, который помог Аурике выйти из кареты, печально погладил ее по щеке и произнес:

— Теперь это твой дом. Прощай.

И вот это был действительно конец.

В здании министерства не было никого, кроме охранников на первом

этаже, которые, сидя за стойкой, азартно резались в карты и попивали горячий глинтвейн. Праздник есть праздник — все веселятся и проводят время в свое удовольствие даже на работе. Дерек поднялся в свой бывший кабинет и с удовольствием убедился в том, что тетушка Аврения уже отдала нужные распоряжения. Здесь все было как раньше, до его отставки — и это невольно радовало.

Можно спокойно сделать вид, что месяца в Эверфорте не было. Что ему все приснилось после особо буйного вечера, проведенного в кабаке или борделе, — и не такая дрянь померещится, когда заливаешь все свои горести и печали крепкими напитками.

Дерек тотчас же осадил себя, приказав не прятать голову в песок. Он убил Мишу Мейерна, и Аурика была в его жизни. Незачем это отрицать. Это недостойное малодушие, а Дерек не считал себя ни малодушным, ни недостойным.

Сидя в кресле, Дерек автоматически пролистывал донесения от подразделений и думал о том, что какое-то время придется пожить в старой квартире на Малой Зеленой, — квартира была неплохой, вот только Дерек давным-давно от нее отвык. Ну да ничего, на первом этаже в том доме располагается очень приличный ресторанчик, а буквально через квартал — лучший в столице бордель.

Надо же как-то проводить свободное время. Что еще остается делать? Он может пойти по дорожке, уже знакомой после разлуки с Верой, но теперь ему никто и слова не скажет. Человек, который собственноручно уничтожил опаснейшего серийного убийцу, может вести себя так, как сочтет нужным.

Отчеты были составлены из рук вон плохо; Дерек сделал несколько быстрых пометок в новом ежедневнике и подумал, что после праздников министерству придется туго. Разболтались сотрудики, обленились. Забыли старые времена. Пожалуй, надо будет устроить совещание с главами департаментов по округам, учинить головомойку и восстановить опорные пункты инквизиции в мелких поселках. Должна же жизнь учить хоть чему-то. Заодно не останется времени на мысли об Аурике.

Разобравшись с делами, Дерек покинул здание и отправился в больницу. Охранники, которые по-прежнему играли в карты, проводили его заинтересованными и уважительными взглядами, и Дерек услышал краем уха:

— Ну, лихой мужик, ничего не скажешь.

Спустя полчаса Дерек уже расположился на знакомом столе — в ожидании медиков он смотрел в потолок, прикидывая, чем заняться

вечером. Может, пригласить в гости Маркуса или кого-нибудь из прежних столичных товарищей? Интересно, что будет делать Аурика? Интересно, кто кого бросил?

Ему не было больно, но Дерек понимал, что эта анестезия бесчувствия скоро пройдет, и тогда начнется примерно то, что было после того, как он узнал о свадьбе Веры.

— О чем задумались?

Дерек встрепнулся и увидел медикуса, который, похоже, задал какой-то вопрос и ждет ответа так долго, что это уже становится неприличным.

— Простите, — смущенно ответил Дерек. — Вспоминал северное дело... Так о чем вы спрашивали?

— Какой тип артефакта ставить? — повторил медикус и указал на два раскрытых серебряных контейнера. — На полгода старый или на три месяца новый?

Дерек хотел было сказать про полгода, но потом почему-то передумал. Он и сам не знал, почему ответил:

— Давайте на три месяца.

— Очень интересная модель, буквально утром прислали из департамента артефакторики, — похвалил медикус. Серебряная пластинка, исчерченная темными значками, выскользнула из контейнера, и за ней потянулись тоненькие нитки бледно-голубой слизи. — Качественно новый уровень, но в первые два дня нужна частая подзарядка. Ничего сложного, просто кладете его в физраствор на час, потом активируете по привычной схеме.

— Хорошо, — понимающе кивнул Дерек, и пластинка артефакта невесомо легла ему на грудь.

Манипулятор оживлял своих упырей с помощью южных ядов. Магия и наука поднимали Дерека из мертвых, давая ему иллюзию жизни, почти неотличимую от реальности. В какой-то мере это было даже забавно.

Он был мертвецом с личным кладбищем. И вряд ли с этим можно было хоть что-то поделать. А Аурика была живой, и Дерек искренне хотел, чтоб она стала счастливой. Разве возможно женское счастье с Вангейнским палачом? Разве можно заставить кого-то жить на кладбище и непременно получать от этого удовольствие?

Он прекрасно знал ответ. Привиделась Аурика, бледная и красивая, похожая на привидение, — Аурика, которая смирилась с тем, что ее муж коллекционирует страшные чудеса. Аурика, которая загнала свои чувства туда, где они перегниют и станут тьмой. Все это приведет лишь к одному: однажды эта тьма прорвется и уничтожит ее. И Дерек положит в свою

коллекцию очередной экземпляра.

После активации артефакта на Дерек нахлынула волна легкости, хотя врач предупредил, что это всего на три часа. «Я словно какой-то диковинный прибор», — подумал Дерек, выходя на улицу и надевая шляпу. Понимание того, что он должен сделать, было простым и ясным.

Все восемь окон в квартире на Малой Зеленой были ярко освещены: должно быть, слуги заканчивали последние приготовления к встрече с хозяином. Поднимаясь по лестнице, Дерек думал о том, что Аурике должно быть хорошо в его доме. Уют, комфорт, тепло среди зимы — она это заслужила. Она еще будет счастлива.

Тетушка Аврения приложила руку и к квартире: конкретно этих слуг и горничную Дерек не нанимал. Улыбки на их лицах казались вполне искренними, комнаты сверкали после свежей уборки, а из столовой доносился тонкий аромат телятины в винном соусе. Дерек вдруг подумал, что после событий в Эверфорте станет вегетарианцем, по крайней мере, до тех пор, пока запах горящего тела Миши Мейерна не изгладится из его памяти.

Дерек вдруг обнаружил, что квартира куда-то делась. Вроде бы только что перед ним стояли слуги, которые выстроились поприветствовать хозяина, и он уже сидит в огромном кресле, обитом алой кожей, напротив на диване развалился Маркус, и, судя по батарее пустых бутылок на пушистом белом ковре, они заседают тут уже несколько часов.

«Зеленый светлячок», элитное заведение для верхушки власти и самых богатых господ столицы. Только здешняя хозяйка может позволить белоснежные ковры в борделе, и только в «Светлячке» такие прелестницы. Дерек покосился на обнимавшую его девушку и мысленно отметил: полторы тысячи карун как минимум, и это за час, а не за ночь.

Всю одежду девушки составляла цепочка с жемчужинкой.

Он, взяв со столика очередную бутылку, вслушался в рассказ Маркуса об очередной дамочке:

— Не в обиду вам, девушки, — Маркус легонько хлопнул льнувших к нему рыжеволосых близняшек по соблазнительно оттопыренным задкам, — но вы ей в подметки не годитесь. Я готов был отправиться на вершины блаженства, как вдруг дверь отворилась и вошел законный супруг моей богини!

В запасах Маркуса хранилась тысяча подобных занимательных историй, не меньше. Легко быть таким вот весельчаком и балагуром, ни о чем не думать и ждать смерть годам к восьмидесяти, чтоб она застала в

постели с красавицей и вином. Девушка, которая обнимала Дерек, потянулась к его ремню: так сказать, воплотить то, что только что было услышано.

— Сгинь, — лениво бросил он. Вино здесь было лучшее в столице: наверно, именно поэтому он и решил составить компанию старому приятелю. — Сгинь, дура, я женатый.

Девушка поджала губки и, плавно покачивая бедрами, покинула комнату. Маркус проводил ее липким оценивающим взглядом и вдруг совершенно трезвым голосом произнес:

— Расставаться всегда тяжело. Я понимаю.

— С чего ты решил? — хмуро осведомился Дерек. Сейчас ему меньше всего хотелось заводить душеспасительные беседы о своей жизни. Ему вообще ни о чем не хотелось говорить.

— После всей этой истории с Манипулятором ты никогда не пошел бы в бордель, — сказал Маркус. — Проводил бы время с милой Аурикой, вы пережили очень многое, это, как правило, сильно сближает. Но раз ты здесь, увы. Мне правда жаль, дружище.

Дерек усмехнулся. Отпил вина и напомнил себе, что не стоит пытаться топить проблемы в алкоголе — они отлично плавают.

— Давай я лучше расскажу тебе про один артефакт, — произнес он. — Именно благодаря ему я и не сгорел...

Юлия Мейерн, дочь Амикуса и сестра Миши, жила на одной из центральных столичных улиц — несколько лет назад она стала супругой Франка Абернети, молодого полковника, делавшего просто стремительную карьеру, вошла в высший свет и блистала там до рождения первенца. Потом ее словно подменили: из очаровательной легкомысленной кокетки с ветром в голове она превратилась в трепетную и заботливую мать. «Наконец-то Франк усадил ее дома», — злословили городские кумушки, которым до всего было дело.

Иногда Дерек думал, что Юлию тоже терзают страшные сны, и она пытается заглушить голос прошлого музыкой, танцами и светскими беседами.

Когда дворецкий открыл дверь изящного особняка в неоромантическом стиле, Дерек первым делом сунул ему под нос серебряную инквизиторскую бляху и, дождавшись, когда чопорное лицо седого мужчины, чем-то похожего на моржа, вытянется от удивления и побледнеет, сказал, что хочет видеть госпожу Юлию по неотложному делу государственной важности.

Его проводили в гостиную. Семейство Абернети было занято штурмом игрушечного замка: отец по всем правилам военного искусства направлял катапульты, маленький мальчик деловито расставлял солдатиков возле бойниц, а Юлия исполняла роль военно-полевого медика, бинтуя раненых. Увидев Дерек, она побледнела и выпрямилась, словно ее потянули за невидимые ниточки.

Узнала. Они не встречались с той ночи в Вангейне, но она его узнала. Вспомнила темную комнату, негромкий стук кровавых капель, что срывались с лезвий сабель, себя и Мишу, ради которого она готова была пожертвовать собой.

Что, если Дерек все-таки зарубил бы их обоих?

— Франк, позволь тебе представить, — промолвила Юлия глухим безжизненным голосом. — Мой бывший опекун господин Дерек Тобби.

Полковник тоже поднялся и посмотрел на Дерек с некоторым недоумением.

— Ты не говорила, что твой опекун — министр инквизиции, — произнес он, протягивая Дереку широкую твердую ладонь для рукопожатия.

Дерек подумал, что это в определенной степени провал. Если делаешь карьеру, то должен узнать о своей жене все. Или этот вояка был настолько покорен, что ни о чем не захотел думать?

— Юлия давно вышла из-под моей опеки, — улыбнувшись, заметил Дерек и, обернувшись к Юлии, добавил: — У меня есть к вам приватный разговор, дитя мое.

Она понимающе кивнула и предложила пройти в библиотеку. Когда за ними закрылась дверь, Юлия обернулась к Дереку, и в ее глазах заблестели слезы.

— Что вам нужно? — прошептала она. — Что вы...

Дерек подумал, что она так не боялась с той памятной ночи. Возможно, она хотела что-то добавить о том, что не отвечает за грехи давно погибшего отца и Дереку следует оставить ее в покое, но ничего не сказала: просто прижала пальцы к губам и практически без чувств опустила в кресло. Дерек задумчиво прошел вдоль книжных полок, остановился у окна и, глядя на заснеженный сад и слугу, который неторопливо расчищал дорожки, сказал:

— Вы давно получали известия от Миши?

Юлия неопределенно пожала плечами.

— Он сбежал из кадетского корпуса, — ответила она. — С тех пор я ничего о нем не слышала, правда. — Юлия сделала небольшую паузу и

спросила: — Почему вас это интересует?

На ветку возле окна сел деловитый снегирь с ярко-красным брюшком. Птица будто была одета в парадную инквизиторскую форму.

— Несколько дней назад Миша погиб на севере, — произнес Дерек.

Юлия коротко вскрикнула и, судорожным жестом прижав кончики пальцев к губам, прошептала:

— Нет... Нет, не может быть.

Дерек посмотрел на нее: лицо женщины было искажено пронзительной болью, и он на миг испугался, что Юлия лишится чувств. Но она смогла взять себя в руки и еле слышно спросила:

— Как это произошло?

Она любила брата всем сердцем. Дерек смотрел на нее и видел тоненькую хрупкую девушку, которая закрывала мальчика собой от Вангейнского палача. «Пожалуйста, — прозвенел дрожащий голос Юлии в его памяти. — Прошу вас... Со мной делайте все, что захотите. Но отпустите Мишу, он ведь совсем маленький».

Почему этот Миша, дьявол его побери, не оценил этого? Почему ему было настолько наплевать?

— Он работал в полиции одного из городов Северного округа, — сказал Дерек. Об Эдварде Гресяне надо было говорить только хорошее. — Принимал участие в захвате серийного убийцы по прозвищу Манипулятор и погиб от прохода некротической волны. Он не мучился и не страдал. Это мгновенная смерть.

Юлия издала тяжелый стон — возглас раненого животного, которое смотрит в глаза своей смерти. Дерек запустил руку во внутренний карман сюртука и вынул тщательно запечатанный пакет.

Пять квадратных дублонов царя Жевельта обеспечат семью полковника до старости их внуков. Дерек решил, что тетушка Аврения переживет эту потерю.

Юлия осторожно приняла пакет, подозрительно взвесила его на ладони и задумчиво поинтересовалась:

— Что это?

— То, что Миша завещал вам, — ответил Дерек и соврал еще раз: — Он очень любил вас, Юлия. Хотел, чтоб вы были счастливы.

Она неуверенно повертела пакет в руках и вдруг устало промолвила:

— Никогда он меня не любил. Если бы любил, подал бы весточку. Хоть слово.

И Дерек не смог с этим не согласиться. Любовь не бывает молчаливой, иначе никакая это не любовь...

Расставшись с Юлией, он отправился в свой особняк — надо было забрать кое-какие вещи и бумаги. Должно быть, Аурика дома, и Дерек надеялся, что они смогут переброситься словечком. Возможно, они как-то сумеют помириться и все-таки найти выход: он старательно давил в себе эту надежду, но все равно продолжал надеяться.

По лицу управляющего, открывшего дверь, никогда нельзя было понять, о чем он думает. Физиономия выражала лишь внимание и искреннюю готовность к услугам — впрочем, чего еще требовать? Дерек знал, что через несколько минут в его кабинете уже будет фарфоровый кофейник с обжигающим кофе, а управляющий даст полный отчет по всем делам.

— Госпожа Тобби дома? — уточнил он будто бы вскользь, словно его это нисколько не интересовало. Управляющий отрицательно мотнул головой.

— Нет, ваша светлость, — ответил он. — Два часа назад госпожа Тобби ушла со знакомым.

Дереку стоило значительных усилий скрыть свое удивление. Откуда у Аурики знакомые в столице? С кем она пошла и куда? Душу царапнуло неприятное предчувствие.

— Он оставил карточку? — поинтересовался Дерек.

Управляющий прошел по гостиной, поискал среди газет на столике и кивнул.

— Да, ваша светлость. Вот.

«Август Вернон, доктор медицины, анатом», — прочел Дерек, и вдруг ему стало смешно. Настолько, что он даже нервно фыркнул. Управляющий удивился так сильно, что слегка приподнял левую бровь.

— Понятно, — сказал Дерек и небрежно швырнул карточку обратно на поднос. Свернуть бы ее да засунуть Вернону туда, куда солнце не заглядывает. — Принесите кофе в мой кабинет.

— Сию секунду, ваша светлость, — поклонился управляющий.

Дерек зашел в гостевую спальню и убедился, что Аурика выбрала в качестве своей комнаты именно ее — просторную, светлую, с окнами на юг. Вещи еще не были распакованы до конца, знакомое клетчатое платье небрежно свешивалось с кресла, а на столике стояла открытая шкатулка с украшениями. Дерек заглянул в нее: подаренный им комплект с розовыми бриллиантами, который Аурика как-то умудрилась не потерять во время приключений с Манипулятором, весело сверкал на солнце острыми гранями.

На мгновение его охватила жгучая обида. Значит, хам, алкоголик и

ссылный каторжник хорош, а министр, видите ли, рылом не вышел. С его недостатками просто невозможно смириться, он ведь не пламенный революционер и борец за свободу, а извращенец и убийца. Вся разница с Манипулятором только в том, что Дерек состоит на государственной службе. Нашел, так сказать, прикрытые для своих омерзительных делишек.

То, что он не сделал Аурике ничего дурного и готов был сдуть с нее пылинки и выполнять все желания, не в счет. Помнится, Маркус советовал: бабам надо говорить, чтоб они шли поест дерьма, а не дышать рядом с ними через раз. Вот тогда будет толк, любовь и верность. Получается, он был прав.

Дерек разозлился настолько, что изо всех сил пнул ни в чем не повинный чемодан, стоявший у стены, и быстрым шагом покинул комнату.

Понимание того, что со всем этим делать, пришло к Дереку вечером, когда он вернулся в свою квартиру на Малой Зеленой. Отпустив слуг до завтрашнего полудня, Дерек несколько часов провел в своем кабинете над записной книжкой, пока не убедился, что все запланированные дела выполнены.

Должно быть, Аурика уже вернулась домой, а может, предпочла остаться где-нибудь в компании Вернона. В конце концов, Дерек сам выпустил птичку из клетки, так разве он может теперь осуждать ее? Он прекрасно понимал всю правоту принятого решения, но боль, копившаяся в груди, от этого не переставала его мучить.

Аурика свободна. Она может делать все, что считает нужным. Она сама себе госпожа и не обязана думать о его чувствах. Пусть больно, пусть неприятно, но это так.

Закрыв записную книжку, Дерек отправился в спальню: артефакт заряжался в физрастворе на прикроватном столике. Дерек угрюмо посмотрел в его сторону и полез в шкаф.

Ящик оказался неожиданно легким. Дерек не ожидал, что коллекция вспыхнет настолько легко — хватило крошечного воспламеняющего артефакта, брошенного в распахнутую пасть ящика. Столб огня был таким, что Дерек испугался, как бы пламя не перекинулось на мебель и не охватило бы всю комнату, но этого не произошло. Постепенно огонь утих, а потом и совсем угас, оставив лишь оплавленные стенки ящика. Все закончилось. Те, с кем Дерек сражался всю жизнь, ушли безвозвратно.

От них осталась только вонь, да и ту вскоре выдуло в приоткрытое окно. Дерек устало вздохнул, разделся и опустился на кровать. Он и не думал, что уничтожение коллекции настолько опустошит его: ощущение было таким, словно он весь день таскал ящики в порту. Артефакт пискнул

из физраствора — дескать, вот он я, готов, бери меня и активируй.

— Спокойной ночи, — сказал Дерек и закрыл серебряную емкость с артефактом.

Он не думал, что у него получится заснуть, но заснул почти сразу спокойным сном человека, который закончил все свои дела и имеет полное право отдыхать. Спустя полтора часа Дерек начал сниться знакомый сон про особняк Мейерна, но в эту минуту силы, которые давал артефакт, окончательно иссякли без подзарядки. И сон закончился.

Аурика заснула под утро. Дерек отдал слугам необходимые распоряжения, и к жене хозяина дома отнеслись с самым искренним уважением, в мгновение ока подготовив все необходимое для того, чтобы она почувствовала уют и комфорт.

«Кто кого бросил?» — спросила себя Аурика, лежа на огромной кровати в гостевой спальне. Теперь это была ее комната и ее дом, теперь она могла делать все, что сочтет нужным, она получила свободу. К свободе прилагалось одиночество, и это пугало Аурику до дрожи.

Постепенно дом погрузился в сон. Аурика видела, как за окном гуляет мороз, рисует на стеклах прихотливые узоры из цветов и листьев, скрипит снегом на крыше, рассыпает мелкие снежинки возле зябнущего фонаря. Интересно, где сейчас Дерек? Вернется ли он? Или они в самом деле попрощались навсегда, потому что она не смогла себя пересилить? Но ведь есть вещи, которые могут убивать и калечить душу, и Аурика была уверена, что с ними смиряться нельзя.

Кто кого бросил?

Она погрузилась в сон лишь под утро и проснулась, когда комнату уже заливал веселый свет солнца. Мир снаружи был радостным, снежным, обновленным, мир отмечал Новый год, и на какой-то миг Аурика всем сердцем поверила, что может быть счастлива.

Потом она вспомнила, что вчера рассталась с Дерекком, и вздохнула: нет, не может. Разве возможно счастье, если рядом с тобой нет того, кого ты любишь?

После завтрака, когда Аурика поднялась в библиотеку, прикидывая, чем заняться, — обычные занятия барышень вроде вышивания всегда наводили на нее тоску — пришел дворецкий с подносом.

— Госпожа Тобби, к вам посетитель, — произнес он, поклонившись.

Аурика вдруг подумала, что словосочетание «госпожа Тобби» не имеет к ней никакого отношения. Она поддельная жена, она рассталась с человеком, которого полюбила... Взяв с подноса белый кусочек глянцевого

картона, она увидела черные буквы с легким наклоном вправо: «Август Вернон, доктор медицины, анатом», — и едва сдержала удивленный взглас. Вернон бросил все и приехал в столицу? Невозможно!

— Передайте, что я сейчас спущусь, — ответила Аурика и стала судорожно вспоминать правила визитов: гость должен ожидать не менее четверти часа, если прибыл без приглашения...

Она спустилась в гостиную через пять минут.

Доктор Вернон сидел на диванчике, сцепив пальцы на колене. Рядом с ним лежала небрежно брошенная полосатая коробочка: Аурика знала, что в таких хранят государственные награды. Можно было думать, что ничего не изменилось: они по-прежнему в Эверфорте, и Аурика не расставалась с Дерекком, он просто ушел, например, к бургомистру Говарду.

— Август! — воскликнула она, понимая, что действительно невероятно рада увидеть анатома. Теперь она была не одна, и тягостное давящее чувство больше не имело над ней власти. — Какими судьбами вы здесь?

Вернон выпрямился и осторожно прикоснулся губами к протянутой ему руке. Аурика обратила внимание на то, что анатом одет изящно, даже слегка пафосно. Новая одежда шла ему: теперь это был не бунтарь, сосланный на край света, а джентльмен. Возможно, и ершистый характер у него смягчился.

— Вот, ходил получать государственную награду за участие в охоте на Манипулятора. Ваш супруг расстарался, отметил всех причастных к этому делу. — Он кивнул в сторону коробочки с орденом и добавил, не выпуская руки Аурики: — Решил зайти поздороваться с вами. Вы не против?

— Нет, — улыбнулась Аурика. Ей вдруг стало легко и спокойно. — Хотите чаю?

— Хочу, — ответил Вернон. — Но, пожалуй, не здесь. Я тут по дороге заметил одно интересное место... Почему бы нам не прогуляться?

Аурика вдруг подумала, что Дерек может вернуться и вряд ли он оценит тот факт, что его жена куда-то ушла в компании мужчины, тем более доктора Вернона. Но потом она решила, что не стоит отказываться от крошечной радости в жизни, и спросила:

— А на улице не холодно?

Вернон рассмеялся:

— Вы все еще боитесь морозов после Эверфорта? Мне казалось, вы достаточно закалились.

— Не знаю, — пожала плечами Аурика и вдруг выпалила: — Август, вы простите меня? За то, что уехала, не попрощавшись с вами, и... — Она

помолчала и добавила: — И за то, что ничего у нас не будет...

Вернон понимающе кивнул и сжал ее руку.

— Прощу, конечно, — ответил он. — Я давно знаю, что не с моей внешностью и историей ухаживать за благородными дамами. Вы правильная женщина, Аурика. Могли бы много лет морочить мне голову, но не стали.

Это прозвучало слишком ярко и слишком трагически — Аурике показалось, что в комнате стало темно. Она вздохнула и предложила:

— Давайте погуляем. Попьем где-нибудь глинтвейна, а потом я провожу вас на вокзал.

— И я уеду из вашей жизни, — улыбнулся Вернон. — Договорились. Идем.

Аурика вернулась домой ровно в десять вечера. Старая, еще детская привычка, принесенная из родительского дома, требовала: леди должна возвращаться не позже шести. Это какая-нибудь крестьянка может гулять до поздней ночи по кустам и сеновалам, а благородные барышни так не поступают. Аурика решила, что о таких мелочах давно пора забыть. Она заслужила право жить так, как считает нужным.

Она так и не поняла, почему Вернон решил встретиться с ней, — то ли просто хотел повидаться напоследок, то ли все-таки на что-то надеялся. Надежда не оправдалась: на перроне Аурика поцеловала его в щеку, как могла бы целовать брата, Вернон поднялся в вагон и махнул ей на прощанье.

Эверфортская история была закончена. Аурика ехала домой, смотрела, как по праздничным столичным улицам гуляет веселый народ, и думала, что однажды расскажет об этом своим детям. О городе на далеком севере, о таинственном золоте, которое хранилось под землей, и о Манипуляторе, убивавшем невинных девушек, чтобы получить несметные сокровища.

Каждый в итоге получил свое. От Манипулятора осталась горстка пепла, Вернона наградили орденом Святого Атанасиуса, к которому прилагалось щедрое ежемесячное содержание, позволяющее забыть о проблемах с деньгами, а Аурика теперь жила в роскошном доме в центре столицы.

Вот только он был ей не нужен. Совсем. Аурика предпочла бы вернуться в каморку на чердаке, которую снимала, когда приехала в столицу.

— Господин Тобби дома? — небрежно спросила она, легким движением сбрасывая шубку на руки дворецкого.

Тот отрицательно покачал головой:

— Заезжал днем за бумагами.

— А где... — Аурика замялась, прекрасно понимая, что ее слова будут истолкованы превратно. — Где он сейчас живет?

На лице дворецкого не отразилось ничего: с прежней готовностью к услугам он ответил:

— Малая Зеленная, дом шесть. Его квартира на третьем этаже.

Аурика кивнула и указала на шубку.

— Я поеду туда. Ужин можно не накрывать.

Дом на Малой Зеленой выглядел сонным и угрюмым. Несмотря на новогоднее веселье, охватившее столицу, обитатели этого места уже легли спать: во всем здании горело лишь одно окно, как раз на третьем этаже. Должно быть, Дерек что-то читал на ночь, морально готовясь к мучениям, которые ему принесет очередной сон.

Консьержки в парадном не было: Аурика поднялась на третий этаж и некоторое время стояла возле двери, готовясь постучать и не имея сил сделать это. Наконец она решительно выдохнула и, взяв бронзовый молоточек на цепочке, осторожно постучала в дверь. Никто не ответил.

Аурика пожалала плечами, постучала еще раз — тишина. Устало вздохнув, она наудачу положила руку на ручку двери и толкнула ее вниз. Не заперто. Странно. Очень странно.

Она тихонько вошла в квартиру и потрясенно замерла: дом заполняла глухая тишина умершего места, давно покинутого людьми. Кто-то, уходя, оставил горящую лампу, и теперь ее неверный тусклый свет выбивался из-за двери одной из комнат. Это только подчеркивало пустоту — так горит лампадка над могилой.

— Дерек? — негромко позвала Аурика. — Дерек, это я.

А что, если он просто спит? А она настолько глупа, что шарахается от собственной тени... Но тишина в квартире была настолько глухой и тяжелой, что Аурика всей душой, всем своим естеством поняла: тут произошло что-то плохое. Что-то очень плохое.

На цыпочках она подошла к двери, из-под которой выбивался свет, осторожно повернула ручку. Наверняка Дерек просто спит, а всякие ужасы — это просто ее разыгравшееся воображение. Он спит, а Аурика сядет рядом, и, когда к Дереку в очередной раз придет кошмар, она дотронется до его плеча и скажет, что все хорошо и это просто сон.

Обгоревший ящик был первым, что она увидела, войдя в комнату. Контейнеры в нем слиплись в грязную стеклянную массу, их содержимое было полностью уничтожено. Дерек сжег свою отвратительную коллекцию, у него хватило сил, чтоб сделать этот шаг...

— Дерек? — окликнула Аурика.

Он лежал на кровати и, казалось, действительно спал. Но рука, протянутая к серебряной емкости для артефактов, свисала настолько безжизненно, что Аурика ощутила мгновенную дурноту и слабость и испугалась, что сейчас упадет на ковер.

Не упала — у нее хватило сил, чтоб броситься к Дереку, встряхнуть его, несколько раз ударить по щекам, попытавшись привести в чувство. Ничего не вышло. Человек на кровати был мертв.

Кажется, Аурика заплакала. Кажется, она вытащила артефакт из емкости и трясущимися руками вдавила его в грудь Дерека. Кажется, она кричала, умоляя его вернуться.

Потом на ее вопли прибежали соседи, и кто-то расторопный вызвал врачей и полицию. «Это мой муж, — повторяла Аурика свистящим шепотом, — это мой муж». Спустя полчаса после того, как она вошла в квартиру на Малой Зеленой, Дерек отвезли в Госпиталь святого Марка, и Аурика, которую не пустили в операционную, устало опустилась на скамью и вдруг догадалась, в чем именно была ее ошибка.

Всего лишь в том, что любовь не терпит опозданий. Любовь забирает свое себе.

Потом из операционной вышел врач, на ходу стягивая перчатки. Аурика взглянула в его хмурое лицо и все поняла без слов.

Тело Дерека казалось куклой. Мастер, сделавший ее, будто бы решил в какой-то момент махнуть рукой на свое творение и оставил куклу на рабочем столе, небрежно прикрыв тканью. Аурика медленно подошла к Дереку. Если бы сегодня утром кто-нибудь сказал, что она попробует заговорить с мертвым мужем, она бы просто рассмеялась. Рассмеялась и никуда бы не ушла. Не оставила бы Дерек одного.

Сейчас, когда она стояла возле операционного стола в ярко освещенном зале, ей было ясно одно: любовь — это чувство, выраженное вовремя. Любовь не терпит опозданий и всегда забирает свое себе.

— Не уходи, — негромко сказала Аурика. Она пыталась говорить спокойно, но все-таки не выдержала. По щеке пробежала слеза, потом еще одна. — Дерек, пожалуйста, не уходи.

Что, если он не захочет ей ответить? Просто не станет говорить с нею, и все. Она ведь не может принуждать мертвых, она просто слушает их прощальные слова, если их сочтут нужным сказать.

— Не уходи, — повторила Аурика. Сейчас она чувствовала себя маленькой девочкой, испуганной и слабой, а надо было быть сильной, надо

было сказать так много...

«Я уже давно умер, — прошелестел в голове знакомый голос. Аурика встрепенулась: Дерек не смотрел на нее, но она чувствовала что-то похожее на прикосновение. — Я мертвец, а ты живая. Ты должна жить, Аурика».

— Я не хочу без тебя, — прошептала Аурика.

Дотронулась было до щеки мертвеца, но отдернула руку. В голове прошелестел легкий смех.

«Я палач, Аурика. Все, что я делаю, оборачивается только злом. Лучше закончить все это сейчас, пока не стало хуже. Считай, что я просто в очередной раз зачистил мир от зла».

Аурика помедлила и осторожно взяла Дерек за руку. Неужели у нее когда-нибудь случится другая жизнь и новая любовь — жизнь и любовь, в которых не будет человека, чей сон она охраняла. Невозможно. Невозможно и бессмысленно.

«Отпусти меня, — вдруг попросил Дерек. — Я не могу уйти, пока ты здесь».

— Нет, — твердо сказала она. — Нет, Дерек.

Возникшая тишина была тяжелой и плотной. В воздухе над Аурикой клубилось нечто дымное, давящее, готовое рвать ее на части.

«Нет, — подумала Аурика. — Дерек, мы все исправим. Все будет по-другому».

— Возвращайся, — сказала она вслух. — Я не смогу без тебя.

Воздух стал густым и горьким, и на какой-то миг Аурике показалось, что она задыхается. Что-то стукнуло в окно, и она услышала чьи-то быстрые шаги: кто-то пробежал по крыше.

— Дерек, пожалуйста, — повторила Аурика. — Вернись. Мы все начнем сначала.

Она хотела сказать, что новая жизнь возможна всегда. И любовь возможна.

Он не ответил.

Постепенно в зале стало свежо: душная грозовая тяжесть отступила. Мертвец молчал, Аурика держала его за руку и ждала. Медленно текли минуты, тьма за окном стала сереть, человек перед Аурикой был неподвижным.

Она ждала.

Когда тяжелая ледяная рука в ее ладонях дрогнула, наливаясь живым теплом, Аурика на миг перестала дышать.